

A promotional poster for the Doctor Who episode 'Shining Darkness'. At the top, David Tennant as the Tenth Doctor and Jenna Coleman as Clara Oswald are shown from the chest up. The Doctor is on the left, wearing his signature brown jacket over a dark shirt, with a serious expression. Clara is on the right, wearing a dark fur-trimmed coat, looking slightly to the side. They are set against a fiery, orange and red background with glowing energy lines and a faint image of a city at night. A large, glowing, orange and yellow banner with a pointed right end cuts across the middle of the image. Below this banner, the title 'Shining Darkness' is written in a large, white, serif font. Underneath the title, the text 'Written by Mark Michalowski' is written in a smaller, white, sans-serif font. At the bottom of the poster, a Cyberman is shown from the chest up, pointing its right hand towards the viewer. The Cyberman has a metallic, silver-colored body with red glowing eyes and a red glowing mouth. The background behind the Cyberman is a dark, circular, mechanical-looking structure with glowing orange and yellow light. The overall color scheme is dominated by reds, oranges, and yellows, creating a sense of intense energy and danger.

DOCTOR • WHO

Shining Darkness

Written by Mark Michalowski

Сияющая Темнота

Марк Михаловски

Перевод осуществлён **ssv310**
на сайте [Notabenoid](#)

С точки зрения Донны Ноубл, галактика Андромеды – это что-то очень, очень далеко от дома. Но даже в двух с половиной миллионах световых лет от Земли опасности таятся на каждом шагу... Посещение галереи искусств превращается в космическую гонку с целью раскрытия секретов тайной организации.

И на пустынной планете Каррис, и на межпланетной свалке Хлам, Доктор и Донна обнаруживают, что внешность может быть обманчива, что за каждым поворотом таится враг, и что многовековой мир между людьми и машинами, возможно, подходит к концу... потому что где-то за кулисами Культ Сияющей Темноты готовится ввергнуть галактику в хаос!

Оглавление

Оглавление	4
Пролог.....	5
1	12
2	21
3	31
4	41
5	53
6	69
7	96
8	106
9	133
10	147
11	158
12	170
13	175
14	185
15	193
16	210
17	214
Благодарности.....	216

Пролог.

– Два с половиной миллиарда световых лет, – с ехидной усмешкой сказала Донна Ноубл, – и ты ведёшь меня в *галерею искусств*?

– Два с половиной *миллиона* световых лет, – поправил Доктор, оттянув Донну в сторону, освобождая дорогу чему-то ехавшему по улице, похожему на прямоходящего муравьеда, утыканного канцелярскими кнопками. – И это же *не просто* галерея искусств, – голос у него был почти обиженный.

– Если ты собираешься сказать мне, что это «*не просто* галерея искусств», потому что в ней есть магазин, в котором продают магнитики для холодильника...

– Возможно, есть, – ответил Доктор, виновато отведя взгляд и потянув себя за мочку уха.

– Ты такой предсказуемый, – засмеялась Донна, – ты сам это понимаешь?

– А вы, – перебил её глубокий жужжащий голос, похожий на говорящую бензопилу, – загораживаете мне дорогу.

Донна обернулась. У неё за спиной, прямо посреди широкого тротуара, на котором они стояли, был робот. Впрочем, чтобы понять это, Донне потребовалось несколько секунд. Выше пояса он был похож на бронзовую версию древнегреческого бога: весь из себя металлические мускулы, подбородок, надменность. А вот ниже пояса всё было абсолютно иначе: вместо ног там были гусеницы, как у трактора.

Вначале Донна подумала, что это обычный человек (ну, насколько вообще можно быть обычным, если выглядишь как экспонат музея, который хулиганы обрызгали металлической

краской), который лишился ног в какой-то аварии и вместо них получил половину трактора.

– Простите, – автоматически сказала она.

– Вот-вот, – прожужжал робот, и только тогда Донна поняла, что он не был существом из плоти и крови.

Его глаза были холодные и блестящие, и она поняла, что кожа была вовсе не кожей, а странным жидким металлом, в котором, как в кривом зеркале, отражалось её собственное лицо.

– Если уж решили остановиться поболтать, то стали бы *вон там*, – и он надменно указал пальцем на другую сторону тротуара.

Это для Донны было слишком.

– Ну, знаете, – сказала она, расправив плечи.

– Не стоит, – шёпот Доктора она едва расслышала.

– Если уж решили хамить, – продолжила она, игнорируя Доктора, – то езжайте *вон туда*, – она указала на центр улицы, где по четырём полосам транспорт носился со скоростью, от которой становилось дурно. – Приятель, – добавила она на всякий случай.

– Правда, не стоит, – добавил Доктор.

Робот высокомерно поднял бровь и оглядел Донну от макушки до пяток.

– Организмы! – презрительно фыркнул он.

– Это что, попытка обозвать? – парировала Донна. – Потому что там, откуда я родом, с такими оскорблениями не берут даже к Трише, не говоря уже о Джереми Кайле¹.

– Донна...

– Вы говорите бессмыслицу какую-то, – отмахнулся робот.

В этот момент вмешался Доктор, он взял Донну под руку и отвёл в сторону.

– Донна! Когда мы были в Риме...

¹ Британские телевизионные ток-шоу.

– Ты уверен, что не в Помпеях? – ехидно спросила она. – Да кем он себя считает?

– Видимо, он себя считает местным жителем, который только что наткнулся на двоих инопланетян, которые не знают правила движения по улицам; примерно так он считает.

Донна увидела, что Доктор широко улыбнулся роботу, извиняясь.

– Не улыбайся ему, простого «извините» было бы достаточно. Незачем так расшаркиваться.

– Возможно, в будущем, – устало сказал робот Доктору, зажужжав приводами и повернув своё основание (хотя верхняя часть при этом осталась повёрнутой лицом к ним), – вы лучше выдрессируете своего питомца.

У Донны отвисла челюсть. Прежде, чем она успела что-нибудь сказать, Доктор взял её за плечи и увёл с пути робота, который, не сказав больше ни слова, пожужжал дальше по улице.

– Питомца?! – вскрикнула она.

– Здесь о домашних животных очень высокого мнения, – быстро сказал Доктор, правда, не очень убедительно.

– Питомца?! – закричала Донна роботу, но тот уже исчез в толпе.

Она повернулась к Доктору, всё ещё с открытым от удивления ртом:

– Ты можешь в это поверить?! Ты мне сказал, что поведёшь меня куда-то в цивилизованное, высокоразвитое общество. Да на футбольном матче и то больше можно встретить цивилизованных и высокоразвитых!

Доктор аккуратно подвёл Донну к стене, убрав её с пути проходящих мимо пешеходов.

– Хоть бы раз мне встретить хорошего робота, – сказала она, всё ещё злясь. – Должны же быть такие. Где-нибудь. Ты же любое место во Вселенной можешь выбрать, должны же быть хоть где-то...

– Напомни мне свозить тебя в Напир-Альфа, – сказал Доктор. – Очень гостеприимные... во всяком случае, так пишут в «Путеводителе по галактике Айсоп». Сам я там, правда, не был, но отзывы слышал очень хорошие.

Донна скептически повела бровью:

– Судя по тем роботам, которых я видела, шансы того, что это правда, весьма низкие.

– Не суди о целом классе существ по всего лишь трём представителям, – пожурил её Доктор, оглядывая монументальные небоскрёбы, стоявшие вдоль улицы. – Вспомни, что ты почувствовала, когда впервые уда увидела...

– Это было совсем другое. Они не были роботами, просто они выглядели немного... – она улыбнулась, надеясь немного снять напряжение, – по-удски.

– Они, встретив тебя, наверное, подумали точно так же.

Он указал на блестящее зелёное здание в нескольких метрах от них:

– Пойдём, посмотрим, есть ли у них искусство роботов. Оно поможет тебе увидеть всё с другой точки зрения.

– Это не мне нужно точку зрения изменять, – ворчала Донна, заходя за ним в дверь, которая, открывшись, пожелала им доброго утра.

– Искусство, – начал Доктор слегка напыщенным голосом, – это окно в душу человека. Или андромедянина, разумеется, – добавил он.

У Донны от удивления расширились глаза: существо, похожее на мягкий журнальный столик с короной из сверкающих металлических глаз, остановилось перед ними, чтобы осмотреть неприметный кусок серого мрамора под стеклянным колпаком – тот же, который сейчас осматривал Доктор. А впрочем, – подумала Донна, – возможно, он рассматривает *нас*.

Она слегка улыбнулась. На всякий случай. Уже бидев, пускай и не нарочно, одного андромедянина, она решила перестраховываться с другими встречными существами.

– Если хочешь, – прошептал Доктор, – я тебя с удовольствием отвезу куда-нибудь, где есть опасность, волнение, и смерть. Как скажешь.

Журнальный столик ушёл, издавая хихикающие, кашляющие звуки. Донна вытянула руки ладонями вверх, изображая весы:

– Опасность, волнение, и смерть? – её руки двигались вверх-вниз. – Или галерея искусств?

– Мещанка, – усмехнулся Доктор. – Мы можем совместить эти две опции, посетив Третью империю Витражей... О, постой-ка! – неожиданно он метнулся по чёрному зеркальному полу галереи в направлении большого стенда, и Донна осталась стоять в одиночестве.

Вздохнув, она побрела за ним. Она обожала искусство. Правда-правда. У неё дома на стене висела репродукция картины... как её... с подсолнухами. Это было искусство. Настоящее искусство. А не какие-то куски непонятно чего, закреплённые на картонке и посыпанные травинками. Или торчащая из пола половина автомобиля. Или серая мраморная плита.

Она догнала его, едва не столкнувшись с тремя высокими, болезненно тощими блондинками, которые только что зашли в этот зал галереи. Они выглядели как-то неуклюже и неестественно.

– Простите, – прошептала Донна, обходя их.

Они молча провели её взглядом.

Доктор нагнулся, прижавшись носом к стеклу, за которым на тонком стеклянном штыре было размещено нечто, похожее на ржавое колесо от грузовика, инкрустированное бриллиантами.

– Донна! – прошептал Доктор, подзывая её к себе. – Что скажешь об этом?

Она посмотрела.

– Ты что, хочешь мне рассказать, что это воплощает извечную борьбу между The Pussycat Dolls и Girls Aloud²?

– То, о чём ты говоришь, будет в следующем зале, – сказал он.
– А это гораздо лучше.

– Ну, колись, сестра Венди³, что это?

– Ну, вообще-то я не знаю что это, но что бы это ни было, это больше, чем просто произведение искусства.

– Правда? – Донна попыталась сдержать просившийся наружу зевок.

Три супермодели (или кто они там были) разделились и стали вокруг экспоната, который так заинтриговал Доктора, хотя он, похоже, их не замечал. Что-то в этой троице было немного странное, что-то расчётливое и подозрительное. Они были похожи на взломщиков, осматривающих дом, вычисляя подходящее время, чтобы залезть в него и украсть DVD проигрыватель. Не говоря уже о том, что они (насколько Донна могла судить) были абсолютно одинаковые.

² Музыкальные группы.

³ Сестра Венди – монахиня, ведущая телепередачи об искусстве на британском телевидении.

Доктор достал свою звуковую отвёртку, включил её, и поводил ею вокруг экспоната. Через несколько секунд он с озадаченным лицом спрятал её обратно в карман.

– Подожди меня тут, – сказал он, оглядываясь. – А я пойду найду владельца галереи.

– А ты не можешь просто брошюрку почитать? – спросила Донна.

– Уже прочёл. Ерунда в ней какая-то. Одна секунда – и я вернусь.

Одна из супермоделей, одетая в серый брючный костюм с такими острыми складками, что можно было о них порезаться, посмотрела на Донну. Донна улыбнулась в ответ.

– Искусство, – сказала она, чувствуя себе не в своей тарелке. – Превосходно, правда? Окно в человеческую душу. Или в душу андромедянина, – добавила она на всякий случай.

Супермодель молча смотрела на неё, потом перевела взгляд на своих попутчиц.

Любительницы искусства, – подумала Донна. – Какие же они...

Её мысль оборвалась, когда она заметила жирное пятно на стекле, в том месте, где Доктор прижимался носом. В идеально чистой, снобистской обстановке галереи оно выглядело ужасно неуместно, и Донну подмывало оставить всё как есть.

Но она ведь представительница Земли, так? Она же не хочет, чтобы местные говорили о том, какие грязнули эти люди (и повелители времени). Тем более, что эти три женщины так заинтересовались этим экспонатом. Поэтому, вынув свой носовой платок, Донна шагнула вперёд, чтобы протереть стекло... и в этот миг почувствовала, как по её коже пробежало что-то вроде статического электричества, и вся комната стала ослепительно белоснежной.

1

– Эй! – крикнула Донна, когда свечение угасло, оставив у неё перед глазами искристые следы. – Что это...

Она замолчала, увидев, что за те несколько секунд, в течение которых она ничего не видела, в галерее искусств каким-то образом успели сменить дизайн интерьера. Вместо широкого просторного помещения с блестящим чёрным полом и белыми стенами теперь была более низкая и тесная комната в пурпурно-чёрных завитках. Стены вокруг неё были изогнутыми, отчего ей казалось, что она находится внутри половинки сваренного вкрутую яйца. Супермодели и стенд с экспонатом были тут же, хотя освещение экспоната выключилось, отчего колесо с алмазами стало ещё больше напоминать кусок старого хлама. У неё закралось подозрение, что возможно – а вдруг – она уже не в галерее...

За спиной у Донны с шипением раскрылась дверь, и она развернулась на звук.

– Превосходно! – бесстрастно произнёс зашедший в дверь маленький толстячок со светлыми кучерявыми волосами. Он смотрел на троих супермоделей. – Просто превосходно! А это кто? – он упёр руки в свои широкие бока и осмотрел Донну.

– Я вам не «это», – отрезала Донна. – Вы кто?

– Взять её, – сказал он, насмешливо фыркнув.

Внезапно Донна почувствовала, что её крепко взяли под руки, и, обернувшись, она увидела, что это были две из супермоделей. Не может быть, – подумала она, – чтобы кто-то, а особенно супермодель, мог держать так крепко.

– Пошли вон! – прорычала она, пытаясь вырваться.

Но их хватку пересилить не удавалось. Третья супермодель стояла с другой стороны музейного стенда и смотрела на неё холодным мёртвым взглядом.

– Кто это? – спросил мужчина так, как будто бы её там и не было.

– Я та, кто знает того, кто очень расстроится, когда вернётся и узнает о вашей выходке.

Не обращая внимания на Донну, одна из супермоделей лишённым эмоций голосом сказала:

– Она зашла в зону телепорта в момент его активации.

– Я тут, если вы не заметили, – резко сказала Донна. – Я и сама умею говорить.

Она секунду подумала.

– Телепорт? Меня *телепортировали*?

– Да, – ответил невысокий человек усталым голосом.

Его голубые глаза были почти такими же холодными и мёртвыми, как у супермоделей. На нём был тёмно-серый деловой костюм без отворотов, и накрахмаленная рубашка с бело-розовыми горизонтальными полосками. Что-то в его внешности напоминало Донне агентов по торговле недвижимостью.

– Кто вы такие? – требовала Донна. – Когда об этом узнает Доктор, у вас будут большие неприятности.

– Доктор? Кто она? Или он?

– Ха, ха, ха. Как смешно.

Донна повернула голову, чтобы найти Доктора, но поняла, что её телепортировали без него. Повернув голову обратно, она оказалась лицом к лицу с маленьким человеком.

– Вы что наделали? – рычала она. – Где я? Кто вы такие?

Прищурившись, мужчина выдержал паузу и сказал:

– Меня зовут Гараман Хавати, вы на борту моего корабля «Тёмный Свет». А вы кто?

– Донна Ноубл. И это означает «проблема», если вы не вернёте меня туда, откуда взяли. Немедленно!

Гараман задумчиво скривил рот.

– Нет, – в конце концов сказал он. – Я так не думаю.

Он перевёл взгляд на державших её супермоделей:

– Заприте её где-нибудь!

Затем снова посмотрел на неё:

– У меня большой соблазн убить вас немедленно, но что-то мне подсказывает, что лучше вас какое-то время подержать.

– Ох, мистер, – сказала Донна, сопротивляясь супермоделям, тащившим её прочь. – Как же вы ошиблись. Вот только подождите, Док... Ай! Уберите руки!

Но супермодели, не обращая на внимание на её слова, выволокли её из комнаты.

Доктор не успел пройти и пяти шагов, как вспышка света за спиной заставила его обернуться. Там, где несколько секунд назад были экспонат, Донна, и три человекоподобных робота, сейчас было пусто, осталось только прямоугольное углубление в полу.

– Опять, – вздохнул он и пересёкся взглядом со служителем галереи, прибежавшим из соседней комнаты узнать, что это была за вспышка.

– Простите, – сказал Доктор служителю – худому мужчине с перманентно изогнутыми (крашенными, как подозревал Доктор) бровями и с выражением полного пренебрежения на лице. – Что тут

только что произошло? Вы случайно не пользуетесь тут хьюоновыми частицами⁴? Надеюсь, у неё это не войдёт в привычку.

– Я надеялся, – растягивая слова, сказал мужчина, изогнув брови ещё сильнее и оглядев комнату, – что это вы мне об этом расскажете.

– Ну, судя по вспышке, и по отсутствующему куску пола, я бы сказал, что вас только что ограбили.

– «Ограбили»?

Доктор кивнул, присел в том месте, где был экспонат, и вынул свою звуковую отвёртку. Включив, он поводил ею несколько секунд в воздухе.

– Ограбили, – сказал он. – Телепортом. Ну, хорошо хоть не хьюоновые частицы...

Он встал на ноги:

– Кто-то похитил ценное сокровище.

– Не такое уж оно и ценное, – возразил служитель.

Доктор обиженно на него посмотрел:

– Я имел в виду Донну. Но, раз уж вы сами упомянули, то что именно это было? То, что тут экспонировалось?

Служитель элегантно пожал плечами.

– Искусство, – сказал он, словно никаких других объяснений больше не требовалось.

– Я полагаю, что это было чем-то большим, чем предмет искусства, разве не так?

– Это галерея искусств, – ответил мужчина. – Мы экспонируем предметы искусства.

⁴ Из-за хьюоновых частиц Донна впервые попала на ТАРДИС из церкви, где проходило её венчание.

– То, что у вас тут экспонировалось, – сказал Доктор, – было образцом весьма продвинутой технологии, судя по измеренным мной показаниям.

Внезапно он остановился, поняв, что пока он стоит тут, теряя время на обсуждение экспонатов галереи, Донны по-прежнему здесь нет.

– Мой вам совет, – сказал он, направившись к двери, – вам нужно усилить противотелепортационное поле. В Тэйт Модерн⁵ такое бы никогда не случилось.

Сказав это, он ушёл.

– Простите! Спасибо! Ой! Спасибо! – Доктор выбежал на улицу, ловко оббежал нескольких прохожих, и остановился на краю тротуара, глядя на бесконечный поток транспорта, протекавший мимо, словно река.

Зарегистрированный звуковой отвёрткой след телепорта скоро угаснет. И, если он не ошибается в том, куда её телепортировали, не пройдёт и нескольких минут, как она окажется вне досягаемости.

– Такси! – крикнул он, наклонившись в сторону проезжей части и выставив руку.

Ничего не произошло. Машины, грузовики и роботы продолжали катиться мимо. Он попробовал ещё раз, так же безуспешно. Наконец, отчаявшись, он засунул в рот два пальца и оглушительно свистнул. На тротуаре вокруг него все инопланетяне, люди и роботы замерли и обернулись, поражённые тем, что такой маленький он смог издать такой громкий звук. Когда Доктор начал изображать извиняющуюся мину, перед ним с громким звоном колокольчиков резко затормозило нечто, напоминающее бледно-жёлтого слона в доспехах. Золотистый глаз на длинном стебле

⁵ Галерея современного искусства в Лондоне.

вытянулся из боковой части головы этого существа и замер в нескольких сантиметрах от глаз Доктора.

– Правильно ли я понял, – зазвучал низкий, зычный голос, – что вам нужен транспорт?

– Я действительно сказал «такси», – извиняющимся тоном сказал Доктор.

– А, – сказал жёлтый слон, – вы с другой планеты, не так ли?

Доктор осмотрел себя:

– Это так заметно?

Глаз мигнул, прикрыв горчичного цвета радужку.

– Вы назвали себя «такси», – сказал слон. – Считайте, что вам повезло, что на вас никто не сел. Судя по вашему виду, вам не под силу нести пассажира.

– Внешность обманчива. Послушайте, извините, что тороплю вас, но мне нужно найти подругу.

– А-а, – сказал слон, на секунду задумавшись. – Вам, значит, нужно в район компаньонов.

– Нет, нет, нет, не такую подругу. Вполне конкретную подругу... – он запнулся, задумавшись о Донне. – Очень неординарную подругу, вообще-то. Мне нужно как можно быстрее попасть на мой корабль.

– Он в космопорте?

– Нет, в очаровательном скверике с высоким зданием в виде шляпной булавки.

– Суд Трагических Недоразумений. Я хорошо знаю это место.

И вдруг ещё один жёлтый стебель вырос из бока слона, обернулся вокруг пояса Доктора, и без усилий поднял его на спину существа, из которой выросло удобное сидение.

– Две минуты, – сказал слон, легко вливаясь в транспортный поток.

– А нельзя ли за одну? – спросил Доктор.

– Если не взломать мой ограничитель скорости, не нарушить несколько правил дорожного движения, и не создавать несчастные случаи со смертельным исходом – нельзя.

Вокруг Доктора обернулся ремень безопасности. Доктор вздохнул:

– Ну что же, две так две.

Когда Доктор погружался на жёлтом слоне в транспортный поток, за ним наблюдали. Наблюдатель – енот в ярко-красных штанах и феске – прищурившись, наблюдал за разговором незнакомца и слона. Его слух был очень чутким, он всё расслышал: инопланетянин направлялся к Суду Трагических Недоразумений. Енот быстро вынул маленький передатчик, нажал на нём пару кнопок, и начал говорить.

Слон (за время самой ужасающей в его жизни гонки Доктор успел выяснить, что слона зовут Черумпанч), как и обещал, высадил его рядом с Судом Трагических Недоразумений чуть-чуть раньше, чем через две минуты. Испытывая лёгкое головокружение, Доктор начал рыться в карманах в поиске какой-нибудь оплаты, но Черумпанч, поняв, что происходит, сообщил, что общественный городской транспорт бесплатный. Своим глазом на длинном стебле он осмотрел не очень аппетитный предмет, который протянул ему Доктор.

– Это орешек арахиса, – сказал Доктор, что мало что объясняло.

– Спасибо, – осторожно сказал Черумпанч, взяв орешек другим жёлтым стеблем и засосав его вовнутрь.

– Земной деликатес, – объяснил Доктор, направляясь по газону туда, где в тени стены стояла ТАРДИС. – Единственный в этой галактике! – крикнул он через плечо.

– Фу! – сказал Черумпанч, выплюнув остатки орешка.

– Не стоит бла... О, здравствуйте!

Остановившись в нескольких шагах от ТАРДИС, Доктор мигом забыл о жёлтом слоне-такси. Прямо перед ним стояли робот ростом три с половиной метра, с горящими красными глазами, похожий на результат столкновения разогнавшегося грузовика и сталелитейного завода, и угрюмого вида загорелый подросток. Было ясно, что они не намерены пропустить его к ТАРДИС. К ТАРДИС, которая была его единственным способом найти Донну.

– Орешков больше нет, – сказал Доктор, демонстрируя пустые ладони. – Извините.

– Не нужны нам орешки, – сказал паренёк.

Хотя он и выглядел лет на шестнадцать, такой жесткий и усталый взгляд Доктору не доводилось встречать у подростков. У парня было худое, словно точёное лицо, в одной ноздре был маленький брильянт, а одет он был, несмотря на солнце, в полосатое сине-чёрное пальто, которое было на него великовато.

– Какое облегчение. Возможно, у меня найдётся бутерброд, но я не помню, сколько он уже лежит...

– Вы были в галерее, – перебил его паренёк.

– А вы наблюдательные!

Паренёк проигнорировал его слова:

– Вы видели кражу экспоната.

– Ну, не совсем видел. Я бы сказал, его умыкнули у меня за спиной. Вместе с моей подругой Донной. И если я не вернусь в свой корабль в течение минуты, – он указал на ТАРДИС, – след её телепортации развеется. Поэтому, если вы не возражаете...

Он попытался проскользнуть между пареньком и роботом, который до этого времени не шевельнулся, не сказал ни слова, и вообще никак не показал, что он не просто грудка стальной мебели, но паренёк постучал пальцем по уродливой чёрной броши в виде звезды, приколотой к его воротнику. Доктор почувствовал, как волосы на его руках встали торчком, и в тот же миг всё вокруг засияло белым.

– Ох, – сокрушённо сказал он. – Опя...

И в этот момент Доктор, паренёк, робот, и ТАРДИС исчезли.

Донна начала переживать. По-настоящему переживать. Разумеется, путешествия с Доктором подразумевали неприятности. Потерять его из виду неприятностью обычно не считалось. Как правило, она имела представление о том, где находится она, и где находится он. И обычно она могла рассчитывать на то, что он её быстро найдёт.

Но в этот раз всё было иначе.

Она понятия не имела где он. Чёрт, она не имела понятия даже о том, что это была за планета. Доктор сказал, что это в галактике Андромеда. Ковырнадцать миллионов световых лет от Земли, или что-то в таком духе. Большинство других мест, в которых она побывала с ним, были хоть немного известны: Помпеи были почти как луна-парк, Удо-Сфера – просто зимняя планета. Уды, конечно, поначалу казались немного странными, но присутствующие там люди придавали той планете ощущение родной, а уды в конце концов оказались человечнее большинства людей.

Планета же Уляля (если это вообще было её название, Донна сомневалась, что Доктор правильно понял девушку, у которой спросил где они) казалась неземной сильнее, чем другие. Запахи, звуки, внешний вид – всё было абсолютно чужое. Пешеходы на улицах были эксцентричны, многие из них вообще на людей не были похожи.

И роботы... Единственным настоящим знакомством Донны с роботами были роботы Санта-Клаусы и роботы на Планете 1. И они не очень-то вписывались в образ милых, дружелюбных машинок. Если бы те, кто её здесь окружал, выглядели как роботы (с большими глазами-лампочками, шипящие паром, или такие симпатяжки, которых она видела по телеку), то, возможно, она бы

чувствовала себя лучше. Но слишком многие из них были похожи на живые существа или на странные образцы современного искусства, вроде того бронзового древнегреческого бога, приделанного к вездеходу. На них было слишком мало ржавого и блестящего-хромированного, чтобы она воспринимала их как роботов. Если откровенно, от них у неё мурашки по коже бегали. Особенно от этих супермоделей, которые, как она теперь думала, тоже, наверное, были роботами. Такие худые и красивые не имели права быть такими сильными. И молчаливыми. В телепередачах такие худые никогда не молчат. Бимботы, вот что они такое. Роботы-бимбо.

Помещение, в которое они её швырнули, оказалось неиспользуемой жилой каютой «Тёмного Света»: в минималистском стиле, спартанский декор (в серо-серебристых тонах – просто шик!), и с туалетом, в котором Донне понадобилось двадцать минут на то, чтобы понять, как его смыть.

Они заперли дверь и ушли. Ни стук в дверь, ни её описания того, что она сделает с толстячком, когда он попадётся ей в руки, не произвели ни малейшего эффекта.

Она погуляла по каюте, посетовав на отсутствие окна (скряги, поселили её во внутренней каюте), понажимала все кнопки на интеркоме возле кровати (даже если он и работал, никто ей не ответил), быстро помылась в блестящей чёрной ванной, а затем, исчерпав все свои идеи, плюхнулась на кровать.

Что бы на её месте сделал Доктор?

Если бы у него не было звуковой отвёртки (у Донны-то её не было), он бы, наверное, порылся в карманах, соорудил бы что-нибудь из ворса, ниток, и подставки под пивную кружку, и через несколько мгновений выбрался бы из комнаты. У Донны не было в карманах ни ниток, ни подставок (хотя ворса в них собралось уже

изрядно), а в каюте не было ничего, что могло бы их заменить. Она начала методично, сантиметр за сантиметром, обыскивать каюту, просто на случай если кто-нибудь уронил электронный ключ, или вдруг найдётся огромная вентиляционная шахта, или провода какие-нибудь – мало ли? Что с ними потом делать она, правда, не знала, но это был бы хоть какой-то прогресс.

Она подумала, а бывало ли такое, что бы предыдущие спутники Доктора усаживали его и заставляли прочесть им «Как сбежать из запертой комнаты – курс для начинающих»? Наверное, нет. Непохоже, чтобы в ТАРДИС было для этого время. В последнее время они попадали из одного приключения в другое, а между ними почти не было времени на то, чтобы вздохнуть, или хотя бы вымыть голову.

Она опустила взгляд и начала теребить отороченные мехом края пальто, заметив, что пальто уже несколько затасканное. Наверное, к тому времени, когда Доктор вернёт её на Землю, оно уже безнадёжно выйдет из моды, и все будут смеяться с неё на улице. Интересно, а химчистки в космосе бывают?

Да ради бога! – подумала она, подскакивая с кровати. Заперта в каюте инопланетного корабля на другом краю Вселенной, и всё, что её беспокоит – одежда!

– Возьми себя в руки! – сказала она сама себе, подошла к двери и начала стучать в неё так, что заболела рука.

К её удивлению, которое, судя по выражению лица Гарамана (Он Гараман? Или Гарроуэй? Гарибальди?), отразилось на её лице, дверь открылась почти мгновенно, а за ней стоял толстячок, чопорный и елейный. За его спиной стоял один из бимботов. В первый раз Донна смогла хорошо рассмотреть холодное немигающее лицо и вздрогнула.

– Мне кажется, – сказал Гараман и, не спросив разрешения, вошёл в комнату, – что нам нужно поговорить, – он обернулся и посмотрел ей в глаза. – Как вы считаете?

– ...пять! – закончил Доктор, когда его атомы снова собрались вместе.

Он резко повернулся к пареньку и роботу, и с облегчением увидел, что ТАРДИС рядом.

– Вы что, помешались все на телепортах? Почему не воспользоваться старыми добрыми шаттлами? С телепортами, знаете ли, разное случается.

Он замолк и вынул из кармана звуковую отвёртку.

– Итак... – он перенёс свой вес с одной ноги на другую, прищурился, вынул из кармана йо-йо, и несколько раз бросил его. – Космический корабль, – он посмотрел на паренька, который с любопытством наблюдал за его действиями. – На орбите? Так и думал. Ладно... где у вас управление сенсорами?

– Управление сенсорами?

Доктор показал ему звуковую отвёртку:

– Мне нужно подключить к нему это, пока след не остыл.

Он многозначительно посмотрел на парня:

– Если вас интересует то, что было украдено из галереи, я вам найду это, при условии, что вы доставите меня к Донне. Договорились?

Несколько секунд парень размышлял над словами Доктора, затем сжал губы и кивнул.

Корабль видал и лучшие дни, – подумал Доктор, когда парень вёл его по коридорам (молчаливый робот ни на секунду не

отставал). Стены были голые и серые, хотя местами сквозь пыль и ржавчину пробивались пятна зелёной и оранжевой краски. В воздухе висел запах раскалённого машинного масла, и время от времени пол дрожал, как будто бы корабль переворачивался во сне с боку на бок. Или же ему снился кошмар.

– А вы давно вместе? – обернувшись через плечо, завёл разговор Доктор, когда они шли по коридору.

Громадная машина не ответила. Для своих размеров, – подумал Доктор, – она поразительно тихо двигается. Лицо робота – широкий V-образный кусок металла, на котором из черт лица были лишь огненно-красные глаза – смотрело на него равнодушно.

– Мама не разговаривает, – сказал паренёк.

Доктор скривился:

– Чего не скажешь про большинство других мам, которых мне доводилось встречать. Но она ведь не ваша мама, верно? Как вас зовут, кстати?

– Буни, – ответил паренёк, отталкивая плечом открывшуюся лишь наполовину дверь. – И нет, она не моя мама. Просто это её имя.

Они зашли в командный отсек. Доктор быстро осмотрел его. Старый, грязный, шумный... но почему-то уютный. Командный отсек, в котором живут. Не то, что некоторые щеголеватые командные отсеки, которые ему доводилось видеть.

– Мило! – одобрил он, направляясь туда, где, несомненно, было управление сенсорами.

Женщина средних лет с короткими чёрными волосами, одетая в серую униформу, обеспокоенно шагнула навстречу.

– Всё в порядке, – сказал Буни, и женщина уступила дорогу, всё ещё не понимая, что происходит.

– Я Доктор, – приветливо сказал Доктор и вставил в зубы звуковую отвёртку, чтобы пожать женщине руку, в то время как левой рукой он уже что-то переключал на пульте.

– Келлика, – представилась женщина, ещё раз посмотрев на Буни. – Что происходит?

– Доктор помогает нам найти... – Буни на секунду запнулся, – экспонат.

– Что?

– *Экспонат*, – многозначительно сказал Буни. – Из галереи.

– А, – сказала Келлика с облегчением, довольная собой. – Ты об этом. Мы его уже нашли.

Доктор расстроился:

– Уже? Умеее же вы заставить человека почувствовать себя ненужным. И где же оно? – он посмотрел на дисплей управления сенсорами и ткнул пальцем. – Это? Ага... Значит оно... – он выпрямился, обернулся несколько раз вокруг своей оси, и указал на одну из стен. – Примерно одиннадцать тысяч километров в ту сторону.

– Примерно, – сказала Келлика, всё ещё не понимая, кто это.

– И что мы по этому поводу предпримем? – спросил Доктор.

– Мы проследим за ним, – сказал Буни, прошёл к большому старому креслу в центре отсека, и уселся в него.

Набивка топорщилась из подлокотников, и Доктор заметил, что остальная её часть удерживалась на месте проволокой и скотчем.

– Серьёзно? А почему бы просто не воспользоваться вашим волшебным телепортом и не вернуть его сюда? Вместе с Донной, – добавил он.

Келлика подошла к Буни:

– Кто такая Донна? Кто это такой?

Буни посмотрел на неё, его взгляд был жёсткий и грозный:

– По словам нашего агента, этот человек был в галерее во время изъятия. Они забрали его подругу, Донну.

– Простите, – перебил Доктор, подойдя к Келлике со стороны Буни. Краем глаза он отметил, что Мама немного пошевелилась. – Но кто такие «они»? И почему они украли этот предмет?

Буни переглянулся с Келликой.

– Ведь, – продолжал Доктор, начав лениво прохаживаться по отсеку, – очевидно, что если сложный прибор, выдаваемый за произведение современного искусства, украли с корабля на орбите, то кто-то о нём что-то знает. Вы что, полиция искусств? В этом дело? Носитесь по галактике по следам воров? – он оглядел отсек. – Как Скуби-Ду, да? Я не хочу быть грубым, но вы не похожи на полицию искусств. Я, правда, – добавил он, смутившись, – не знаю, как выглядит полиция искусств. Но как бы они не выглядели, вы не они, так?

Он замолк. Все смотрели на него.

– Ладно, я несу чушь. Но она дала мне возможность осмотреть ваш командный отсек и понять, что если вы и полиция искусств, то преступления, связанные с искусством, имеют у местных властей весьма низкий приоритет. Этот корабль древний, он разваливается на части, – продолжал он, несмотря на взгляды нахмурившихся Буни и Келлики, – это, скорее, частное предприятие. И с финансовой точки зрения не очень успешное.

Он хлопнул себя ладонью по лбу:

– Ну конечно! Вы воруете предметы искусства, правильно? Вы изучали галерею, но кто-то вас обскакал, ограбил её раньше. Вот откуда вы знаете, что там случилось, и вот почему вы ждали меня у ТАРДИС.

– Если я скажу вам, что мы не воры, – сказал Буни, – вы замолкните?

– Возможно, – осторожно ответил Доктор. – Хотя, конечно, может появиться ещё больше вопросов. А вот что я люблю, так это вопросы. Лучше, конечно, ответы, но для начала и вопросы сойдут. Например... а разве вы не собирались проследить за тем кораблём?

Беспокойство в голосе Доктора заставило их обоих посмотреть на вмонтированный в подлокотник кресла Буни экран – на него указывал Доктор. Как только от него отвернулись, Доктор промчался мимо Мама к двери... но дверь ещё только начала раскрываться, когда огромная механическая рука Мама схватила его за шиворот и подняла в воздух. Несколько секунд он там качался, затем Мама развернула его лицом к Буни.

– Хорошая попытка, Доктор, – паренёк почти усмехнулся.

– Ну, – вздохнул Доктор, – как говорится, кто не рискует, тот не пьёт шампанское.

– И куда вы думали сбежать? – спросила Келлика.

Доктор неуклюже махнул рукой, всё ещё болтаясь в воздухе:

– Ну... в мой корабль. В космос. Искать Донну.

– Нет уж, – сказал Буни, вставая с кресла. – Во всяком случае, не сейчас. Мама, возьми его корабль – синюю будку – и запри в трюме, чтобы он не мог туда добраться. Если он попробует помешать – бей его. Пока не перестанет.

Мама аккуратно опустила Доктора на пол, и он разгладил смятый костюм.

– Вот и хорошо! – сказал он, постаравшись собрать остатки достоинства. – Я рад, что мы разобрались с этим.

– Вы меня похитили, заперли в каюте без окна, и даже без телевизора, и теперь рассчитываете на задушевный разговор? –

Донна стояла, положив руки на бока, и прожигала Гарамана взглядом. – Вам понятие «психологическое насилие» знакомо?

Гараман отвернулся от Донны и прохаживался по комнате, пытаясь выглядеть непринуждённо.

– Доктор, – сказал он. – Ваш друг. Расскажите мне о нём.

– Я расскажу вам о нём тогда, – сказала Донна, – когда вы мне расскажите о том, когда вы меня вернёте туда, где меня нашли.

Гараман обернулся на неё через плечо и вдохнул сквозь зубы:

– С этим могут быть проблемы.

– Какие проблемы?

– Ну... учитывая, что мы направляемся за пределы этой системы, и я не могу себе представить, что могло бы нас заставить вер...

– Простите, – перебила Донна, указав на него пальцем. – Направляетесь за пределы чего?

– Системы. Мы взяли то, что нам было нужно и теперь...

– Нет, нет. Вы меня не слушаете: за пределы чего вы направляетесь? Системы?

– Планетарной системы. Мы сошли с орбиты и сейчас «Тёмный Свет» направляется в... в следующий пункт своего назначения.

Донна подошла к нему ближе и расправила плечи, отчего Гараман стал похож на гнома.

– Значит, мало было того, что вы меня выкрали? Теперь вы меня ещё и увозите бог знает куда, а Доктор остаётся?

То, что она отбилась от Доктора, было и так плохо, но теперь расстояние между ними с каждой минутой становилось всё больше.

– У вас на планете все такие острые на язык? – спросил Гараман. – Не хотел бы я их разозлить, это уж точно. Откуда вы?

– Она называется Земля, и лучше вам с нами не связываться, это точно.

– В первый раз о ней слышу. И что же в Земле такого особенного?

– Особенного в ней то, что если бы вы кого-то там похитили, то глазом бы не успели моргнуть, как оказались бы в тюрьме.

Глаза Гарамана расширились в притворном страхе:

– Ой, я просто дрожу! Надо постараться не злить этих землетонов!

– Людей, – поправила Донна. – Мы называемся люди.

– Как нелогично. Очень мило, но нелогично. А теперь – Доктор. Расскажите о нём.

Донна сложила руки на груди, сжала губы, и демонстративно отвернулась. Гараман вздохнул и щёлкнул пальцами в направлении стоявшего в коридоре бимбота. Тот бесшумно зашёл в комнату, ожидая дальнейших распоряжений.

– Начни с её пальцев, – сказал Гараман тоном человека, которому нужно было сделать сто дел, и нужно было с чего-нибудь начать.

Робот протянул руки и, несмотря на протесты и сопротивление Донны, легко поднял её левую ладонь. Кожа у машины была матовая и гладкая, цветом как настоящая, но без вен и текстуры. Донне стало плохо, когда она поняла, что сейчас будет.

– Вначале, наверное, маленький, – сказал Гараман, отворачиваясь, как бы не желая видеть то, что будет делать робот. – Ломай.

Доктор не стал барабанить в дверь. Они не додумались забрать у него звуковую отвёртку, и он знал, что сможет выбраться за пару секунд. Но он подозревал, что снаружи оставили кого-то сторожить. Возможно, робота, может быть, даже Маму. И хотя он и считал, что короткого импульса из отвёртки может хватить на то, чтобы перемешать роботу мозги, это казалось излишне радикальным, во всяком случае, на данный момент. К тому же, если бы он сделал что-то в таком духе, у него бы быстро отобрали отвёртку, а на данный момент он предпочитал не расставаться с ней.

Но самое главное – корабль Буні летел за кораблём Донны. И пока они его не потеряли, Доктор был даже рад возможности немного собраться с мыслями.

Экспонат в галерее искусств определённо был чем-то большим, чем произведением искусства: в нём были весьма продвинутые резонансные обмотки, если верить показаниям звуковой отвёртки. Чтобы понять его предназначение, Доктору нужно было осмотреть его более основательно, но если кто-то пошёл на то, чтобы выкрасть это, а Буні с приятелями так стараются это найти, то вряд ли это что-то хорошее. Никто столько усилий не прикладывает ради кражи (или отслеживания) новейшего тостера или прибора для выпрямления волос.

Он осмотрел каюту, в которой его заперли – такая же, как и весь корабль, затхлая, грязная, тесная. Если бы ему сказали, что он на борту подлодки времён Второй Мировой, он бы поверил. В одном из углов стояла грубая кровать со смятыми одеялами, и он подумал, не была ли это каюта одного из членов экипажа. Не было никаких сувениров, украшений, никаких личных предметов, так

что, возможно, эту гостевую спальню приготовили специально для него. Как мило. Чашечка чая была бы сейчас весьма кстати, но на обслуживание в комнатах он не сильно надеялся.

Доктор уже давненько не бывал в галактике Андромеда, и был не в курсе местных дел. Он мало что знал о местных цивилизациях, и это было одной из причин того, почему он привёз Донну именно сюда. Она всё время жаловалась, что он знает о происходящем больше, чем она. Что она из-за этого чувствует себя школьницей на экскурсии с учителем, который всё знает. Вот он и взял её с собой туда, где он был почти таким же невеждой, как и она. Возможно, это было ошибкой.

Он поднял взгляд на заскрипевшую дверь.

– Смазать бы её не помешало, – пробормотал он, когда в отсек тихо зашла пожилая женщина. В одной руке она держала поднос.

– О! Завтрак! – воскликнул Доктор, подпрыгивая с кровати. – Вот это другое дело!

– Стой! – прозвучал странный, музыкальный голос.

Донна рискнула приоткрыть глаза, опасаясь, что как раз в этот момент робот сломает её мизинец. У неё свело живот.

– Она абсолютно несговорчива, – раздражённым голосом сказал Гараман. – Я решил, что небольшая...

– Что небольшая пытка поможет? Боже мой, Гараман!

Голос доносился из двери, которую Донне заслонял робот. Хотя робот её и не отпустил, давление на мизинец ослабло. Донна выглянула из-за машины и увидела странное создание. Оно выглядело так, словно пришло из «Парка Юрского периода», за исключением того, что у него было три толстые ноги,

расставленные как тренога, вертикальное туловище, и три руки. Голова была высокая, овальной формы, с двумя широкими, как блюдца, синими глазами по бокам короткой толстой морды. Кожа была как у ящерицы; серая сверху, она плавно становилась бирюзовой на груди и животе и ядовито-жёлтой на ступнях ног. На плече у него было что-то вроде портупей с многочисленными кармашками. Больше на нём ничего надето не было. Ну, оно же ящерица.

– Попытки не помогают, Гараман, – сказало существо, подойдя поближе, чтобы Донне было удобней его рассматривать.

Ходило оно странно... ну, может, и не странно, учитывая, что у него три ноги... оно прыгало с одной ноги на другую, а затем на третью. Словно раненое насекомое.

– Когда кого-то пытаешь, они рассказывают только то, что, по их мнению, от них хотят услышать. Что мы за звери, если прибегаем к такому?

Существо оглядело Донну с ног до головы своими большими немигающими глазами, и одна из его рук – та, которая торчала на груди – начала извиваться как змея.

– Нельзя так обращаться с органическими, Гараман. Ты меня очень разочаровал.

– Ладно, я понял, – раздражённо сказал Гараман и махнул роботу рукой.

Тот сразу же отпустил руку Донны.

– Спасибо, – сказала Донна, лишь сейчас осознав, что в ожидании хруста и боли задержала дыхание.

– Не за что, – ответила ящерица. – Вы, должно быть, Донна. Меня зовут Мезант.

Оно подняло переднюю руку и расправило пальцы – все три. Донна не сразу поняла, что это что-то вроде рукопожатия. Но у неё

не было настроения пожимать руку тем, кто только что хотел её от руки избавить.

– Откуда вы? – спросил Мезант и опустил руку, поняв, что от Донны вежливости сейчас не дождёшься.

– С какой-то там Земли, – сказал Гараман. – Но она называет себя просто «человек».

– Интересно, – сказал Мезант, голос которого нельзя было назвать ни мужским, ни женским. – Во всей галактике этим словом обычно называют двуногих, билатерально симметричных млекопитающих организмов.

– Би... чего? – спросила Донна, не разобрав слова странного существа.

Мезант указал на Гарамана.

– То есть, люди? – спросила Донна, поняв, что Мезант имел в виду таких, как она и Гараман.

В глубине глотки Мезанта раздалось что-то, похожее на хихиканье.

– Слушай, солнце, – сказала Донна. – Нечего тут умника строить, ясно? То, что ты не дал этому скоту... – она запнулась, вспомнив, что именно Мезант не дал сделать Гараману.

– Нет-нет, что вы, – торопливо сказал Мезант. – Вы неправильно поняли, я смеялся не с вас. Всегда ведь интересно узнать, каким тебя видят другие. А Земля, это где?

– В Солнечной системе, – процедила Донна сквозь зубы.

Наступило неловкое молчание.

– А... в какой солнечной системе? Как называется её светило?

– Её что?

– Её звезда.

– Она называется... – Донна вздохнула, понимая, что если эти двое решили, что у неё винтиков в голове не хватает, ей вряд ли удастся изменить их мнение. – Она называется Солнце.

– Как мило, – заметил Мезант, как слегка удивлённая аристократка. – Солнце.

– Вы, землетоны-люди, – вставил Гараман, – вы недавно возникший вид?

– Чего?

– У вас много было контактов с другими расами галактики?

– О, полно, – невозмутимо блефовала Донна, не желая показаться деревенщиной. – Уды, магентане, ракносс, ... люди-ящерицы с Вонго, – она пожала плечами. – Мы много контактируем.

– Никогда о таких не слышал, – фыркнул Гараман.

– Может быть, вам надо чаще из дому выходить? – ответила Донна. – К тому же, – добавила она, вспомнив слова Доктора, – Земля не в этой галактике.

Глаза Гарамана немного расширились:

– В самом деле?

– В самом деле. До нашей галактики отсюда много миль.

– Причём в буквальном смысле, – это сказал Мезант; и вновь показалось, что он смеётся.

– Да, – сказала Донна, – миллионы миль.

Она заметила, что они переглянулись.

– Расскажите нам о вашей галактике, – сказал Мезант, руки которого в этот момент извивались, как змеиные языки. – Мне интересны эти человеко-ящерицы с Уонго...

Пожилая женщина, которая поставила перед Доктором поднос, улыбнулась, извиняясь:

– Боюсь, что превосходной кухней «Меч Правосудия» похвастаться не может, – сказала она, указывая на миску с зелёным супом и кружку с безвкусным чаем. – Лайен, – добавила она, подняв ладонь.

Доктор приложил к её ладони свою. У женщины были длинные седые волосы, уложенные на макушке в сложную причёску, и голубые глаза. Умные глаза, – отметил Доктор.

– «Меч Правосудия», говорите? Какое высокопарное название.

– Такой уж Буни, – улыбнулась Лайен.

– Мне показалось, что ему не помешала бы трансплантация чувства юмора. Я Доктор, – улыбнулся он, – но вы это, наверное, и так знаете.

– Буни сказал мне. Он хотя и строгий, но не плохой.

– А он довольно молод, как для капитана, – Доктор надпил чай и скривился.

– Он не настолько молод, как выглядит, его раса стареет медленнее, чем мы, остальные. К сожалению. Ему уже за сорок, верьте или нет, – Лайен слегка улыбнулась. – Надо бы мне узнать, что на их планете в воду добавляют, правда?

– А что это за планета?

– Он с Даллендафа.

– А, – сказал Доктор, хотя ему это ничего не сказало. – А вы?

– Родилась на Пупопе, росла... где только не росла.

– Не может быть! – улыбаясь во весь рот, воскликнул Доктор.

– Вы её знаете?

– Нет... но разве не превосходно, что есть планета, которая называется Пупоп? А чем вы всё-таки занимаетесь, Лайен, что это у вас за миссия? Вы не крадёте предметы искусства, но преследуете

тех, кто это делает. Не полиция, учитывая состояние корабля и состав экипажа – не обижайтесь.

Лайен грустно покачала головой:

– Это вам Буні рассказать может. Но нам гораздо интереснее вы.

– Серьёзно? Мне это принять как лесть, или как опасность?

– Вы появились откуда ни возьмись, и оказались рядом во время кражи экспоната. А ваша подруга оказалась выкрадена вместе с экспонатом, – она повела бровью. – Странное совпадение, не находите?

– Я предпочитаю объяснять это тем, что вселенная хочет, чтобы я был в нужное время в нужном месте. У неё это уже вошло в привычку.

– И вы утверждаете, что ничего не знаете о том, чем является экспонат.

– За исключением того, что он не просто экспонат?

После небольшой паузы Лайен сказала:

– Буні хочет поговорить с вами.

– В самом деле? Что же, я не против немного поболтать, – он осмотрел каюту. – У меня или у него?

Донна понимала, что вряд ли поразила Мезанта и Гарамана своим знанием родной галактики. Она знала мало планет, и даже добавив немного из того, что ей рассказывал Доктор (что, вполне возможно, само по себе было уже частично искажённым), ей мало чем было впечатлять этих слушателей. Но самым важным в данный момент было завоевать их расположение, чтобы они не решили, что они зря только кислород на неё тратят, и не выбросили за борт.

Она надеялась, что Доктор шёл по её следу, она знала, что он сделает всё возможное, чтобы найти её, так что всё, что от неё требовалось – дожить до того момента, когда он её, наконец, найдёт.

Её похитители внимательно её слушали, задали несколько вопросов, но в целом казались немного разочарованными. Она не вполне была уверена в том, что именно они хотели узнать. Может быть, как они сами сказали, им было просто любопытно. Но она не собиралась верить Гираману. После выходки с пальцем у неё пока что не появилось желание изменить своё отношение к нему.

Внезапно дверь с шипением открылась, и как раз тогда, когда она пыталась объяснить о джентах и их планах опустошения Каллисто, в двери появился робот. В этот раз это была не супермодель, а нечто гораздо меньшее: молочно-белое и ростом с маленького ребёнка, оно имело на груди ряд из четырёх ладошек, а на круглой голове не было лица. Оно издало странный, хихикающий звук.

Гираман, должно быть, заметил настороженность Донны:

– Не доверяете механизмам? – спросил он, улыбнувшись.

– Если речь о видеокамере или mp3 плеере – всё в порядке, просто... – она жестом указала на маленького робота. – Ну, вам не кажется, что они немного жутковаты?

Гираман посмотрел на Мезанта.

– Механизмы – всего лишь приборы, – заверил он.

Затем он повернулся к роботу.

– Что? – рявкнул он, и Донна слегка поморщилась.

– Огмуни велел мне передать вам, что мы прибудем в систему через час, – сказал предмет мелодичным голосом, похожим на детский.

Гараман его проигнорировал, а затем, когда тот не убрался сам, прогнал его резким взмахом руки. Малыш скрылся.

– А они... – осмелилась спросить Донна. – Они... Они думают? Так же, как мы?

– Как организмы? – спросил Мезант. – Вовсе нет. Они обезьянничают – простите за выражение – подражают поведению и реакции организмов, но это в них всего лишь запрограммировано, что бы вам ни утверждали про-механики.

– Про-механики?

– Модные нынче интеллигенты, которые твердят о том, что у механизмов тоже есть права, чувства, и прочую чушь.

Мезант умолк и наклонился ближе к Донне. От него пахло лавандой и рыбой.

– А у вас, в вашей галактике, на вашей планете, есть механизмы?

Донна закатила глаза:

– Не напоминайте! – сказала она. – Роботы Санта-Клаусы! Кто мог такое придумать? Один из них меня похитил – увёз меня на такси. В день моей свадьбы! Вы можете поверить? А роботы на Планете 1 – это просто жуть.

Гараман задумчиво кивнул:

– Похоже, что в вашей галактике всё то же самое.

– Такова их суть, – сказал Мезант, грустно покачав головой. – Наши учёные доказали это несколько десятков лет назад: механизмы не способны думать и чувствовать так же, как это делают организмы. Так уж они устроены. Не их в этом вина, но тем не менее.

Донна кивнула. Судя по тому, что Доктор ей рассказал о своих предыдущих путешествиях, роботы не представляли собой ничего

хорошего. Её же чувства к тем роботам, которых она встретила здесь, тоже не были тёплыми.

– Мне кажется, – сказал Гараман более мягким тоном, – что у нас с вами больше общего, чем нам казалось. Быть может, – он сделал паузу и посмотрел на Мезанта, – нам следует быть более гостеприимными по отношению к Донне. Прошу прощения за то, как я вёл себя до этого. Возможно, когда вы поймёте, в чём заключается миссия «Тёмного Света», вы сможете простить меня.

Гараман натянуто улыбнулся, но Донна не ответила. Ему ещё долго придётся прощение зарабатывать.

– Возможно, в качестве дружеского жеста, вы примете небольшую экскурсию по кораблю?

Для извинения за угрозу сломать палец это было маловато. Но для начала сойдёт. К тому же, это давало шанс узнать что-нибудь о её похитителях.

Когда Лайен завела Доктора в командный отсек «Меча Правосудия», тот кипел, как улей. Мамы не было, а Келлика и Буни склонились над сенсорами. Три или четыре робота разных (и весьма экстравагантных) конструкций суетились вокруг, словно блестящая, ультрамодная кухонная техника. Корабль настораживающе стонал и скрипел.

– Доктор, – сказал Буни, заметив их, – мы вот-вот прибудем в систему Каррис.

– Правда? – с энтузиазмом откликнулся Доктор. – Превосходно. А где это?

– Простите, я забыл, что вы из другой галактики.

– Ну, галактик разных очень много, Буни. Всё про все запомнить не получается, – он протиснулся между Буни и Келликой и посмотрел на дисплей сенсора. – И что в этой системе Каррис такого особенного?

– В ней сейчас корабль последователей Культа.

– Корабль последователей Культа? А, вы о корабле Донны! А почему вы называете его «кораблём последователей Культа»?

Келлика и Буни снова странно переглянулись.

– Да хватит уже! – воскликнул Доктор. – Сколько можно говорить загадками? Представляете, если бы все так делали: «Мне хотелось бы... ну, знаете... такой сосуд с ручкой сбоку. В котором есть вещество. Жидкое. Тёплое», – он опустил руки. – С таким подходом ничего не добьёшься.

– Простите, Доктор, но вы у нас на корабле ещё и двух часов не провели. Пока мы не узнаем вас лучше, думаю, нам не стоит раскрывать вам наши карты.

Доктор пожал плечами:

– Что же, понятно, но вот Лайен считает, что, возможно, пришло время быть немного общительней.

Буни посмотрел на Лайен, та посмотрела на него.

– Это так, – подтвердила она. – Возможно, Доктор оказался втянут в это случайно, как он и утверждает. А может и неслучайно. Он явно не настолько глуп, как выглядит.

– Ну же, – сказал Доктор, – скажите это: «Таких круглых идиотов, каким он выглядит, вообще не бывает». Поверьте, я слышал это много раз. Не судите о книге по обложке. Давайте вы просто расскажите мне, что вы задумали, и я решу, помочь вам в этом, или предотвратить это, – и он широко им всем улыбнулся.

Трое андромедян безмолвно переглянулись, и Буни кивнул:

– Возможно, Лайен права, – выпрямившись, он подошёл к своему капитанскому креслу и поманил Доктора. – Что вам известно о Культе Сияющей Темноты?

– Это музыкальная группа? – он изобразил задумчивость. – Скорее рок-группа, возможно глэм-рок. Альбомы в основном издают, – определился он. – С синглами у них, наверно, не очень. Ну как, тепло?

Буни вздохнул:

– Вы что-то говорили о том, что не бывает таких идиотов, каким вы выглядите...

Доктор усмехнулся:

– Ладно, ладно... Культ Сияющей Темноты. Первый раз о них слышу. Чем они занимаются?

– Ещё несколько лет назад, – сказал Буни низким и серьёзным голосом, – они были всего лишь группой чудиков. При деньгах и при мозгах, но всё-таки чудиков.

– А потом?

– А потом, после смерти их лидера, женщины по имени Хну эм Ллодис, они затихли. И так было до совсем недавнего времени.

– Они снова объявились?

Буни кивнул.

– И во что же верят поклонники этого культа? Культы же обычно во что-то верят, да? Даже если это какая-то чушь – а оно обычно и есть чушь, иначе бы культом это не назвали.

Доктор заметил, что Буни посмотрел на Келлику и Лайен, следившими за разговором от пульта управления сенсорами.

– Они верят в превосходство организмов.

– То есть, они недолюбливают роботов?

Буни слегка скривился:

– Корректный термин – ну, наиболее корректный – «разумные машины», Доктор. Последователи Культа называют их «приборами», из чего вам должно быть понятно, как они мыслят.

– Значит, «роботы» – плохо, да?

Буни снова скривился:

– Если речь идёт не о бессознательных аппаратах, то плохо. Все, кто выше сорока по шкале Липанова, называются «разумные машины», – он закатил глаза. – Хотя, если спросите об этом у десяти разумных машин, то получите десять разных ответов. Некоторые предпочитают «спроектированные организмы», другие – «неорганические», – он покачал головой и устало улыбнулся. – Иногда как по минному полю ходишь.

Пришла очередь Доктора ехидно усмехнуться:

– Знаете, в какой уголок Вселенной я бы ни направился – везде одно и то же, – он пожал плечами. – В общем, всё упирается в вежливость, так? Если аппарат, выдающий еду, хочет, чтобы его называли «Барбара», то просто невежливо называть его иначе.

– Именно! И поверьте мне, если последователи Культа добьются своего, любая разумная машина будет не более чем «прибором». Они даже не стали бы рассматривать имя вроде... как вы сказали?

– Барбара, – Доктор кивнул и потёр шею. – Значит, последователи Культа против того, чтобы права разумных существ были у всех?

– Они не верят в то, что разумные машины разумны. Они считают их инструментами, которые подражают поведению разумных. Невзирая на все доказательства, они считают, что всё неорганическое – набор деталей, не более.

– А что скажет про Культ Сияющей Темноты Мама? – он огляделся. – Её тут, похоже, нет. Занята чем-то?

– Мама большую часть времени держит свои мысли при себе. Но она не из почитателей культа, как вы понимаете.

– А вы... – сказал Доктор, обводя взглядом комнату, – вы отслеживаете Культ? Зачем?

– Потому что их нужно остановить, – с другого конца отсека ответила Келлика.

Доктор нахмурился:

– Остановить? А они что-то пытаются сделать?

Бунни покачал головой:

– Именно это мы и пытаемся выяснить.

Внезапно Келлика удивлённо вскрикнула. Доктор подбежал к ней и заглянул на показания сенсора быстрее, чем кто-нибудь сообразил остановить его.

– Он пропал! – сказала женщина, лихорадочно меняя настройки.

– Гиперпространственный прыжок за пределы системы? – пробормотал Доктор, аккуратно отеснив её от пульта. Он покачал

головой. – Нет, был бы остаточный след, хотя бы на несколько секунд... Вы не подержите? – он снял с себя пиджак и протянул его Келлике.

Не сказав ни слова, всё ещё в шоке, она взяла пиджак, а Доктор взялся за сканеры.

– Доктор! – рявкнул Бунни. – Что вы делаете?

– Пытаюсь, – сказал Доктор, вынимая фальш-панель из основания пульта, ложась на спину, и засовывая голову в пульт, – повысить чувствительность ваших сенсоров. Судя по последним нескольким секундам записей ваших сенсоров, ваши друзья из Культа только что переключили свои экраны на предельную мощность.

– И что?

– Значит, – скрипя зубами сказал Доктор, вынимая печатные платы и микросхемы, и перепаявая их, – что бы они там ни делали, они не хотят, чтобы кто-нибудь об этом узнал.

Через несколько секунд он вылез, встал на ноги, и снова взялся за органы управления сенсоров.

– Вот! – крикнул он триумфально. – Нашёл их!

Корабль Гарамана был похож на дворец, во всяком случае, в глазах Донны, сравнивающей его с теми немногими кораблями, которые она уже видела. Безупречно чистый (несомненно, благодаря уйме шнырявших повсюду роботов, протирающих всё до последнего сантиметра).

У Гарамана были какие-то дела, поэтому прогулку по кораблю Донне предложил Мезант. Что, учитывая инцидент с пальцем, её вполне устраивало. Мезант был полной противоположностью

гнусного человечка: любезный, внимательный, и, если не считать внешности, ни капельки не страшный. Она всё ещё не привыкла к странной, подпрыгивающей походке этого существа (и до сих пор не набралась храбрости спросить какого оно пола, временно решив считать его мужчиной, основываясь на «его» голосе), но легко шла с его скоростью.

А вот её мысли были по-прежнему заняты Доктором и тем, как они собираются вернуть её к нему. Она спросила об этом у Мезанта, когда он показывал ей машинное отделение корабля. И если ей нужно было какое-то указание на пол Мезанта, то это было как раз оно. Ну какая женщина, – думала Донна, пытаюсь изобразить на лице интерес, – предложила бы прогулку по *машинному отделению*, а?

– Сложный вопрос, – сказал Мезант, ведя её обратно по коридору.

Мимо, помахав им хвостом, пробежало существо, похожее на огромного броненосца.

– Наша... наша миссия чрезвычайно важна для нас, – сказал Мезант в своей слегка высокомерной манере.

– А вернуться к Доктору – чрезвычайно важно для меня. А вы не можете отправить ему сообщение? Сказать ему, что я здесь?

– Боюсь, Гараман это не позволит. Но давайте посмотрим на проблему иначе. Этот ваш Доктор, он может улететь с планеты без вас?

– Он не посмеет!

– Ну вот и прекрасно! Он подождёт, пока мы вас не вернём.

– И когда именно это произойдёт? – Донна замерла на месте, и один из маленьких роботов-чистильщиков – хромированный купол, похожий на штуки, которыми накрывают еду в роскошных ресторанах – объехал её ноги. – Что у вас за срочные дела? А что,

если Доктор решит, что я погибла, или пропала навсегда? Сколько он будет ждать, прежде чем решит, что я больше никогда не вернусь?

Мезант пожал плечами двух боковых рук, отчего Донне захотелось ударить его.

– Что я могу сказать? За исключением прискорбной недавней вспышки Гарамана, мы ничего плохого вам не делаем...

– Вы держите меня в плену на корабле, который улетает! – не выдержала Донна. – Ваш босс чуть не сломал мне палец! Это довольно извращённый способ хорошо к кому-то относиться!

Когда Донна заканчивала свою тираду, из центра управления вышла бледная надменная женщина в комбинезоне и неловко улыбнулась Донне. Донна в ответ лишь скривилась.

В центре управления сгрудились Гараман и ещё два человека. При появлении Донны и Мезанта они резко прекратили свой разговор.

– Мы засекли корабль, – сказал Гараман Мезанту, глядя на Донну.

– В этой системе? – Мезант попрыгал к Гараману и посмотрел на приборы.

– Входит в систему. Вслед за нами.

Мезант посмотрел на Гарамана.

– Это они, – решительно сказал он.

– Хорошо, если они, – сказал один из людей – лысый мужчина с до нелепости мускулистыми руками и кожей цвета тёмного красного дерева. – Если это кто-то другой, у нас могут быть неприятности. Её проверили на жучки и маяки?

Он смотрел на Донну. И взгляд его не был добрым. Мезант кивнул.

На какой-то миг – на одно глупое мгновение, от которого замирает сердце – Донна представила, что это Доктор узнал, кто её похитил, и мчится к ней на помощь. Она поняла, что улыбается, лишь тогда, когда мускулистый мужик нахмурился:

– Что смешного? – рявкнул он.

– Ничего, – ответила Донна.

Мезант посмотрел на неё огромными немигающими глазами:

– Вы думаете, что это ваш друг Доктор прибыл за вами? – спросил он.

Что-то в его тоне говорило о том, что он знал что-то, чего не знала она. Это был не Доктор...

– Это мог бы быть он, – сказала она, стараясь, чтобы это прозвучало оптимистично.

– Мог бы, – сказал Гараман. – Но не он, – он натянуто улыбнулся. – Соболезную.

– Тогда кто это, мистер-знаю-всё?

Гараман сложил руки на груди и надменно посмотрел на неё.

– Просто небольшая помеха, – сказал он. – Вы же знаете, как говорят: держи друзей рядом, а врагов – ещё ближе. Пока мы знаем, где они есть и что они делают, всё в порядке. Но, увы для вас, это не этот ваш Доктор.

У Донны опустилось сердце.

Куда ни направься, – думал Доктор, – везде одна и та же история. Одна группа разумных существ (будь-то роботы, люди, многомерные сущности, живущие в складке пространства-времени, или кто угодно) решает, что другая группа недостойна иметь минимальные права, или называться человеком, и тому подобное.

Иногда это разделение основывалось на биологических признаках, иногда на культурных, религиозных, или на том, ложкой или вилкой они едят. В любом случае начинались гонения, войны, и смерть. Много смерти. И какими бы высокоразвитыми или цивилизованными они ни были, они всегда находили оправдание для этого. Если не для других, то, по крайней мере, для себя.

– Не знаю, что вы сделали, – сказал Буни, прерывая его раздумья, – но дальность действия наших сенсоров, не говоря уже об их чувствительности, почти удвоилась, – прищурившись, он посмотрел на Доктора. – Кто же вы такой?

– Я же представился. Я Доктор.

– Это не имя, это профессиональный титул.

– А раз уж я разбираюсь в чём-то профессионально, разве его не достаточно?

Буни задумчиво посмотрел на него:

– Пока достаточно.

– Небольшая благодарность тоже не помешала бы.

– Спасибо, – не очень охотно сказал Буни. – Но я по-прежнему не уверен, что вы на нашей стороне.

– О, поверьте, – сказал Доктор, – я и сам ещё не знаю, на чьей я стороне, так что мы в равном положении. Но если вы хотите, чтобы я и дальше вам помогал, вам придётся доверять мне. Расскажите мне об этой системе Каррис.

Буни на секунду задумался и кивнул:

– По имеющимся в нашей базе данных сведениям, – сказал Буни, нажав на клавиши и отобразив на экране несколько мудрёных графиков, – система не очень интересная: солнце – красный гигант, две газовые планеты, и небольшая планета, пригодная для жизни людей. Согласно данным, когда-то на ней

было хорошо, но солнечные вспышки превратили её почти в пустыню.

– Жители?

– На вершине местной эволюционной лестницы находятся джэфти – примитивные обезьяно-подобные существа. Они изготавливают простейшие инструменты, что-то строят. Сложными технологиями не владеют.

– И зачем, по вашему мнению, сюда прибыл Культ?

– Может быть, для того, чтобы сбросить нас с хвоста, – предположил Бун.

– И если они думают, что их всё ещё скрывает экран, – сказал Доктор, – то очень скоро они отсюда улетят.

– Логично, – согласился Бун.

Доктор потянулся:

– Пока мы ждём их действий, может быть, вы расскажите мне об этой Хну эм Ллодис? С таким именем у неё наверняка была интересная жизнь.

Когда белоснежное свечение телепортационного поля угасло, всё залил кроваво-красный свет солнца Каррис. Кожу Донны что-то покалывало, и она поняла, что это непрекращающееся движение песчинок, которые ударяло об неё ветром. Воздух пах сухостью, смертью, и песком.

– А-а... – сказал рядом с ней Мезант с облегчением.

– «А-а»? – пробормотала она, щурясь, чтобы песок не попал в глаза.

– Пахнет как дома, – объяснил Мезант, сгибая и разгибая пальцы как кот, запускающий когти в шерстяной свитер. – Здорово!

– Смертью пахнет, – проворчал Огмуни – мускулистый мужик, который недобро поглядывал на неё на корабле.

Он стоял рядом, а у него за спиной был один из бимботов – холодный, бесстрастный, молчаливый.

– Пока вы не начали продавать мне участок местной земли, – сказала Донна, оглядываясь в поиске какого-нибудь убежища от неослабевающей песчаной бури, которая готова была ободрать ей кожу до самой кости, – не могли бы мы где-нибудь укрыться? Если тут вообще есть какое-нибудь укрытие. Я уже жалею, что пальто не взяла.

Она прищурилась, прикрыла глаза рукой, и оглядела поверхность Каррис. Во всех направлениях, до самого горизонта, не было ничего кроме плоского оранжевого песка. Похоже на Норфолк, только ужасно жарко.

Она оглянулась назад и увидела, что Мезант куда-то поскакал по песку, а у него в руках пищало и чирикало какое-то устройство. Огмуни сердито посмотрел на Донну и пошёл за Мезантом, робот следовал за ним по пятам.

– И где этот ваш сегмент? – Донна тяжело дышала, стараясь не отставать.

Огмуни указал вниз.

– Так почему бы просто не телепортироваться сразу туда? Пейзажами решили полюбоваться?

– Слишком рискованно, – лаконично ответил Огмуни. – Песчаные бури создают много электростатических помех, хорошо, что мы вообще материализовались. К тому же, тоннели мы ещё не нанесли на карту.

– У-у! – грустно сказала Донна, откидывая назад волосы. – Тоннели! А вы умеете девушек баловать!

– Зачем мы её взяли? – устало спросил Огмуни у Мезанта, когда существо вертелось на месте, сканируя землю под ногами своим попискивающим устройством.

– Хотя Гараман в это и не верит, – сказал Мезант, – я считаю, что у Донны с нами больше общего, чем она сама думает. Было бы невежливо не давать ей участвовать в... наших действиях.

Огмуни лишь проворчал что-то и сердито посмотрел на Донну, которая и сама не очень-то верила в объяснение Мезанта. Она подумала, что скорее цель была в том, чтобы держать её подальше от Гарамана. Её это устраивало.

– Она скорее обузой нам будет, чем поможет чем-нибудь. Гараман рассудок теряет, – сказал Огмуни.

Секунду спустя Мезант тихо зашипел.

– А! – воскликнул он. – Вход! Примерно пять метров в эту сторону.

И трёхногая ящерица ускакала, а Донне, Огмуни и роботу пришлось догонять. Через несколько секунд Мезант остановился возле лежавшего на земле предмета, выглядевшего как обычный плоский, песчаного цвета камень. Из-за песчаной бури его почти не было видно. Мезант толкнул камень одной ногой, и тот легко сдвинулся в сторону, поворачиваясь вокруг невидимой оси.

– А вы сильнее, чем кажется, – сказала Донна и посмотрела вбок, на Огмуни. – Лучше бы мистера Мыщцу попросили сделать это.

– Сила не была нужна, – сказал Мезант, пряча сканер в один из кармашков на своей портупее. – Там есть противовес.

Камень продолжал двигаться, и Донна увидела песчаного цвета вырубленную лестницу, уходящую вниз, в темноту. Посмотрев на неё и Огмуни, Мезант шагнул вниз, в тень.

Хну эм Ллодис была гением. Во всяком случае, она всем так говорила. И все ей, похоже, верили, если судить по тому, что удалось узнать Доктору.

– Одна из наших величайших робототехников, – сказала Лайен, когда Доктор просматривал содержимое монитора.

Она привела его в «библиотеку» корабля (больше похожую на склад со старыми полками и столом), и показала ему десятки документов и стенограмм, имеющих отношение к Хну. Они охватывали более десяти лет, в течение которых учёная была на пике своей карьеры.

– И что же с ней случилось? – он повернулся в своём кресле лицом к Лайен.

Та пожала плечами:

– Некоторые говорят, что она просто сошла с ума.

– Это часто случается, – согласился Доктор. – Учёные постоянно с ума сходят. Особенно самые умные.

Он замолчал и посмотрел на Лайен:

– О том, чтобы сходили с ума не самые умные, как-то слышать не приходится, правда? Только гении. Забавно это.

– Некоторые говорят, что она раскрыла правду, которая угрожала всей галактике.

– Это, должно быть, речь о вот этом высказывании, – сказал он, снова повернулся к дисплею, и прочёл вслух. – «Но есть в нашей сияющей империи тёмное сердце, на которое до сих пор мы предпочитали не обращать внимание. Тёмное сердце, которое, если игнорировать его и дальше, восстанет и разрушит всё, что мы построили», – он снова повернулся лицом к Лайен. – Что, по-вашему, она имела в виду?

Лайен задумчиво кивнула и положила руки на колени:

– Все считают, что она говорила о разумных машинах, – сказала она. – Это был последний прочитанный ею доклад. После этой конференции, на обратном пути на свою планету, её корабль был уничтожен.

– *Таинственным образом* уничтожен, – поправил Доктор, указывая на экран.

– *Таинственным образом* уничтожен, – согласилась Лайен. – Если верить слухам, её убили за то, что она говорила правду.

– Ну, – сказал Доктор, – правда – штука весьма гибкая, не так ли?

– Не для неё, – сказала Лайен. – Для Хну всё всегда было предельно ясно. Либо чёрное, либо белое.

Доктор набрал в грудь воздуха.

– Как бы там ни было, – сказал он, – хватит уже официальных документов. Что думаете лично вы?

– Я? – удивлённо спросила Лайен.

– Вы на борту корабля, который преследует людей, которые – если я правильно понял – разделяют убеждения Хну. Этот ваш культ Сияющей Темноты. Они украли из галереи искусств образец продвинутых технологий, а теперь остановились возле планеты, которая по части технологий ничего не обещает. И вы всё равно преследуете их. У вас наверняка есть предположение о том, что они делают.

Лайен глубоко вздохнула и оглядела пустую библиотеку, словно боялась, что их подслушают.

– Буню мне, наверное, устроит за это головомойку, – в конце концов сказала она, покусывая губу. – Но мы считаем, что они собирают части чего-то. То ли какого-то устройства, то ли какой-то карты.

– Серьёзно? – Доктор внимательно слушал.

– Когда Хну убили (или когда она погибла, неважно), группа её поклонников затихла на два года. Большинство из них просто исчезли. Возможно, их убили те, кто убил Хну. Но появились слухи, что перед смертью она работала над чем-то... чем-то, связанным с её областью исследований.

– С робототехникой?

– С робототехникой. Несмотря на то, что она была гением в области искусственного интеллекта, Хну отказывалась верить в то, что разумные машины, механизмы, как бы их не называли, были действительно разумными. Её речь, немного завуалированная, была обращена к тем, кто считал, что машинный разум равноправен с органическим. Она считала, что они просто подражают разуму, и что органические существа галактики попались на крючок этой мимикрии. Говорят, что она предсказала время, когда машинные расы галактики восстанут против органических, и всех нас уничтожат.

– И это она называла «темнотой»?

– Так говорят. И, если верить слухам, какое-то отношение к этому имеет та вещь, которую они собирают.

Доктор потёр шею:

– Интересно.

Какое-то время он задумчиво глядел вдаль.

– А эти артефакты, они часть какого-то устройства, локатор или ещё что-то? Как в журналах: «Собрав детали из всех номеров, постройте безупречную защиту от роботов». О скольких частях идёт речь? О нескольких, типа «Руководства по кипячению воды», или о множестве, как книги про «Стар Трек»?

– Простите?

Доктор усмехнулся:

– Почитатели Культа уже собрали все нужные части, или они будут продолжать искать их вечно?

– Я знаю не больше вас, Доктор. Всё, что мы знаем – вернее, догадываемся, – поправилась Лайен, – так это то, что когда Хну умерла, в Культе была паника, и они растащили части этого объекта по всей галактике, испугавшись, что сторонники роботов найдут их и уничтожат.

– А-а... – улыбнулся Доктор. – Так вот почему вы не хотели вмешиваться! Вы хотите, чтобы они нашли все части, собрали их вместе, а уж тогда появись вы и заберёте всё целиком, всё до последней канцелярской скрепки!

– Скрепки?

Он отмахнулся:

– Не обращайтесь внимание, – он так резко вскочил с места, что Лайен дёрнулась. – Ну что же! Начинаем вечеринку! – и он направился к двери, а Лайен не успела попытаться его остановить.

– Спасибо, что не сказали мне взять кофту, – ворчала Донна, когда камень над ними вернулся на место, заслонив их не только от ветра с песком, но и от жара красного солнца.

Сразу стало холодно и сыро. Мезант вынул из своей портупеи фонарь и включил его, осветив широкие, усыпанные песком ступени, уводящие вниз, во мрак.

– Вы, люди, очень чувствительны к изменениям в температуре окружающей среды, правда? – сказал он через плечо, начиная спускаться.

– Некоторые из людей, – проворчал за спиной Донны Огмуни.

– По крайней мере, некоторые из нас достаточно хорошо воспитаны, чтобы не разгуливать полуголыми, – пробормотала Донна. – А как этот ваш сегмент выглядит?

– Вы уже видели второй сегмент – артефакт из галереи.

– Ах, тот! Ясно. Значит, мы ищем ещё один такой, да? Такое легко заметить. А почему он тут?

– Безопасное хранение, – сказал Мезант и замолчал, так как снизу из темноты донёсся ужасный рёв, эхо которого долго не стихало.

Донна сделала глубокий вдох:

– Звучало довольно безопасно.

– Вы сказали, что тут пахнет как дома, – прошептала Донна, когда они продолжили спускаться. – А где ваш дом?

– Моя планета называется Лота. Замечательная планета: сухая, пыльная, – Мезант тихо вздохнул.

– А как вы оказались у Гарамана?

– Несколько лет назад я работал с одной из его товарищей. Она познакомила меня с Гараманом, Огмуни, и остальными. Предложила мне работу.

– Завербовали, значит? Наверное, это лучше, чем временное трудоустройство. А в чём состоит ваша работа?

– У вас всегда столько вопросов? – прорычал сзади Огмуни.

– Да, когда мне не отвечают. А что? У вас с этим какие-то проблемы? Может, вам есть что скрывать?

– Прекратите! – пропел Мезант.

– Вы не любите конфликты, правда? – спросила Донна.

Ступени повернули вправо.

– Лотапаряне произошли от социальных травоядных предков. Насилие и конфликты нам чужды.

– Тогда все эти приключения должны быть для вас просто кошмаром.

– Мезант знает, что придётся сделать, – снова раздался голос Огмуни.

– И что же именно?

Ни один из них не ответил.

Внезапно ступени закончились, и в свете фонаря Мезанта стало видно, что они находятся в чём-то вроде вестибюля из чёрного камня. Когда пятно света фонаря скользило по стенам, Донна что-то заметила.

– Что это? – спросила она, забрав у Мезанта фонарь.

Большая часть стены была покрыта примитивным небрежным рисунком огромной массы щупалец с единственным чудовищным глазом и истекающим слюнями ртом. А для масштаба четыре щупальца держали что-то вроде маленьких человечков. Одного из них щупальце направляло в зубастый рот.

– Скажите мне, что это не табличка «Осторожно, злая собака», – сказала Донна.

– Джэфти, наверное, поклоняются этому существу как богу, – сказал Мезант, словно очарованный.

– Джэфти?

– Жители Каррис. Примитивные, похожие на обезьян существа. Не обижайтесь, – добавил он, посмотрев на Донну.

– Я не обиделась... кажется.

– Вряд ли с джэфти будут проблемы, – сказал Огмуни. – Несколько лет назад мы оказали влияние на их культуру. Они должны считать нас ещё более великими богами, чем эта тварь.

– Значит, – сказала Донна, возвращая Мезанту фонарь, – эти джэфти не очень умные?

– Простоватые существа, – согласился Мезант, сканируя стену перед ними и ощупывая её двумя свободными руками.

– А! – с этим возгласом трёхное существо сделало шаг назад, и раздался глухой стук.

За ним последовал сильный скрежет, от которого сводило зубы, и всё вокруг них задрожало. Часть стены повернулась вокруг какой-то оси, оставив позади себя в луче фонаря маленькие песчаные вихри.

– А зачем нам тогда робот? – спросила она Мезанта, когда они направились глубже в нутро планеты. – Вы же сказали, что эти джэфти считают вас богами.

– На всякий случай, – сказал Мезант, и Донна заметила, как его глаза мельком посмотрели на нарисованную тварь со щупальцами.

Если маленькие фигурки-человечки, которых запихивали в пасть, были размером хоть немного похожи на людей, то вряд ли роботу – пускай даже такому сильному и молчаливому, как у них – удастся от такого отбиться.

– Не знаю, что вы сделали с нашими сенсорами, Доктор, но нам удалось поймать сигнал из-под поверхности Каррис, – улыбнулась Келлика, когда Доктор и Лайен зашли в командный отсек.

Буни там не было.

– Превосходно! А что за сигнал?

Келлика жестом предложила ему подойти и взглянуть.

– Хм... – задумчиво сказал Доктор. – Если бы у меня не было других идей – а они у меня конечно же есть, иначе я бы так не говорил – я бы поклялся, что этот энергетический профиль похож на профиль того сегмента, который выкрали из галереи искусств. А

этот другой сигнал – вот здесь – очень похож по сигнатуре на телепорт, который унёс Донну и сегмент на корабль Культа.

Келлика кивнула, перепроверила, и многозначительно посмотрела на Лайен. Доктор заметил это и пожал плечами:

– Лайен рассказала мне о Хну и группе её последователей.

– О... – сказала Келлика с лёгким беспокойством. – Вот Буни обрадуется, когда узнает.

– Чему я обрадуюсь?

Они обернулись на голос Буни – он стоял в дверях, его лицо было сердитым. Лайен шагнула ему навстречу:

– Я рассказала ему о Хну и о том, чем, по нашему мнению, занимается Культ.

– Что?! – возмутился Буни.

– Ну, Лайен не виновата... – начал Доктор, но Буни от него отмахнулся.

– Буни! – резко сказала Келлика. – Это мы его взяли на борт, ты забыл? А его модификации наших сенсоров поразительны – иди сам посмотри. Мы зафиксировали показания, сходные с показаниями второго сегмента, из галереи.

Буни не нашёл, что сказать. Сверкнув глазами в направлении Доктора, он подошёл посмотреть показания приборов.

– Значит, это третья часть? – спросил Доктор. – И вы так и не знаете, сколько их всего? Я, конечно, долго проживу, но мне неприятно думать, что ближайшие сорок лет я буду гоняться по всей Вселенной за остальными сегментами.

– Да, – сказала Келлика, следя за реакцией Буни, – мы считаем, что это третья часть. Вторая была в галерее, а первая была спрятана в лесу на Чао.

Буни недовольно посмотрел на неё.

– Хм... – задумался Доктор. – Жаль, что у меня не было возможности как следует рассмотреть вторую часть. Возможно, я смог бы понять предназначение всего устройства.

После паузы он продолжил:

– Но сейчас, когда мои модификации позволили вам найти третью часть, почему бы нам не телепортироваться туда и не взглянуть на неё, пока они её не забрали?

Он смотрел на них, ожидая их реакции. Засунув руки в карманы, он добавил:

– Я понимаю, что вы не хотите вмешиваться, пока они не собрали все части, но если мы взглянем на неё одним глазочком... Не заберём, а только посмотрим...

По выражению лица Келлики было ясно, что ей эта идея нравится, но Лайен покачала головой:

– Они уже целый час на орбите. Они не будут медлить. След телепортации означает, что они уже отправили туда отряд... В атмосфере Каррис слишком много электростатических помех, чтобы они смогли сразу забрать сегмент, как из галереи искусств. В лучшем случае они телепортировались на поверхность планеты, а дальше им придётся идти пешком.

– Ну, – сказал Доктор, нарочито изучая пол под ногами, – если разрешите мне заняться вашим телепортом, то кто знает... возможно, я увеличу его радиус действия тоже. Тогда мы сможем телепортироваться туда, посмотреть, и вернуться раньше, чем они нас заметят...

Все взгляды были прикованы к Буну – этот разношёрстный отряд явно подчинялся ему. Во всяком случае, большую часть времени. Доктор усмехнулся:

– Только не говорите мне, что не хотите узнать, что они затеяли. И кто знает? Если мы сможем разобраться что эта штука

должна делать ещё до того, как они её соберут, у вас будут более высокие шансы предотвратить её использование.

Он выдержал взгляд Бунни.

– Ладно! Развлекайтесь!

Когда спереди из коридора снова донёсся завывающий рёв, Донна вздрогнула и, к своему стыду, схватилась за Мезанта.

– Эта тварь, – медленно сказала она. – Это существо. Что вам о нём известно? Вы же были тут раньше, вырядившись их богами, так ведь? Вы же уже видели это существо, да?

Глаза Мезанта блеснули в свете фонарика:

– Нет... вообще-то нет.

Донна закатила глаза:

– Значит, вполне возможно, что оно ждёт нас за следующим поворотом, чтобы запихать нас себе в рот, как на том рисунке на стене.

– Робот нас защитит, – сказал Огмуни.

Донна выглянула из-за его плеча, чтобы посмотреть на щуплое светловолосое существо, стоявшее молча и не выражавшее ни единой эмоции.

– Без обид, мистер Мышца, но у вас не все дома, если вы думаете, что она... оно... сможет прогнать существо такого размера.

– А ещё у меня есть вот что, – сказал Огмуни и показал небольшую серебристую трубочку. – Термопроектор.

Донне стало немного спокойнее.

– Этим словечком вы называете космическую пушку?

Мезант ничего не сказал, но по тому, как он глянул на оружие Огмуни, Донна поняла, что он недоволен.

– А может, пускай блондинка первая идёт? – сказала Донна, указав на робота.

Мезант подумал и согласился, жестом велел роботу идти вперёд.

– Такие вам больше нравится? – прошептала Донна Огмуни, когда робот пошёл первым. – Сильная и молчит.

Огмуни открыл рот, собираясь что-то ответить, но ему помешал очередной рёв, который зазвучал ощутимо ближе, чем предыдущий. Мезант сделал несколько шагов назад, пропуская вперёд себя Огмуни.

Что именно произошло в следующие несколько секунд, Донна не была уверена. Ужасный вой сотряс сырой воздух тоннеля, и что-то огромное и тёмное выскочило сбоку, ударило бимбота, и шмякнуло им о противоположную стену. Скрежет и грохот металла эхом звучали в темноте. Огмуни отпрыгнул назад, оброненный им фонарик катался по полу, словно обезумевший от страха светлячок. Огмуни врезался в Донну, а та упала на Мезанта.

Когда глаза привыкли к темноте, Донна увидела небольшие искры на роботе, у которого с грохотом отвалилась часть лица.

– Назад! Назад! – закричал Мезант, кружась на трёх ногах и толкая Донну прочь, оставив Огмуни.

– Стреляйте! – крикнула Донна, различив мечущиеся по коридору щупальца.

Внезапно рёв стих и, посмотрев за Огмуни, Донна увидела, что щупальца исчезли в створе тоннеля. Робот лежал, растянувшись на полу, с переломанной, запрокинутой назад спиной. Ещё несколько разрядов протрещали в электронике его головы, повернувшейся к ним. Несмотря на то, что это был робот, Донне стало плохо. Движение головы стало последней каплей.

– Помогите ему! – крикнула она.

Она посмотрела на Мезанта, который, не веря своим глазам, смотрел на неё.

– Помогите ему! – повторила она; в этот раз, из-за того, что ящерица её игнорировал, её голос стал ниже и злее.

– Это робот, – прорычал Огмуни, посветив ей в лицо фонариком.

– Он ранен, – сказала Донна, не веря их безразличию.

– Он повреждён, – поправил Огмуни.

Донна сверкнула взглядом в его сторону:

– Смотрите, чтобы та тварь не вернулась, – сказала она. – И пушку свою наготове держите.

И, прежде чем кто-то успел прореагировать, она осторожно пошла вперёд, прижимаясь спиной к стене, на которую был отброшен сломанный робот. Внутри него что-то жалобно зажужжало.

– Всё хорошо, – тихо сказала Донна, рискнув опустить взгляд на робота. – Всё будет хорошо.

– Что она делает? – услышала она, как Огмуни прошептал Мезанту.

– Я пытаюсь ему помочь, – ответила она, стараясь не выдать голосом страх.

В любую секунду та тварь может вернуться. Донна убедилась, что Огмуни её прикрывает.

– Как ты? – прошептала Донна роботу.

Она подумала о том, что это может быть тот самый бимбот, которому Гараман велел сломать ей палец. Странно, но сейчас это было не важно.

– Что-то ты совсем размякла, – прошептала она сама себе, когда робот, щёлкая и рассыпая искры, поднял дрожащую руку и потянулся к ней.

На секунду наступила тишина, а затем Донна услышала звук прятавшегося в темноте существа – гулкий рёв, от которого сводило живот. Она вскочила на ноги и отступила, отталкивая Огмуни и Мезанта. Из тоннеля в их сторону вылетело что-то тёмное и извивающееся; оно ударилось об стену, подняв облачка пыли.

– Двигайтесь! – крикнула она, думая о том, когда уже Огмуни воспользуется своим оружием.

Она почувствовала поток воздуха от метнувшегося рядом щупальца, на мгновение попавшего в свет фонаря Мезанта.

– Стреляйте! – крикнула Донна.

Огмуни стал рядом с ней и поднял руку. Она увидела, как на конце оружия загорелся вишнёво-красный свет, и спереди донёлся ужасающий вопль.

– Ему больно! – закричал Мезант.

– Да вы что?! – крикнула Донна. – А разве не для этого стреляют?

Огмуни выстрелил ещё раз, и снова существо заревело от боли.

– Не прекращайте стрелять, – сказала Донна.

– Может быть, мы его уже достаточно ранили, – причитал Мезант.

– Нет, раз мы его всё ещё слышим, значит недостаточно.

– Мне это не нравится, – сказал Мезант, и по его голосу Донна слышала, как сильно он переживает.

Тварь со щупальцами, похоже, уgomонилась, но не было понятно, мертва она или просто раны зализывает.

– А нет какого-нибудь обхода? – спросила Донна у Мезанта, начавшего что-то изучать на сканере.

В холодном свете экрана, освещавшем его лицо снизу, она видела, что у него дрожат губы.

– Это единственный проход, – сказал он. – Эта тварь наверняка сторожевой пёс.

– Значит, либо мы снова пытаемся пройти дальше, либо поднимаемся на поверхность и возвращаемся на корабль?

– Без сегмента мы не уйдём, – сказал Огмуни, глядя в глаза Мезанту. Он многозначительно подбросил в руке своё термальное ружьё. – Так что хватит сомневаться, Мезант. Проектор её ранил, значит она уязвима.

– Ага, – сказала Донна, – но и мы тоже.

Они осторожно вернулись туда, где лежал повреждённый бимбот. Впереди шёл Огмуни, замыкал Мезант. На пути к роботу Донна через что-то споткнулась; посветив фонариком, она увидела через что – обгоревший, хрустящий кусок щупальца.

– Может, мы его уже достаточно напугали, – сказал Огмуни.

– Ага, – добавила Донна, – или же оно теперь в десять раз злее.

Но за то время, пока они приближались к сломанному роботу, в голове которого по прежнему что-то искрилось и потрескивало, они больше не видели и не слышали эту тварь.

– Помогите мне! – сказала Донна, запуская руку под робота.

Она подняла голову, чтобы убедиться, что Огмуни не сводит взгляд с бокового тоннеля, из которого в первый раз появилось существо. Но ни он, ни Мезант даже не шевельнулись, чтобы помочь ей.

– Ты можешь говорить? – спросила она робота, рука которого всё ещё дрожала.

Тот повернул к ней голову – половины лица не было.

– Ос... ос... основные функции нар... нар... нарушены, – проговорил робот.

Его голос был глухой и дребезжащий. Донна не ожидала такого голоса от такого гламурного существа.

– Ты можешь встать? – спросила она, поняв, что не сможет поднять его, несмотря на его изящные формы.

– Дви... дви.. двигательные функции нарушены, – сказал робот, и Донне показалось, что она уловила в голосе нотки грусти.

Это же робот, роботы не грустят.

– Нужно идти дальше, – сказал Мезант.

– А нельзя его телепортировать обратно на корабль? – спросила Донна, вынимая из-под робота руку. – Чтобы отремонтировать?

– Слишком глубоко, – ответил Мезант. – А у нас всего один усилитель.

– Один что?

Мезант похлопал по карману:

– Усилитель телепорта. Нам он нужен для того, чтобы Гараман смог прицелиться на сегмент, когда мы его найдём. Иначе придётся тащить сегмент на поверхность.

– Тогда переправь им... её, а Гараман пускай ещё один усилитель пришлёт.

Огмуни протолкнулся к роботу. Не успела Донна что-нибудь сделать, как он навёл терморужьё. Он почти сразу нажал на кнопку, и голова робота с шипением засветилась, словно уголёк на ветру, и погасла. Голова поникла, всё тело сползло по стене и замерло.

– Ты убил его! – мрачным голосом сказала Донна.

– Это был прибор, он сломался, и он нас задерживал, – поправил её Огмуни.

– Он вас задерживал, – Донна встала, она с трудом сдерживала свой гнев. – Его можно было починить, – медленно сказала она, чеканя каждое слово, глядя в глаза Огмуни, игнорируя то, что он весил как минимум в два раза больше и был вооружён.

– У нас есть запасные, – возразил он. – А теперь идём!

– А не то что? Меня тоже пристрелите? – она стояла на месте, лицом к нему. – Ну же, что вас останавливает, здоровяк?

– Он вас не пристрелит, – вмешался Мезант. – Вы органическая. Мы не убиваем органических.

– Ну да, – решительно сказала Донна, повернувшись к человеку-ящерице и глядя в его блестящие глаза. – Вы им только пальцы сломать грозите, да?

Мезант ничего не сказал, но отвернулся, словно стыдясь признать справедливость обвинений. Огмуни тяжело вздохнул и, размахивая фонариком, пошёл дальше по проходу. Донна провела его взглядом, а затем посмотрела в глаза Мезанта.

– Хороших друзей вы себе завели, – сказала она.

Ещё раз взглянув на мёртвого робота, она пошла в тоннель.

– Вы понимаете, – сказала Лайен, когда после материализации вокруг они оказались в темноте тоннелей, – что теперь Буни не захочет с вами расставаться?

– Вы о фокусе с телепортом? – жизнерадостно спросил Доктор. – Это ерунда!

– Это дало нам возможность телепортироваться прямо в тоннели, – сказала Лайен, подавая Доктору фонарь. – Вы просто находка, с этими телепортами и сенсорами. Что ещё у вас в рукаве припрятано?

– Ну, поддержите меня взаперти подольше, и узнаете. Кстати, это был единственный способ добиться от Буни разрешения спуститься сюда.

Доктор посмотрел на возвышающуюся рядом фигуру Мама.

– А как у тебя дела, Мама? – спросил он.

С едва слышным жужжанием Мама повернула к нему лицо. На безликой стали красным светом горели глаза.

– Ты знаешь, – размышлял Доктор, – я бы тебе посоветовал отказался от красного, – он скривился, – это плохой цвет для глаз. Поверь мне. Ты когда-нибудь удов видела?

Мама молча смотрела на него сверху вниз. В её большой голове что-то гудело и жужжало.

– Не стоит её злить, – прошептала Лайен.

– Правда? А мне кажется, что Мама гораздо дружелюбнее, чем кажется.

Он снова повернулся к роботу и подмигнул:

– Правда?

Ответа не было, Доктор пожал плечами и посветил фонарём вокруг.

– Ну что же! – радостно сказал он. – Аллонси! – и тут же замер. – Тут такой запах, словно кто-то шашлыки рядом жарил. Идёмте!

Доктор пошёл вперёд, а Лайен и Мама пошли сзади. Для металлической громадины, Мама удивительно тихая, – думал Доктор, следуя за пятном света своего фонарика. И, наверное, это было хорошо, учитывая, что они скрытно проникли в тоннели чужой планеты. Учитывая, что не только они скрытно проникли в тоннели чужой планеты.

У Культа было преимущество в час времени; хотя Доктор и знал, что без его манипуляций с телепортом им пришлось высадиться на поверхности и идти вниз пешком, он не хотел терять время. Донна была (как он надеялся) на борту их корабля, и если Культ сможет найти то, что им нужно, и вернуться на свой корабль до того, как Доктор их найдёт, её можно потерять навсегда. Навестить галактику Туманность Андромеды было его идеей, и он начинал думать, что это могло быть ошибкой.

Не они прошли по коридору и двадцати метров, как Доктор неожиданно остановился.

– Ух ты! – сказал он, подняв руку. – А вот и шашлык!

Он направил луч фонаря вперёд. Поперёк тоннеля на их пути лежала огромная обуглившаяся масса. Струйки дыма змеились вверх, образовав толстый слой у потолка коридора. Доктор прикрыл рот рукой.

– Что это? – спросила Лайен, подойдя к нему.

– Животное, наверное... было им, по крайней мере. Либо оно баловалось со спичками, либо кто-то предпочёл, чтобы оно стало бывшим животным. Боюсь, мы ничем уже помочь бедняге не сможем.

Они молча протиснулись мимо обугленных остатков, стараясь не вдыхать лишний раз запах подгоревшего мяса, который теперь уже не казался привлекательным. В отличие от Доктора и Лайен, Мама не испытывала к туше никаких чувств, и просто прошла по ней – Доктор слышал, как за его спиной её огромные металлические ноги хрустели и чавкали по останкам бедной твари.

За логовом существа тоннель стал заметно ниже: Доктору и Лайен пришлось лишь слегка пригнуть головы, но вот Мама была для этого слишком высокая. Она встала на четвереньки и пошла за ними рысью, словно огромная металлическая корова.

На пути внимание Доктора привлёк сломанный и обугленный труп робота, упавшего на стену.

– Что у нас тут? – прошептал он, присев возле машины.

Надев очки, он взял оплавленную голову и повертел в руках, словно врач, которому пациент пожаловался на боль в шее.

– Ещё тёплая, – сказал он не оборачиваясь. – Похоже, что против него воспользовались тем же оружием, что и против той твари. Видите?

Он повернул наполовину расплавленное лицо с выгоревшей электроникой внутри так, чтобы Лайен видела. У неё за спиной, в темноте, тихонько заскулила Мама.

– Сторонники Культа? – прошептала Лайен и направила луч фонаря вдоль тоннеля; в тоннеле никого не было.

– Думаю, да. Насколько можно судить по останкам существа, это не оно построило эти тоннели. Так что, либо оно тут чужое, либо это домашнее животное... либо что-то вроде сторожевого пса. Возможно, сторонники Культа наткнулись на него и убили.

– А механизм?

Доктор пожал плечами:

– Может быть, на него напало существо, и он погиб, когда стреляли по животному?

Доктор расстегнул на роботе одежду, достал свою звуковую отвёртку, и в считанные секунды вскрыл грудную полость робота.

– Полностью уничтожен, – сказал он через несколько секунд.
– Я думал, что осталась хоть какая-то искорка жизни – резервные цепи, хоть что-то, – он вздохнул и встал, снимая очки. – Ничего.

Он оглянулся на Маму, всё ещё стоявшую на четвереньках. Склонив лицо, она смотрела на робота.

– Сожалею, Мама.

Та снова заскулила. Он не был уверен, было ли это реакцией на его слова, или же на то, что мёртвым был робот. Впрочем, одна из этих версий казалась ему более вероятной...

Донна начала задумываться о том, как далеко им ещё идти. После стычки с существом с щупальцами и после уничтожения робота они, казалось, прошли уже несколько миль. Молча. Она всё ещё была вне себя от того, что робота уничтожили, и от того, как Мезант и Огмуни отнеслись к этому. Она поняла, что они большой любви к роботам не испытывали – это стало ясно ещё у них на корабле. Как сказал сам Гараман, роботы – приборы. И этот конкретный прибор вполне мог быть тем самым, который должен был отломать её мизинец. Но всё равно... Это было неправильно – бросать его имея возможность отправить его на корабль.

Может быть, это всё глупости, и она берёт это слишком близко к сердцу? В конце концов, до этого путешествия все встреченные ею роботы были весьма недружелюбны. Они хотели её либо похитить, либо убить, либо испортить ей одежду. В

крайнем случае, как тот бронзовый бог на Уляля, были грубиянами. Возможно, Гараман прав. Быть может, роботы – всего лишь машины, которые просто притворяются человеческими или разумными, или как там они это называют. То, что сделано из плат и шестерёнок, не может ведь чувствовать, так?

Огмуни (по мнению Донны – здоровяк и хвастун) шёл во главе их маленького отряда и размахивал фонариком и терморужьём, словно какой-то глупый Рэмбо. Джэфти – местного населения – нигде не было видно. Донна подумала, а не съела ли их всех та тварь со щупальцами?

– А, – сказал Мезант, нарушив тишину, отчего Донна чуть не подпрыгнула.

Он смотрел на светящийся экран своего детектора.

– Уже недалеко.

Внезапно Донна услышала впереди визг и гомон. Она напряглась, опасаясь того, что на них снова бросится щупальце. Но вместо этого они обнаружили за поворотом широкий каменный уступ, ниже которого было большое круглое помещение. Диаметр больше ста метров, оно было похоже на амфитеатр: вниз спускались кольца-ступени, вырубленные в таком же песчанике, как и тоннели.

В этом помещении находились десятки невысоких, похожих на обезьян существ, державшихся по одному и группами. Они были немного похожи на шимпанзе, но руки были короче и выглядели сильнее, а головы и плечи были покрыты длинными, спускавшимися на спины волосами медного цвета.

– О, – сказал Мезант с явным разочарованием. – А где же он? Он должен быть тут.

Он снова сверился со своим сканером.

– Хм... – пропел он. – Сто двадцать метров в ту сторону, – он неопределённо махнул рукой.

– А почему он не здесь? – спросил Огмуни. – Он должен быть тут. Когда мы улетали, они ему поклонялись.

– Может быть, он им надоел, – предположила Донна. – Он же ничего не делает, да?

Мезант обеспокоенно покачал головой.

– Но они так восторгались им, – сказал он. – Так благоговели перед ним. И перед нами.

– Может быть, они его где-то припрятали, – сказал Огмуни.

– Будем надеяться, – пропел Мезант, но Донна слышала в его голосе беспокойство.

Если бы Культ Сияющей Темноты глубже изучил джэфти, им бы стало известно, что джэфти коллекционируют религии так, как некоторые люди коллекционируют китайский фарфор или портреты Королевы. Вообще-то, у них часто бывало по две или три религии одновременно, зачастую противоречащие друг другу. Это не значит, что джэфти по-настоящему верили в них – о нет, для этого они были слишком умны и рациональны. Они знали, что это неразумно – верить в каких-то мистических, невидимых, всемогущих существ, которым, несмотря на все свидетельства обратного, были по-настоящему интересны жизни таких крошечных и незначительных существ, как они сами.

Но, – рассуждали джэфти, – вершина изысканности и ума состоит в том, чтобы верить во что-то, что абсолютно лишено доказательства. Кто угодно, – думали они, – может поверить в то, что можно доказать. Если предметы падают на землю, то кто

угодно поверит в гравитацию. Кто угодно поверит в мощь солнца, когда увидит, как оно греет и жжёт. Кто угодно поверит в свирепость храмовой твари, когда увидит, как она слопала его лучшего друга всего лишь потому, что тот не успел убраться с её пути.

Нет, для того, чтобы поверить во что-то, лишённое малейшего следа доказательства, нужна была неординарная личность. А значит, считая себя довольно неординарными, джэфти постоянно находились в поиске новых религий, новых предметов поклонения, новых ритуалов, новой чуши. Поэтому, когда два года назад появились четыре существа с других планет и заявили «Мы ваши новые боги – поклоняйтесь нам!», джэфти чуть не уписались от восторга.

– Мы слышали, – сказали пришельцы (трое обычных, по две руки и ноги у каждого, и один интересный – с тремя!), – что джэфти очень гостеприимны по отношению к богам.

Это заявление, провозглашённое в центральной яме собраний в подземном городе джэфти, было встречено криками радости и восторга. Подумайте только, – шептали друг другу джэфти, – в кои-то веки нам не придётся выдумывать кому поклоняться! Эти боги (джэфти конечно же понимали, что это не боги, но не хотели об этом говорить, чтобы боги не ушли) сами пришли к ним.

Было много споров насчёт того, могут ли эти новые боги быть настоящими богами. По логике джэфти, они могли верить только в то, чему нет доказательства. Но само явление богов было достаточным доказательством их существования, чтобы джэфти не поверили в то, что они боги. Однако другие джэфти заметили, что одно только то, что пришельцы назвали себя богами, ещё не доказывает, что они боги. Спор длился целую неделю, пока кто-то не решил, что это всё настолько интересно, что «богам» нужно

поверить за недостатком доказательств противного. Во всяком случае, пока.

– И мы прибыли, – продолжали Боги, стараясь придать голосу глубину, силу, и... божественность, – чтобы принести вам Сияющую Темноту!

Среди джэфти раздался хор восторженных криков. Они понятия не имели, что это значило, но это казалось ужасно интересно: Сияющая Темнота. Темнота, – благоговейно бормотали они, – которая сияет! Круто!

– А что должны делать ваши почитатели? – спросил Энчикка, Верховный Жрец Того, Во Что Мы Верим Сегодня, отвечивая поклоны и всячески уничижаясь, чтобы заработать одобрение этих Богов Сияющей Темноты. – Чем мы можем вас радовать?

– Богам Сияющей Темноты нужна ваша помощь, о верные последователи, – сказал трёхногий и трёхрукий.

Он поднял руку и указал вверх, в направлении потолка.

– На небесах у нас война с силами зла, – сказал он. – Война за выживание органических.

Со стороны джэфти снова раздались радостные крики. Они не знали, что значит «органические», но звучало это так впечатляюще! К тому же была упомянута война, а война это же так здорово, правда? Все сражаются, кричат... Может быть, даже убивают. Впрочем, как правило, джэфти не жаждали убийств, разве что очень зрелищных.

Ну и, конечно же, особенно джэфти понравилось про небеса. В основном потому, что это как раз одна из тех вещей, которая не имела никаких доказательств. А значит, можно было представлять их какими угодно странными и сказочными, и никто никогда не сможет доказать, что ты не прав.

– А как мы можем помочь Богам Сияющей Темноты? – спросил Энчикка, наслаждаясь обилием заглавных букв. Заглавные буквы – это хорошо для религии.

– О, верные последователи! – снова начал распевать трёхногий (послышались одобрителные возгласы). – Ваша вера так чиста и так сильна, что наши враги никогда не осмелятся прийти в ваш город. Поэтому мы хотим доверить вам Священный Артефакт...

В этот момент голос трёхногого (которого, как джэфти узнали позже, звали «Мезант») полностью утонул в могучем рёве голосов джэфти. Это было просто здорово, Священные Артефакты – это самый шик. Их можно выставлять на обозрение, поклоняться им, брать деньги за разрешение прикоснуться. Их можно прятать и разрешать смотреть на них только Верховному Жрецу, отчего они становились ещё более особенными. Если очень захотеть (а джэфти, по правде говоря, редко этого хотели, поскольку к этому моменту обычно успевали переключиться на что-то другое), можно было «утерять» Священные Артефакты, а затем на протяжении веков их героически разыскивать.

Боги Сияющей Темноты, похоже, были очень довольны такой реакцией их верных джэфти. Через несколько часов они спустили с Небес (джэфти решили, что лучше помалкивать о том, что они знали, что Боги, наверное, летают вокруг планеты в большом железном ящике, а не являются с каких-то «Небес») большую круглую штуку, покрытую блестящим металлом и сверкающими кристаллами. Священный Артефакт был то, что надо! Джэфти (не переставая кланяться, бормотать и завывать) помогли Богам уставить его в центре ямы собраний, наверху каменной колонны. Он там круто смотрелся, особенно после того, как они расставили вокруг него несколько пылающих факелов – в их лучах он сверкал.

– Храните нашу веру, – торжественно произнёс Мезант. – Веру в Сияющую Темноту.

Джэфти закричали, размахивая руками; у каждого в руке была горящая палка. Им нравилась эта новая религия.

Но, как это часто бывало с джэфти, не прошло и нескольких недель с того времени, как Боги Сияющей Темноты вернулись на Небеса, пообещав вернуться за Священным Артефактом в Соответствующее Время, как один из джэфти обнаружил на стене трещину, которая поразительно напоминала одно из созвездий ночного неба. И так появились Почитатели Расколотых Звёзд. Священный Артефакт Богов Сияющей Темноты был снят с постамента и вынесен на склад, и джэфти забыли о нём.

Энчикка узнал о возвращении Богов Сияющей Темноты когда кто-то заметил Мезанта (во всяком случае, кого-то очень на него похожего) и ещё двоих, бродивших по коридорам города. Похоже, им удалось пройти мимо храмового зверя (что было не сильно удивительно, поскольку храмовый зверь был не так страшен, как его голос) и они шли в направлении ямы собраний.

Если честно, джэфти и сами подумывали о том, чтобы заморить храмового зверя голодом до смерти. Он постоянно убивал тех, кого посылали его кормить, и находить согласных на эту работу ставилось всё сложнее и сложнее.

– А оно всё ещё у нас? – спросил Энчикка у одной из своих помощниц, как только смог её найти.

– Что именно? – не поняла Наручио, так как её внимание разрывалось между ответом на вопрос Энчикки и примеркой головного убора из перьев.

Кто-то сказал, что одна курица предсказала приближение конца света. Поэтому джэфти зарезали её, изучили её потроха в поиске подтверждения, а затем решили поклоняться ей как Курице

Апокалипсиса. Вернее, тому, что от неё осталось. Большая часть этих останков сейчас украшала медного цвета волосы Наручио.

– То, – сказал Энчикка, немного забеспокоившись. – Священная Штука Пылающих Теней.

– А, вы имеете в виду Сияющую Темноту?

– Да, какая разница. Что мы с ней сделали?

Наручио пожала плечами, поворачивая головой то так, то эдак, и осматривая своё отражение в отполированной миске.

– А разве мы не в шкаф её положили?

– Так пойдёшь и проверь! – рявкнул Энчикка, стянул с неё головной убор, и не отдавал до тех пор, пока она не согласилась пойти поискать штуку-колесо.

– Если они вернулись за ней, то могут расстроиться, что мы запихнули её в чулан. Они могут подумать, что мы не воспринимаем их всерьёз.

– И что они тогда сделают? – сердито спросила Наручио, не сводя глаз с перьев.

– Не знаю, – ответил Энчикка. – Но они же ведь боги, не так ли? Они могут сотворить что-нибудь божественное – поразят нас, или нашьют на нас прыщи или вшей, или...

– Я поняла, – прервала его движением руки помощница. – Пойду скажу, чтобы кто-нибудь этим занялся.

– Нет, – твёрдо сказал Энчикка. – Сама займись этим. Они уже тут, и мы недолго сможем отвлекать их празднованиями и танцами.

Его жёлтые глаза словно сверлили её:

– А если они начнут требовать жертвоприношений, ты же понимаешь, кто будет первым, да?

На какой-то миг в воздухе блеснули пятки Наручио, а затем от них остались лишь облачка пыли.

– Ну что, – спросила Донна, когда стало ясно, что несмотря на прикрытие каменного уступа джэфти их заметили, – кто будет просить, чтобы принесли мячик?

Мезант устало вздохнул и шагнул вперёд. Заметив его, несколько джэфти вскочили на ноги и начали указывать на него пальцами, что-то бормоча и перешёптываясь. Донна и Огмуни тоже вышли за ним на каменную полку, вызвав ещё большее оживление среди джэфти, начавших подпрыгивать, размахивая своими гривами. Это было похоже на особенно дурацкую тусовку поклонников Шер.

– Верные джэфти! – сказал Мезант, подняв перед собой какое-то устройство, усиливавшее его голос так, что он сотрясал эхом всё подземелье.

Даже на Донну это произвело впечатление. Джэфти умолкли и посмотрели на них.

– Верные джэфти! – снова сказал Мезант, входя в роль. – Ваши Боги вернулись!

Он сделал паузу. Все молчали. Даже с высоты их полки Донна видела, что маленькие тёмные глазки джэфти переглядываются.

– А разве они не должны были пасть ниц, или взвыть, или зааплодировать? – спросила Донна, у которой в животе появилось какое-то неприятное ощущение.

– Ваши Боги вернулись, – повторил Мезант, и в этот раз его голос казался уже не таким божественным, – чтобы забрать Священный Артефакт, который мы доверили вам много лун назад.

– У этой планеты нет луны, – кисло заметил Огмуни.

Мезант недовольно посмотрел на него.

– И Священного Артефакта, похоже, тоже нет, – добавила Донна.

– Может быть, тогда кто-нибудь из вас это сделает? – обиженно сказал Мезант, убирая ото рта свой прибор.

– Тебя они лучше знают, – сказал Огмуни, сложив на груди руки.

Он явно не собирался изображать в этой пантомиме роль Бога, а Мезант начинал терять уверенность в себе.

– Ой, дайте сюда, – не выдержала Донна и отобрала прибор. – Учитесь!

Мезант потянулся, чтобы вернуть прибор, но было поздно – Донна расправила плечи и подняла сканер.

– Где ваш Верховный Жрец? – закричала она, скривившись от громкости, которую придал её голосу прибор.

Даже джэфти вздрогнули.

– Приведите Верховного Жреца!

Она убрала сканер ото рта и краем рта сказала:

– У них же есть Верховный Жрец, так?

Мезант кивнул и указал своей передней рукой вниз. К платформе в центре зала шагал джэфти в каком-то головном уборе из перьев, а за ним шёл ещё один, у которого волосы были запутаны на макушке в виде какого-то улья. При их появлении остальные джэфти почтительно опустили на колени.

– А почему они перед нами так не сделали? – проворчал Мезант.

– Добро пожаловать! – сказал тот, у кого на голове был улей. – Я Энчикка, Верховный Жрец Того, Во Что Мы Верим Сегодня. А вы?

– Мы ваши Боги! – проревела Донна. – И мы пришли за нашим Священным Артефактом! За большим и круглым, – добавила она на всякий случай.

– Ах, да, – сказал Энчикка. – За этим.

– Да, – повторила Донна, чувствуя, что что-то идёт немного не так, – за этим!

– Ну... – уклончиво сказал Энчикка, – мы... спрятали его для сохранности.

– Ну что же, это хорошо, Энчикка. Твои Боги довольны.

Она повернулась и усмехнулась Мезанту. Быть богом? Раз плюнуть!

– Дело в том, – продолжил Энчикка, – что у нас теперь другие боги.

– Простите? – сказала Донна. Ей пришлось повторить, так как усилитель был далеко ото рта. – Простите?.. Что значит «у вас теперь другие боги»?

Энчикка с гордостью указал на ближайшую колонну. Донне пришлось напрячь зрение. Наверху лежало что-то похожее на куриные кости и перья.

– Курица Апокалипсиса, – благоговейно произнёс Энчикка.

– Что?

– Курица Апокалипсиса. В её потрохах мы видели будущее.

– Вы что, шутите?

– Добавь веса голосу! – шептал ей на ухо Мезант. – Говори как бог!

Донна кашлянула.

– Ваши Боги не довольны, – сказала она. – Вам нельзя верить в других Богов.

Энчикка, извиняясь, пожал плечами:

– Ну, просто... – сказал он. – Вы же понимаете. Время идёт. Приходят новые боги...

– Ваша курица – не настоящий бог, – внезапно заявила Донна, начиная понимать, что к чему.

– Ненастоящий? – спросил Энчикка, и в его глазах внезапно появилась радость. – Ненастоящий бог?

– Да! Не гневи Истинных Богов, отказываясь от них!

Несмотря на всю глупость происходящего, Донне нравилось изображать божество.

– Ваши Боги милосердны, – торжественно сказала она, – но способны сильно гневаться.

Среди джэфти раздался ропот. Донна не могла разобрать, это был одобрительный ропот, или осуждающий. Она заподозрила, что осуждающий. Ладно, – подумала она, – пора брать эту Священную Курицу за рога!

– Курица Апокалипсиса – ненастоящий бог, вы должны отречься от неё!

Она услышала, как у неё за спиной вздохнул Огмуни.

– Но вы – старые боги, – крикнул Энчикка, почти извиняясь. – Жизнь идёт дальше, джэфти смотрят в будущее, а не в прошлое.

– Эти двое, может быть, и старые боги, солнышко, – сказала Донна, кивая в направлении Огмуни и Мезанта, – но я-то нет! Я ваш новый Бог... ваша новая Богиня, – поправилась она.

Театральным жестом она продемонстрировала себя:

– Узрите: Я!

Снова раздался ропот, и она увидела, что некоторые из джэфти трогают свои волосы. Свои рыжие волосы.

– Да! – закричала она. – Узрите меня, узрите Донну, – она шагнула вперёд и сделала движение головой как в рекламе шампуня. – Узрите – Рыжая Богиня!

– Рыжая кто?! – изумлённо спросил Доктор у Лайен, широко раскрыв глаза.

Они вдвоём наблюдали за происходящим из небольшого тоннеля, выходящую на противоположную сторону уступа. Чтобы их не заметили, они легли на землю. Мама скрывалась позади них, стоя на четвереньках в тени.

Вскоре после того, как они наткнулись на сломанного робота, они услышали споры и ругань Донны и двух её компаньонов, и смогли незаметно обойти их. Это отняло какое-то время, но в конце концов они оказались на том же уступе, что и Донна с её спутниками, только у дальней стороны амфитеатра джэфти.

– Она изображает богиню, – недоверчиво сказала Лайен.

– Наверное, на ней сказались путешествия со мной, – усмехнувшись, сказал Доктор. – Они все так делают.

– Может, нам лучше пойти поискать сегмент? Разве мы не за этим прибыли?

– Давайте вначале посмотрим, что будет дальше. Если она убедит джэфти принести сегмент, нас могут застукать за его изучением. Не думаю, что в данный момент джэфти смогут поверить в ещё одну компанию богов.

Сердечко Энчикки чуть не разрывалось от волнения. По правде говоря, его не очень-то впечатляла Курица Апокалипсиса. Она развлекла джэфти на пару недель, но что ещё можно взять со

скелета птицы: не так уж много способов разложить её кости, не так уж много можно сделать головных уборов из её перьев...

Никто не ожидал, что Боги Сияющей Темноты появятся вновь. До них боги с других звёзд прилетали дважды, и никто из них ничего после себя не оставлял, никто потом не возвращался. Поэтому возвращения этих тоже никто не ждал.

А впрочем, – размышлял Энчикка, – если подумать, то всё логично: люди (особенно боги) обычно не оставляют кому-то что-то большое, вроде Священного Артефакта, на хранение, чтобы потом скрыться и не возвращаться.

Пока не заговорила Рыжая Богиня, Энчикка предпочёл бы, чтобы Боги не появлялись. Он не знал, насколько хорошо сохранился их артефакт, и подозревал, что если тот сломан или помят, то боги будут недовольны. Но эта Донна, эта Рыжая Богиня... Это что-то новое! И её волосы были немного похожи на волосы джэфти. Не совсем как у джэфти (её волосы были темнее и более волнистые), но довольно похожие. Этой Богине джэфти смогут поклоняться долго!

– Кто-кто она?! – воскликнул Огмуни, так же не веря в происходящее, как и Доктор на другой стороне амфитеатра.

– Тсс! – зашипел Мезант. – Смотри! Они кланяются, они купились на это!

И действительно, на глазах у Мезанта и Огмуни джэфти начали распевать. Поначалу тихо, потом громче, всё больше и больше голосов подхватывали распев.

– Да святится Рыжая Богиня! – пели они. – Да святится Рыжая Богиня!

Жрец, как заметил Мезант, шептал что-то другому джэфти, с перьями в волосах. Другой джэфти выдернул перья, бросил их на землю, и быстрым шагом ушёл из зала.

Донна ни за что бы никому в этом не призналась, но она получала удовольствие от этого обожествления. Многим ли, – думала она, – доводится побывать богиней? Особенно рыжей богиней. Она всю свою жизнь натужно смеялась с шуток и замечаний про рыжих; иногда она рывкала что-то в ответ, один раз даже отвесила пощёчину парню, сравнившего её с батареей Дюраселл. Но эти шутки ей никогда не нравились. В детстве её волосы были ещё ярче – почти такого же медного цвета, как и у джэфти – и её безжалостно за это дразнили. Мама ей сказала, что нечего обижаться на ерунду (молодца, мама!), а отец сказал ей, что дети с рыжими волосами (он никогда не говорил «рыжие дети») особенные. Чем именно они особенные, он никогда не объяснял, но Донна была благодарна ему за его попытку.

И вот она стоит на чужой планете, и ей поклоняются за то, что она рыжая. Если бы только отец с дедом её сейчас увидели, если бы увидели, какой особенной её сделали её волосы! На короткий момент она поддалась глупости и пожелала, чтобы даже мама это увидела. Может быть, у Мезанта в его портуpee найдётся видеокамера?..

Распев стал уже совсем громким:

– Да святится Рыжая Богиня! – снова и снова кричали они.

Дэвид Бэкхем сдох бы от зависти!

Всё это очень хорошо, – подумала Донна, услышав, как за спиной вежливо кашлянул Мезант, – но нужно ещё придумать, как этим воспользоваться, как заполучить этот драгоценный сегмент, за которым мы спустились. Она подняла руки в божественном (как она надеялась) жесте, и распевы стали утихать.

– Мой народ! – крикнула она, поднеся поближе усилитель. – Мой верный народ!

Снова слышались крики. Ей это уже начинало надоедать. Обернувшись, она увидела, что Огмуни закатил глаза.

– Моя первая заповедь! – крикнула она. – Моя первая заповедь: Да не будет у вас других богов пред лицом Моим!

Этот псевдо-библейский язык звучал слишком вычурно. Двадцать первый век уже, с конце-концов!

Она кашлянула.

– У вас не будет других богов, – сказала она, но это звучало так же глупо.

Она подумала, а не ударит её молния за богохульство?

– Не будет других богов! – начали распевать джэфти. – Не будет других богов!

Донна снова подняла руки. Иначе они никогда не остановятся.

– Все ваши религиозные побрякушки, – она сама скривилась от выбранных слов, – всё, что у вас осталось от предыдущих религий. Всё это нужно выбросить!

– Выбросить! – распевали они. – Выбросить!

Она кивнула:

– Несите всё сюда! Всё! Мне нужно это увидеть перед тем, как я его уничтожу! Несите всё сюда!

– Что она затеяла? – слышала она шёпот Огмуни.

– О, – низким голосом сказал Мезант. – Донна умная. Хорошо, что мы её с собой взяли. Она знает, что делает.

Ещё как знаю, мистер, – улыбнулась сама себе Донна.

– Идите же! – призывала она своих последователей. – Идите же, и принесите мне всё богохульное. Всё!

Она широко раскрыла глаза, надеясь изобразить безумную ярость. Внизу началось движение: пятясь от Донны, джэфти начали выходить из зала.

Наручию в конце концов нашла его валяющимся в задней части хранилища, заполненного битыми каменными статуями, дурацкими костюмами, и изображениями существ с одним глазом или с двенадцатью. Все они были реликвиями, реквизитом от прошлых религий. Временами кому-то из джэфти приходило в голову, что надо бы провести уборку и всё это выбросить. Но затем кто-нибудь из более старых и мудрых джэфти указывал на то, что всё возвращается на круги своя, и что если всё выбросить, то, возможно, через пару лет оно понадобится для прославления какой-то новой веры.

Найдя Колесо Сияющего Чего-то-там, Наручию поручила толпе джэфти быстренько выкатить его из хранилища в яму собраний.

– Это впечатляет, – сказал Мезант очень мелодичным голосом.
– Ты справилась так, словно была рождена для этого, Донна.

Донна усмехнулась и величественно кивнула.

– Богиня Донна, – поправила она, и увидела, что Огмуни нахмурился.

– Вы хоть иногда улыбаетесь? – спросила она. – Знаете, я могла бы сказать им, чтобы они заставили вас улыбнуться. – Вообще-то, – добавила она, прищурившись и приблизившись к нему лицом к лицу, – я, наверное, могла бы сказать им разорвать вас на кусочки и спустить их в туалет, если бы захотела. Мой народ, – она сделала драматическую паузу, – исполнит мою волю!

– Не зарывайтесь, – сказал Огмуни. – Подождём, пока сегмент будет у нас, тогда можете бахвалиться.

Донна лишь повела бровью и отвернулась в сторону зала. Несколько оставшихся джэфти, включая Энчикку, смотрели на неё.

– Рыжая Богиня! – позвал Энчикка.

Он распустил свои волосы и пытался распушить их так, чтобы они выглядели как у Донны, но у него это плохо получалось.

– Да, мой верный... хм, как тебя зовут?

– Энчикка, о Рыжая Богиня!

– Слушаю тебя, верный Энчикка.

– Могу ли я скромно изъяснить желание, чтобы ты спустилась к своему народу?

Донна скривилась:

– А зачем... хм, – она забыла про усилитель, что было кстати, так как она не придала голосу правильную интонацию.

Она поднесла усилитель ближе ко рту:

– Рыжая Богиня не видит оснований не спуститься к вам.

Она прикрыла рукой усилитель и повернулась к своим спутникам:

– Чтобы забрать сегмент нам нужно спуститься вниз?

Мезант нерешительно кивнул.

– Хорошо. Но вы оба молчите. Это мне они поклоняются. Вы можете всё испортить.

Она пристально посмотрела на Огмуни, поправила рукой волосы, и направилась вдоль уступа туда, где виднелись ступени, ведущие на дно зала. Мезант и Огмуни пошли следом.

– Что она делает? – спросила Лайен, подобравшись ближе к краю уступа.

– Наверно, готовится к театральному сезону, – тихо сказал Доктор. – Надеюсь, она сама знает, что она делает.

– Я правильно поняла, что нам теперь не удастся осмотреть сегмент?

– Думаю, не удастся. С близкого расстояния, во всяком случае.

Лайен вздохнула:

– Тогда, может быть, вернёмся на корабль?

Доктор покачал головой:

– Пока нет. Я хочу убедиться, что... О! Ну, здравствуйте! Смотрите!

Он указал на пол зала. Целая толпа джэфти протаскивала в двери разнообразные костюмы, реквизит, куски дерева и металла.

– У них хлама больше, чем у меня в карманах... Ага! Вот и он!

Замыкая эту процессию, больше десятка джэфти катили сегмент, поставив его на ребро. По пути они то и дело ударяли его или врезались во что-то. Из всех их артефактов это был самый большой. Впрочем, при таком обращении, – подумал Доктор, – пока они его докатят до центра зала, он может стать самым маленьким.

– Ой! – скривился он, когда артефакт покатился сам и грохнулся набок.

– Не стоит переживать, – сказала Лайен. – Думаю, большая его часть – защитная упаковка.

– Будем надеяться, – с сомнением в голосе добавил Доктор.

Они смотрели, как джэфти оттащили сегмент в центр зала, туда же, где были все остальные их религиозные причиндалы, а затем отступили, молитвенно опустившись на колени перед спускающимися Донной и её спутниками.

– Рыжая богиня довольна, – заявила Донна милостивым голосом.

– Почему в такие моменты никогда нет при себе камеры? – вздохнул Доктор. – А кто другие двое?.. Трёхногий – это Мезант? О нём упоминалось в некоторых из записей, которые вы мне показали.

Лайен кивнула.

– А другой, наверное, Огмуни. Военный специалист, если я правильно помню. Что там происходит?

Лайен пододвинулась ближе к краю, чтобы разглядеть. Донна гордо стояла на краю платформы в центре зала, а позади неё, как преданные слуги, стояли Мезант и Огмуни.

– Вы хорошо поступили, – сказала Донна, величественно указывая на собранные реликвии. – А теперь Рыжая Богиня заберёт это на небеса для... – она театральным жестом указала вверх, – для... утилизации.

– Можно подумать, она металлолом у кого-то из сарая вывозит, правда? – усмехнулся Доктор. – Ох уж эта Донна!

– Нет необходимости, о Ослепительная Рыжая, – слегка поклонившись, сказал Энчикка; он говорил громко, чтобы слышали все джэфти. – Мы считаем своим долгом, для нас это будет большая честь, если мы сами уничтожим ради тебя эти ложные реликвии.

– Ой-ой, – сказал Доктор.

На мгновение лицо Донны застыло.

– А... – сказала она. – Да нет, не стоит.

– Пожалуйста, – жеманно улыбнулся Энчикка, хотя что-то в его голосе не предвещало ничего хорошего. – Позволь нам продемонстрировать нашу преданность Всемогущей Рыжей, уничтожив их здесь, у Неё на глазах.

– Рыжая Богиня признательна вам за ваше предложение, – сказала Донна, и Доктор заметил, как она, занервничав, оглянулась на Мезанта и Огмуни, которые не могли скрыть своё беспокойство. – Но вы уже проявили себя как достойные почитатели.

– Но недостаточно проявили, – возражал Энчикка, – позволь нам исполнить ради тебя эту обязанность.

Донна натянуто улыбнулась, не совсем божественно.

– Я ваша Богиня, – сказала она.

– Воистину, Рыжая. Но, как ты сама сказала, да не будет других Богов, кроме тебя!

Энчикка взмахнул лапой и, после недолгого колебания, собравшаяся толпа джэфти – около двухсот, по оценке Доктора – поднялась с колен.

– Мне кажется, что ты скоро можешь отправиться на Небеса по своим Небесным делам, – сказал Энчикка. – И что, возможно, ты больше не вернёшься. Если нам больше никогда не суждено узреть Твою Пылающую Красоту, мы настаиваем на том, чтобы в последний раз послужить Тебе. Во славу Твоего Имени мы уничтожим ненастоящие реликвии и ненастоящих богов.

– Простите? – сказала Донна, на миг забыв о своей роли. – Ненастоящих богов?

Энчикка кивнул и лапой отдал приказ. Внезапно, два или три десятка джэфти окружили Донну и её спутников.

– Тебе не нужно бояться, о Рыжая, – сказал Энчикка. – Это те двое – боги, чьё место Ты заняла в наших сердцах – ненастоящие. Вместе с ненастоящими реликвиями... – он сделал паузу для пущего эффекта, – они сгорят!

Только что они были у моих ног, – думала Донна, сердце которой колотилось – и вот они уже собрались сделать из Огмуни и Мезанта Жанн д'Арк.

– Нет! – закричала она, подняв руки.

На мгновение джэфти остановились. Но лишь на мгновение. Затем они снова пошли к ней, в их глазах странным образом смешались благоговение и ярость.

– Прибор, – шепнула Донна через плечо. – Включайте прибор, усилитель телепорта.

– Слишком далеко, – сказал Мезант дрожащим мелодичным голосом.

Нет! Донна повернулась к Огмуни, и увидела, что он вынул своё блестящее ружьё и навёл его на приближающихся джэфти.

– У нас нет выбора, – прохрипел Огмуни, но Донна видела в его глазах злобу.

И в этот раз у неё не было контраргументов: их вот-вот должны были убить джэфти. Она не могла винить его в том, что он поднял оружие. Увы, хотя джэфти и вряд ли знали, что это за блестящая трубочка в руках у Огмуни, они прекрасно поняли, что это что-то плохое; не успел Огмуни выстрелить, как кто-то выпрыгнул из толпы и выбил её из его рук. Она укатилась в толпу, и её схватил кто-то из джэфти.

– Ненстоящих богов нужно уничтожить! – крикнул Энчикка.
– Такова Воля Рыжей Богини!

Донна раскрыла рот, чтобы возразить, что нет, не такова Воля Рыжей Богини. Что её воля в том, чтобы они разошлись, а Рыжая Богиня смогла украсть Священный Артефакт. Но было поздно: разозлённые загадочной серебристой трубочкой Огмуни, и подстрекаемые Энчиккой, джэфти окружили их, стремясь в своём религиозном рвении убить их. И у Донны было ужасное предчувствие, что расправившись с Мезантом и Огмуни они могут решить, что им наскучила Рыжая Богиня, и поступить с ней так же. Разве смысл религии был не в любви и мире, и в дополнительных официальных выходных?

Внезапно Донна заметила какое-то движение в другом конце зала, где-то высоко на уступе. Маленький тёмный силуэт, скрывшийся из виду быстрее, чем она успела его рассмотреть. А затем раздался громкий скрежет. Все обернулись – джэфти, Мезант, Огмуни – все обернулись посмотреть вверх на уступ. И тогда,

словно из ниоткуда, появился огромный камень, словно его кто-то толкал. Он дополз до самого уступа, осыпая песок в амфитеатр джэфти, замер, а затем начал переползать через уступ. Он покачался на краю, а затем, словно в замедленном движении, опрокинулся и с грохотом обрушился вниз, подняв тучу пыли и дождь осколков, который Донна почувствовала на себе.

Никто из джэфти, похоже, не пострадал – они все были на её стороне зала. Но они начали кричать и причитать, метаться туда-сюда. Пытаясь разглядеть что случилось, они подпрыгивали.

– Быстро! – прошептала Донна, пользуясь моментом. – Давайте!

Она подошла по платформе к груде религиозного барахла. Огмуни тут же последовал за ней, но Мезант, похоже, оцепенел после падения камня.

– Мезант! – взревела Донна, закатив глаза. – Сюда!

Джэфти их заметили и, позабыв о загадочном упавшем камне, снова бросились в атаку. Энчикку просто распирало от восторга от происходящего. Мезант, изо всех сил стараясь не паниковать, тем не менее дрожал и трясся. Он замер на месте, ему было страшно оставаться там, и страшно сделать шаг.

– Прибор! – торопила его Донна. – Вынимай его! Давай!

Она указала на его портупею, и это, похоже, оживило его, отвлекло его мысли от надвигающихся джэфти. Он замешкался, вынимая прибор из кармана, а затем неожиданно прыгнул вперёд. Своей странной, танцующей манерой бежать он отвлёк джэфти на одно мгновение, и этого мгновения оказалось достаточно. Добежав до Донны и Огмуни, стоявших возле кучи идолов и костюмов, он сжал трёхпалой рукой усилитель телепорта.

И когда Донна почувствовала знакомое пощипывание телепортации, она бросила взгляд на уступ, туда, откуда свалился

камень. Там из-под знакомой причёски выглядывала пара знакомых глаз. Она улыбнулась... и в этот миг всё вокруг засияло белым светом.

Хотя Доктор был очень разочарован тем, что не удалось осмотреть сегмент, он был рад убедиться, что Донна жива и в добром здравии. Да ещё и в каком здравии, если вспомнить её исполнение роли Рыжей Богини. Вспомнив это, он улыбнулся, но напомнил себе, что пока она не с ним, смеяться рано.

Что же касается Буни, то тот был рад, что их, по крайней мере, не заметили. Он начал было возмущаться тем, что Доктор рисковал быть замеченным, но Лайен заметила, что без организованного Доктором отвлекающего манёвра третий сегмент могли сжечь. А она умная, – подумал Доктор. А ещё было ясно, что она оказывает на планы и стратегию Буни гораздо больше влияния, чем Буні готов был признать.

Не теряя времени, корабль Культа покинул Каррис, а «Меч Правосудия» благодаря улучшенным Доктором сенсорам без труда последовал за ним.

Доктор широко зевнул, потянулся, словно кот, и сказал, что ему нужно вздремнуть, пока они не прибыли в новое место назначения, где бы это ни было. Лайен исчезла по каким-то своим делам, Буні и Келлика что-то обсуждали, поэтому Доктор попросил Маму провести его в каюту, так как он забыл, где она находится. Разумеется, Доктору не нужно было вздремнуть, и он прекрасно знал где его каюта. Но он хотел побеседовать с Мамой. Наедине.

– Логично было ожидать, – сказал Доктор Маме, не особо рассчитывая на ответ, – что Буні будет мне благодарен, правда? Я же сильно улучшил и сенсоры, и телепорт. Без меня ему бы такая модификация обошлась в целое состояние.

Мама молча шла, показывая ему дорогу.

– Я заметил твою реакцию на того мёртвого робота, – обронил он, когда они подошли к его каюте. – Сожалею, что мы не могли помочь. Со стороны Лайен, заявляющей, что она заботится о механизмах, я ожидал немного больше... чуточку больше эмоций.

Дверь с шипением раскрылась, и Доктор вошёл в каюту, а Мама осталась в коридоре и глядела на него своими свирепыми глазами.

– Ты похожа на посыльного, который ждёт чаевые, – усмехнулся Доктор. – Заходи, – сказал он беззаботным голосом, уступая дорогу; но Мама осталась в коридоре, никак не прореагировав.

– Да ладно тебе, я не кусаюсь. Давай, заходи. Ты можешь мне кое в чём помочь.

Было что-то почти милое в той осторожности, с которой огромный робот вошёл в комнату. Этим он был похож на кота, который обнюхивает протянутые к нему пальцы незнакомца, прежде чем разрешить себя погладить.

– Держи, – сказал Доктор, бросая что-то.

Огромная, похожая на клешню ладонь Мама молниеносно поймала предмет. Наклонив голову, она осмотрела его: это был латунный куб, на шести гранях которого были электронные цепи и контакты.

– Это память робота, которого мы нашли на Каррис, – сказал Доктор. – Но ты же это и без меня знаешь.

Мама подняла голову и посмотрела на него.

– Зачем я его взял? – предположил Доктор значение этого взгляда. – Ну... Этот робот... Прости, ты не против слова «робот»? Или ты предпочитаешь «машинный разум»? Механизм?

Мама едва заметно кивнула.

– Ну что же, значит, механизм. Было ясно, что этого механизма убили совсем недавно, и я подумал, что есть большие шансы на то, что его энергонезависимая память всё ещё доступна, и что, возможно, часть его личности всё ещё сохранилась.

Он внимательно следил за тем, как Мама вертит в руках сверкающий куб. О чём она думала?

– И теперь, – сказал он, нарочито вздохнув, – мне нужно лишь получить к ней доступ, узнать, можно ли с ней что-нибудь сделать... быть может, пересадить остатки сознания в другой механизм. Это, возможно, поможет нам что-нибудь узнать о планах Культа. Возможно, даже удастся вернуть жизнь этого механизма.

После небольшой паузы он спросил:

– Что скажешь?

Мама ещё раз осмотрела куб, а затем внезапно опустилась перед Доктором на колени. Даже так её глаза были сантиметров на пятнадцать выше глаз Доктора, что лишний раз напоминало о силе этого немого робота. Перед ним, сверкая как серебро в лучах освещения каюты, было большое V-образное туловище, похожее формой на голову.

Внезапно, слегка щёлкнув, круглая секция у неё на груди раскрылась на две половинки, а расположенная за ними более широкая секция сползла вниз, открыв сложные электронные схемы. Из этого лабиринта проводов и деталей наружу, словно металлический червяк, на несколько сантиметров вылезло тонкое щупальце. Доктор зачарованно смотрел, как Мама опустила устройство памяти к щупальцу, а то присоединилось к разъёму на одной из граней куба.

Наблюдая за этим, Доктор заметил ещё кое-что, расположенное в сложных внутренностях робота. Нечто, казавшееся там не уместным... Несколько мгновений спустя раздался гул, что-то

зажужжало, и Мама отсоединила куб и аккуратно вернула его Доктору.

– И?.. – спросил Доктор.

Он вздрогнул от неожиданности, когда между ним и Мамой возник мерцающий прямоугольник розового света.

– А! Виртуальный экран!

Экран зашипел, затрещал, и выдал красные буквы:

>АРХИВ ПАМЯТИ ЧАСТИЧНО УЦЕЛЕЛ.

– Превосходно! Насколько уцелел?

>НЕДОСТАТОЧНО ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ. ТЕПЛОВОЕ РАЗРУШЕНИЕ ВЫЗВАЛО НЕОБРАТИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ.

– О, – расстроился Доктор. – Жаль. Там есть что-нибудь о Культе и о том, что они делают? Механизм ничего случайно не услышал?

>НЕТ. МЕХАНИЗМ ИДЕНТИФИЦИРУЕМЫЙ ZB2230/3 КАК СУЩЕСТВО НЕЖИЗНЕСПОСОБЕН. БУФЕР ПАМЯТИ СОДЕРЖИТ ТОЛЬКО ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ. ВЫ ХОТИТЕ УВИДЕТЬ ДОСТУПНУЮ ВИЗУАЛЬНУЮ ПАМЯТЬ?

У Доктора загорелись глаза:

– Визуальную память? Почему бы и нет?

Экран снова затрещал, и внезапно Доктор стал видеть с точки зрения робота. Он увидел Донну! Звука не было, но было ясно, что Донна пыталась помочь повреждённому роботу в его последние минуты жизни, споря с кем-то, кто был за пределами видимости.

– Ах, Донна! – вздохнул он. – Неудержимая Донна.

>РЫЖАЯ БОГИНЯ? – буквы шли поверх замершего изображения обеспокоенного лица Донны.

Доктор усмехнулся Маме:

– Единственная и неповторимая.

Он замолчал.

>ПОЧЕМУ ОНА С КУЛЬТОМ?

Доктор удивлённо посмотрел на Маму: как для немого робота, она была весьма разговорчива.

– Они её похитили.

>ПОЧЕМУ?

– Думаю, это было случайно. Их это, конечно, не оправдывает.

Он посмотрел на лицо Мамы:

– Извини, что спрашиваю, но почему тебя зовут Мамой?

>ЭТО БЫЛО МОЕЙ ФУНКЦИЕЙ.

– Твоей функцией? Раньше я слышал разные названия для этого, но «функция»? Дети?

>БОЛЬШЕ НЕТ.

Эти слова дрожали в воздухе. Доктор почувствовал комок в горле. Он моргнул.

– Где они?

>ИХ ЗАБРАЛИ.

– Сожалею. Но кто? – он запнулся. – Если ты не против говорить об этом.

>ВОСПОМИНАНИЯ УЖЕ НЕ ТАК БОЛЕЗНЕННЫ, КАК РАНЬШЕ.

Эти слова висели в воздухе меду ними, словно связующая их нить. У Доктора тоже были люди, которых он потерял. И хотя он знал, что никогда не забудет их, он также знал, что клише «время лечит» стало клише именно потому, что это было правдой.

Мама продолжала:

>Я... БЫЛА... МАТЕРЬЮ ПОКОЛЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ. ВОЕННЫХ МАШИН. Я РОДИЛАСЬ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЛАБОРАТОРИЯХ МИТАКОРИНА. С РОЖДЕНИЯ Я БЫЛА ПОДКЛЮЧЕНА К ВИРТУАЛЬНОМУ ВОЕННОМУ СИМУЛЯТОРУ. ОНИ ИЗУЧИЛИ МОЮ РЕАКЦИЮ НА РАЗЛИЧНЫЕ СЦЕНАРИИ, ОТОБРАЛИ САМЫЕ ЭФФЕКТИВНЫЕ ИЗ МОИХ ПОДПРОГРАММ, И ИМПЛАНТИРОВАЛИ ИХ В ДРУГИЕ ВОЕННЫЕ МАШИНЫ. В МОИХ ДЕТЕЙ. КОГДА Я УЗНАЛА, ЧТО С НИМИ СЛУЧИЛОСЬ... – Мама сделала паузу, и Доктор увидел, как её руки так по-человечески сжались от отчаяния.

>Я БОЛЬШЕ НЕ ХОТЕЛА БЫТЬ ЧАСТЬЮ ЭТОГО. Я... Я ПОВРЕДИЛА СЕБЯ, ПЫТАЯСЬ СДЕЛАТЬ СЕБЯ БЕСПОЛЕЗНОЙ ДЛЯ НИХ.

– И это повреждение, – предположил Доктор, – сделало тебя немой, так?

>Я ПЫТАЛАСЬ ПРЕКРАТИТЬ СВОЁ СУЩЕСТВОВАНИЕ, НО НЕ СМОГЛА. Даже в зависших красных буквах проступала грусть Мама.

– Инстинкт самосохранения очень силён, да? Даже в тех, кто хочет умереть. Что было дальше?

>МЕНЯ ВЫБРОСИЛИ.

– Выбросили на свалку?

>ИМЕННО ТАК. МНЕ НАЗНАЧИЛИ РАЗБОРКУ. БУНИ И ЕГО ДРУЗЬЯ СПАСЛИ МЕНЯ. ОН ПРЕДЛОЖИЛ ПОЧИНИТЬ МЕНЯ, ЧТОБЫ Я МОГЛА ГОВОРИТЬ, НО Я ОТКАЗАЛАСЬ. ЭТО ПОСТОЯННОЕ НАПОМИНАНИЕ О ТОМ, ЧАСТЬЮ ЧЕГО Я БЫЛА. Я НЕ ДОЛЖНА ЗАБЫВАТЬ ОБ ЭТОМ.

Доктор потянулся, взял большую ладонь Мама и легонько сжал её.

– Это очень достойно, – мягко сказал он. – Если бы твои дети могли с тобой познакомиться, они бы очень гордились тобой.

>Я НЕ МОГУ ЗНАТЬ ЭТО НАВЕРНЯКА.

– Нет, – ответил Доктор. – Но я могу.

Мама снова наклонила голову:

>А КАКОЙ СТАТУС У МЕХАНИЗМОВ В ТВОЕЙ ГАЛАКТИКЕ?

– Да, в общем-то, примерно такой же, как и здесь. Организмы там распространены шире, механических цивилизаций намного меньше. И многие из этих цивилизаций не очень ладят с организмами. Чем больше всё меняется, тем меньше изменения заметны, да?

Внезапно Мама освободилась от его руки.

– Что случилось?

>МЕНЯ ВЫЗЫВАЕТ БУНИ.

– О... а мы так хорошо разговорились. Может быть, когда-нибудь ещё поговорим?

>ВОЗМОЖНО.

– И, если будет такая возможность, не могла бы ты устроить мне апгрейд каюты? Было бы неплохо иметь окно.

Донна дёрнулась, когда дверь её каюты отъехала в сторону. Она целый час пыталась занять себя тем, что слонялась по кораблю; ну, по крайней мере, по тем его отсекам, куда её пускали. Множество дверей не открывались, а старшие члены экипажа удалились заниматься какими-то своими делами, возможно, проверять добытый сегмент, не повреждён ли он на Каррисе до полной непригодности.

Впервые с тех пор, как Гараман её похитил, она почувствовала себя одинокой. До сих пор события были достаточно насыщенными, чтобы отвлечь её; но путешествие на Каррис и открытие того, что Доктор и в самом деле следует за ней, просто показало, насколько она мало понимает то, что вокруг неё происходит.

В какой-то момент после их возвращения с Каррис ей хотелось рассказать им о Докторе, втемашить им, что он следует за ней. Но, подумав немного об этом, она решила, что лучше будет держать это при себе. Доктор мог объявиться на Каррисе, а не прятаться, но он этого не сделал. А значит, – сделала вывод Донна, – у него есть основания прятаться. Она не хотела уподобиться слону в посудной лавке и испортить ему его планы.

Донна знала, что корабль уже покинул систему Каррис и, несомненно, держит путь к очередному фрагменту головоломки. Никто не потруился сообщить ей о том, сколько фрагментов было всего. Казалось вполне возможным, что она проведёт ближайшие

десять лет в полётах по галактике Андромеда, собирая эти фрагменты, а Доктор всё время будет на шаг позади.

Ей даже не удалось с кем-нибудь тут подружиться: у роботов не было заметно даже следов какой-либо индивидуальности (несомненно, из-за неприязни Гарамана к любому роботу, производящему хоть малейшее впечатление наличия интеллекта), а люди лишь высокомерно поглядывали на неё и отказывались обсуждать с ней что-либо, помимо самых насущных вещей.

Чудно, но если кого-то тут и можно было назвать другом, так это Мезанта. Конечно, не таким другом, с которым можно сходить выпить после работы. Скорее, таким другом, который здоровается с тобой при встрече возле копировального аппарата и прощается в конце рабочего дня. И именно Мезант сейчас стоял в дверях. Несколько секунд он стоял, в нерешительности, а затем Донна вздохнула и показала, чтобы он заходил.

— Мы скоро прибудем в новое место назначения, — сказал он, когда дверь за ним закрылась. — Я решил сообщить вам.

— Зачем? — спросила Донна, и это прозвучало резче, чем она хотела. — Какая разница, сообщаете вы мне или нет? Признайте, Мезант — я тут пленница. Комната, конечно, хорошая, большое спасибо, хотя отсутствие мини-бара можно счесть минусом. Но всё равно я пленница.

Она села на кровать.

— Сколько ещё это будет продолжаться? Неделю? Месяц?

Мезант вздохнул и отвёл взгляд, все три его руки нервно извивались.

— Гараман разочарован тем отношением, которое вы продемонстрировали на Каррисе.

— Я? Отношение? — у Донны расширились глаза. — Отношение?! Какое ещё отношение?

– Мы думали, что вы... – Мезант подбирал слова. – Что вы похожи на нас, – аккуратно завершил он. – Мы взяли вас на Каррис, чтобы проверить.

– И каким же образом, – скрипя зубами и вставая на ноги сказала Донна, – я могу быть похожа на вас? И зачем вам меня проверять?

Мезант смутился, его руки снова извивались. Донне начало казаться, что она немного понимает язык тела этого существа, и существу было явно не по себе.

– Чтобы проверить, насколько вы на нас похожи, разделяете ли вы наше отношение, наши воззрения, – он сделал паузу и отвернулся. – Вы знаете из собственного опыта, на что способны приборы. Вы говорили о «роботах Санта Клаусах» на вашей планете. Вы знаете, как мало они ценят органическую жизнь. Но на Каррисе... – он снова умолк.

– Вы о роботе? О том, которого разбила тварь? О том, которому вы не захотели помочь? О том роботе?

– Если вам кажется, что он страдал, то это не так. Они не могут страдать. Они – просто детали, схемы, провода. У того робота даже позитронной матрицы не было.

Мезант замолчал, а затем повернулся и с размаху врезал ногой по двери. Донна вздрогнула:

– Что с вами? – спросила она, поражённая таким поступком в исполнении Мезанта, который сам признался в том, что он трусливое травоядное.

– Интересно, – сказал человек-ящерица, направляясь, слегка прихрамывая, к Донне.

– Что?

– Вас беспокоило повреждение механизма, но дверь вас не заботила.

– Что?

– Это потому, что тот механизм имел гуманоидную форму, был похож на человека?

– Нет, конечно же, нет.

– Тогда почему? – Мезант был искренне озадачен. – У того прибора самосознания было не намного больше, чем у этой двери; он чувствовал боль или страдание не больше, чем эта дверь. И тем не менее, он вызвал в вас эмоциональный отклик, которого не вызвала дверь.

– Поверить не могу, что мы вообще обсуждаем это, – ошарашенно смотрела на него Донна. – Тот робот не имел ничего общего с дверью, и вы это знаете.

– По всем важным пунктам он имел общее. Имел.

Мезант снова покачал головой и Донна поняла, что ему и вправду тяжело понять разницу.

– Это, – сказала она как можно твёрже. – Была. Дверь.

– А то, – возразил Мезант таким же тоном. – Был. Робот.

– Боже, – вздохнула Донна. – Это будет непросто..

77141 поёрзал в кресле, с тревогой отметив, что судя по скрипу одного из шарниров, оно скоро неизбежно развалится. Опять. Он же заменил его всего месяц назад, взяв из фюзеляжа биндирского пассажирского челнока. Но, хотя у биндиры и имели задницы такой же формы, как и у него, о долговечности своей продукции они не заботились. Лентяи эти биндиры. Лентяи.

77141 потянулся через огромную панель управления и щёлкнул тумблером. Издав глубокий, грохочущий вздох, он заговорил в микрофон, который неотлучно следовал за ним, зависнув в воздухе напротив рта.

– Неопознанное судно, – проревел он властным и грозным голосом. – Вы входите в зеленовато-жёлтую провинцию Хлама. Пожалуйста, немедленно предъявите свои документы, иначе о вас будет доложено транспортному управлению Хлама, которое, уверяю вас, отнесётся к вам весьма предвзято.

Шипастым пальцем он почесал одну из своих лобных долей в ожидании привычных извинений и оправданий. Однако, вместо этого, в окне своей наблюдательной башни, из которого в хороший день было видно всю зеленовато-жёлтую провинцию, он заметил короткую вспышку света в секторе К.

– Чёртовы телепорты, – проворчал 77141, наклонился, и нажал ещё одну кнопку.

Он кашлянул прямо на микрофон, отчего тот задрожал напротив его рта.

– Ваше прибытие телепортом было замечено, – проревел он и сделал паузу, вслушиваясь в эхо собственного голоса, разносившееся по тёмной зеленовато-жёлтой провинции из динамиков, обрамлявших его наблюдательную башню. – Не

покидайте зону прибытия. Любое ваше перемещение будет расценено как вторжение, и данными мне полномочиями я, 77141, управляющий зеленовато-жёлтой провинцией... – 77141 неожиданно замолк, потому что заметил, что его слова больше не громыхали в динамиках башни.

Вообще-то, вместо его слов звучал какой-то подозрительный скрежет. Скрежет, похожий на стон, казалось, издавала сама башня. Башня затряслась, он ухватился обеими руками за подлокотники, и один из них отломался.

– Чёртовы биндиры, – проворчал он, швыряя подлокотник в сторону... и тут позади него что-то вломилось в окно.

Не успел он поднять тревогу, позвать на помощь, да и вообще хотя бы открыть рот, как огромная металлическая рука влетела сквозь распахнутое окно и схватила его за шею. И перед 77141 появилось неподвижное стальное лицо, на котором горели красные, как угли, глаза.

– Здравствуйте, – сказал чей-то голосок со стороны находящейся за его спиной двери. – Я Доктор, это Мама, а там внизу – мой друг Буни. Вы не возражаете, если мы немного побродим по вашей свалке?

77141 не привык драться. Сказать по правде, ему даже двигаться было непривычно. Большую часть своей 30-часовой смены он проводил в кресле (если оно не было сломано) и присматривал за полётами мусоровозов, которые навещали Хлам в любое время дня и ночи и сбрасывали на него ненужные, устаревшие или сломанные образцы своих технологий. Вся переработка, сортировка, транспортировка, и (в случае, если это было совсем старьё, которое никому не могло понадобиться) расплющивание и катапультирование на солнце выполнялись

роботами, многие из которых дни и ночи как крысы сновали туда-сюда среди бесконечных куч хлама.

Поэтому, когда очень большой робот и гораздо меньший человек вломились в его наблюдательную башню, он не знал что делать. Вернее, он знал что делать – кивать и соглашаться.

– Чувствуйте себя как дома, – сказал 77141, оглядывая красноглазого робота, пригнувшегося в углу центра управления, чтобы не проломить головой дыру в потолке. – Я тут всего лишь служащий.

– Вы очень любезны, – сказал назвавшийся «Доктором», вынул что-то наподобие металлической авторучки, включил на её конце голубой огонёк, и помахал ею вокруг.

– Ага, – наконец, сказал он, глядя через разбитое окно на сектор J. – Нашёл!

– Извините, что спрашиваю, – сказал 77141, стараясь, чтобы в его голосе не было ни нерешительности, ни угрозы, – но что именно вы ищете?

У него было плохое предчувствие.

– Вот в чём вопрос – что именно мы ищем? Я расскажу вам, когда мы его найдём. Но, прежде чем отправляться на поиски, было бы весьма полезно узнать, нет ли каких-нибудь автоматических защит, орбитальных вооружённых комплексов, дистанционно управляемых боевых роботов, – он неопределённо взмахнул рукой, – и тому подобного, что могло бы дышать нам в спину? Дело в том, что вскоре могут появиться другие люди, которые ищут то же, что и мы. А так как мы очень хотим найти это раньше их (и поверьте, хорошие – это мы), то было бы неплохо, если бы мы заблаговременно знали о том, что что-то может нам помешать.

Доктор вопросительно посмотрел на смотрятеля.

– Ну-у, – осторожно сказал 77141, не отводя один из своих глаз от робота, которого Доктор назвал «Мама», – мм... нет.

– Хорошо! – обрадовался Доктор. – В таком случае... простите, а как вас зовут?

– 77141.

– 77141? Странное имя. Вы же не механизм вроде бы?

– Нет, но если бы вы слышали моё настоящее имя, то согласились бы, что число гораздо практичнее.

– Тогда понятно. В общем, 77141, мы пошли. Вернее, я пошёл. А Мама посидит тут с вами немного.

С этими словами Доктор вышел через дверь и умчался на лифте башни вниз, на землю. 77141 снова посмотрел на глазевшую на него Маму. Её голова была слегка наклонена, как у собаки, решавшей напасть или нет.

– Чудесная погода, – сказал 77141. – Для этого времени года.

– Я не представляю, сколько у нас есть времени до их появления, – выдохнул Доктор, затормозив рядом с Бунни, ожидавшим в тени одной из куч мусора. – Так что, лучше поторопиться. Надеюсь, вы начинаете понимать, какое преимущество дало вам то, что я поковырялся в ваших сенсорах. На Каррис мы вовремя не успели, надо воспользоваться этим случаем.

Бунни, судя по его ответному взгляду, всё ещё сомневался. Доктор вынул своё звуковое устройство и начал водить им по сторонам.

– Туда, – сказал он, указывая вдоль прохода.

Они шли вдоль рядов выброшенной техники. Ночную тишину нарушали только отдалённый грохот новых порций хлама и, временами, звук ракетного двигателя. Буні спросил о Маме.

– Она приглядывает за управляющим. Если окажется, что нам нужна физическая сила, чтобы добыть сегмент, мы сможем её позвать. Поразительный механизм, эта Мама. Мы с ней немного поболтали.

Буні недоверчиво фыркнул.

– Она рассказала мне о своей жизни в военной промышленности, о том, как сделала себя немой, как вы спасли её от демонтажа. Ей столько довелось пережить. Но вы ведь и сами знаете.

Он посмотрел на Буні.

– Это она вам об этом рассказала? – недоверчиво спросил Буні, шагая по широкой дороге среди выброшенной техники.

– А что тут странного? Я внимательный слушатель. Вы тоже могли бы попробовать. То, что она не может говорить, ещё не значит, что она не может разговаривать, – он запнулся. – Или наоборот?

Они подошли к перекрёстку проходов. Над ними на лёгком ветерке раскачивались осветительные сферы, отбрасывавшие пляшущие тени.

– Я прислушиваюсь, когда есть к чему прислушиваться, – угрюмо сказал Буні.

– Вы прислушиваетесь тогда, когда говорят то, что вы хотите услышать. Это не одно и то же. Знаете, это очень здорово, когда в жизни есть цель, что-то, что вас стимулирует, ради чего вы утром покидаете постель. Но иногда цель превращается в навязчивую идею. А это уже плохо. Поверьте, со мной такое бывало.

– Вы думаете, что это навязчивая идея? Следить за Культом и выяснять, что они задумали? Мания?

В холодном свете висящих над ними ламп глаза Доктора невозможно было рассмотреть.

– Я не говорю, что вы делаете неправое дело; но очень легко увлечься лесом настолько, что перестаёшь замечать отдельные деревья, – запрокинув голову, он посмотрел на ночное небо. – Донна, мой друг. Вон там, – он указал на звёзды. – Она немного похожа на вас, только наоборот. Не всегда видит всю картину, но детали никогда не упускает.

Он усмехнулся, подумав о Донне и о её приземлённости, если не считать её выступления в качестве богини.

Буни вздохнул:

– И к чему это всё?..

Доктор опустил взгляд на Буни, и его глаза снова стали неразличимы.

– К тому, что если вы собрались остановить Култ Сияющей Темноты, то нужно начать доверять людям немного больше, не держать их на расстоянии. И к Маме это тоже относится, – добавил он. – Разве я уже не доказал, что я на вашей стороне? Без меня вы бы не смогли вычислить траекторию их корабля, обнаружить этот сегмент, и явиться сюда раньше них. Если бы не я, они бы прибыли сюда раньше вас, умыкнули бы его, и смотались ещё до вашего прибытия. Отдайте мне должное, Буни, – он усмехнулся, – а то я начну думать, что вы меня сильно невзлюбили.

– Упаси боже, – вздохнул Буни. – А теперь хватит разговоров, давайте найдём сегмент, пока они его не телепортировали.

– Мы должны быть уже рядом, – задумчиво сказал Доктор, сверяясь со своим звуковым устройством. – Вообще-то... – он

набрал в грудь воздуха и протянул руки. – Та-да! – и, усмехнувшись, добавил. – Всегда хотел это сказать.

Буни недоверчиво посмотрел на кучу хлама, на которую указал Доктор. Высотой не менее пятидесяти метров, она возвышалась над ними словно металлическая гора.

– Пора звать подкрепление, – сказал Доктор. – И если гора не идёт к Маме, то Мама придёт к горе.

Мама добралась до них меньше, чем за минуту. Она тихо мчалась вперёд, сверкая красными глазами.

– Он где-то там, – сказал Доктор, указывая на огромную пирамиду отработавшей своё техники. – Только будь осторожна. Эти штуки наверняка спроектировали так, чтобы они не быть нежными, но кто его знает, сколько на него за несколько лет всего насыпали. Должен признать: это отличное место для скрытия какого-нибудь оборудования. Если его, конечно, не стащит какой-нибудь бродяга-коллекционер, который ищет чем бы таким блестящим украсить свою полку.

– А этот Культ... – сказал он, повернувшись к Буни, когда Мама начала раскапывать кучу, – у них, должно быть, были неплохие связи.

– У них были последователи по всей галактике, – сказал Буни, увернувшись от холодильника, упавшего к их ногам с вершины кучи. – А что?

– Ну, один сегмент в галерее искусств, один в лесу на... как там... Чао? Один под землёй на пустынной планете, один тут. Это, должно быть, недёшево – летать туда-сюда по галактике, припрятывая барахлишко. А ещё, наверное, нужно платить кому-то, чтобы приглядывали за ним. Или убеждать кого-то в своей божественности.

Внезапно посетившая его мысль заставила его обернуться на наблюдательную башню, в которой – как он надеялся – всё ещё сидел 77141.

– Вообще-то, если подумать, то следовало бы... – он замолчал на полуслове, начав что-то делать со своей звуковой отвёрткой.

Через несколько секунд отвёртка загудела.

– Вот так! – сказал он. – Помеховое поле.

– Помеховое поле?

– Помешает Культ телепортировать их сокровище отсюда. А если я не ошибаюсь в 77141, о нашем присутствии здесь Культ узнает очень скоро. Они всё равно смогут телепортироваться куда-нибудь неподалёку и прийти сюда своим ходом, но это даст нам немного времени.

С кучи, едва не задев их, посыпалась очередная порция мусора. Мама посмотрела вниз, словно извиняясь, и продолжила свои раскопки.

– А на что конкретно вам нужно время?

– О, не переживайте, я не собираюсь помешать им заполучить его. Просто хочу осмотреть его, попытаться понять его предназначение. Как только я закончу, они смогут его забрать.

Помолчав, он спросил:

– Вы уверены, что знаете, что делаете, Буни? Как только Культ заполучит все части, они что-то с этим сделают: что-то построят, что-то найдут. Уничтожат что-нибудь. Вы уверены, что вы хотите этим рискнуть?

– Вы предлагаете выкрасть эту часть?

– Это бы их остановило. А разве не в этом ваша цель?

– Это бы остановило их временно. Но, готов поспорить, им хватит средств на изготовление копии, даже если мы выкрадем это.

На мгновение он задумался, а затем покачал головой:

– Нет. Они знают, что мы их преследуем. Если они залягут на дно, мы их никогда больше не найдём. Всё должно быть именно так. Они должны продолжать верить в то, что они немного умнее нас.

Доктор пожал плечами:

– Для протокола: я считаю, что вы сумасшедший. И если бы вы не были на этом так помешаны, не были так решительно настроены проследить до самого конца, то вы бы поняли это сами. Но это ваша игра. Играйте, как считаете нужным.

Он посмотрел туда, где из кучи торчали стальные поршни гидравлических ног Мамы.

– Ну как успехи? – крикнул он.

– Не нравится мне это, – сказал Гараман.

– Может быть, это помеха от какого-то выброшенного на планету прибора? – предположил Мезант. – Именно из-за наличия выброшенной техники Хлам был выбран для...

– Гараман! – позвал Огмуни из рубки связи. – Сообщение от управляющего планеты.

– Соединяй.

Несколько секунд спустя из динамиков донёсся дрожащий голос 77141.

– Сколько бы вы мне не платили, – ворчал он, – это не может компенсировать то, через что я только что прошёл. Вы меня слушаете?

– Очень внимательно, – нарочито усталым голосом сказал Гараман. – Что случилось?

– Ко мне пришли.

– Кто пришёл?

– Робот размером с дом и человек. Они пришли за вашим драгоценным устройством, я уверен. Сейчас они в секторе J. Они что-то сделали с камерами наблюдения, и я не могу посмотреть, чем они...

– Что они сказали? Ты говорил с ними? – перебил его Гараман.

– Конечно, я говорил с ними. И вы должны мне за новое окно. И, – добавил 77141, – за новое кресло.

– За что?.. – Гараман покачал головой. – Мы сейчас прибудем. Какие-то помехи не дают нам забрать устройство дистанционно.

– Это его электронная ручка какая-то, – проворчал 77141.

– Чья электронная ручка?

– Он назвал себя «Доктор».

У Гарамана расширились глаза.

– Пять минут, – сказал он. – И позови какое-нибудь подкрепление. Большое подкрепление. Возможно, будет стычка.

Не будь они оба довольно ловкими, и Бун, и Доктор уже были бы расплющены по несколько раз беспечно разбрасываемыми Мамой предметами из кучи мусора. Пока Бун скрипя зубами старался просто держаться подальше, Доктор с удовольствием изучал все предметы, которые Мама им швыряла, будь то (по словам Доктора) «трансфлюкссионный выпрямитель», ионный двигатель, или ситечко для кофе.

Бун ещё не определился, можно ли доверять Доктору, но всё, что он на данный момент о нём узнал, не давало причин не доверять. Но для Буна этого было мало. Он два года отслеживал деятельность Культа, пытаясь найти средства и единомышленников

с целью не сводить с Культа глаз. Он посещал планеты, правительства, и альянсы по всей галактике Андромеда, пытаясь убедить их в том, что смерть Хну эм Ллодис и исчезновение её последователей не означают, что Культ больше ничего не планирует.

Бунни говорил с несколькими бывшими членами Культа и отдавал себе отчёт в том, насколько далеко идущими и долгосрочными могут быть их планы. Снова и снова он натывался на слухе о плане, вернее, «Плане», как мысленно называл его Бунни. Это было что-то невероятное, что-то настолько грандиозное, что никто (быть может, за исключением самой Хну) не был посвящён во все детали. Но всегда находились те, кто за соответствующее вознаграждение были готовы делиться сведениями. И, пользуясь теми скудными средствами, которые ему удалось собрать, ему удалось добиться того, что-то один или два человека выболтали часть того, что сами знали, а может быть даже всё. Этого хватило на то, чтобы убедить его в том, что если официальные органы галактики ничего с Культом не собираются делать, то этим должен заняться он.

Ему постоянно встречались два имени: Гараман Хавати – один из главных учёных Хну на момент её смерти – и Мезант, лотапарянин, также один из учёных в команде Хну. Они пропали одновременно, при одинаково загадочных обстоятельствах. Не было никаких свидетельств об их смерти или поимке властями. Но галактика была достаточно велика, чтобы в ней было где спрятаться... или умереть. И лишь когда до Бунни и его маленькой шайки охотников на Культ дошёл слух о том, что лотапарянина, соответствующего описанию Мезанта, заметили проявляющим интерес к собранию неопубликованных работ Хну, можно было браться за реальное дело.

Последовали долгие месяцы слезки, в течение которых Буні собирал всё больше и больше свидетельств того, что это действительно был Мезант, и что он работает с остальными над тем, чтобы возобновить проект Хну. Всё было настолько неопределённо, что много раз Буні был близок к тому, чтобы опустить руки. Ему давало силы лишь убеждение в собственной правоте: Культ по-прежнему действует и по-прежнему что-то замышляет – что-то связанное с несогласием Хну признать машины равными организмам.

И наконец – наконец! – когда один из шпионов Буні сообщил, что Мезант и компания собрали команду и купили космический корабль, он решил, что пора действовать. Буні, Мама, и остальные следовали на отдалении за кораблём Кulta, который вышел на орбиту вокруг планеты Чао.

Прежде чем корабль Кulta умчался прочь, они засекли использование телепорта, поднявшего что-то из глубин джунглей этой планеты. Что-то – Буні до сих пор не мог понять, что именно – подсказало ему, что это *оно*. Началось. И с того момента, вот уже месяц они сидели на хвосте у Кulta.

Буні наблюдал за Доктором, ковыряющимся в набросанной Мамой куче техники, и думал о том, не было ли ошибкой взять его на борт...

– Что это? – внезапно спросил Доктор, запрокинув голову словно приносиваясь.

Поначалу Буні не мог понять о чём он говорит, но, прислушавшись, он различил слабые звуки, словно далёкие раскаты грома. Каждый удар был похож на далёкое падение самолёта на планету. И каждый раз звук сопровождался сотрясением земли у них под ногами. Инстинктивно Буні

посмотрел в сторону Мама, но она всё ещё была где-то в грудe мусора, выталкивая хлам наружу, словно выкапывая себе гнездо.

– Взрывы?

– Хм... – задумался Доктор. – Возможно... – он замолчал, всматриваясь в темноту позади Буни. – А впрочем...

Глаза у Доктора расширились и Буни обернулся. Он не сразу смог понять, что именно он видит. Поначалу ему показалось, что две кучи мусора каким-то образом обрушились и покатались по земле в их сторону. Но через несколько секунд он понял, что перед ним.

– Мама, – сказал Доктор через плечо. – А ты не могла бы поторопиться? Кажется, у нас гости.

И если Мама Доктор считал крупной девочкой, то две машины, направляющиеся к ним, были просто великанами! Плечом к плечу они с трудом помещались в широком проходе между кучами хлама. Они приближались в свете летающих шаров, их шаги гремели и сотрясали землю, словно миниатюрные землетрясения.

Тот, что шёл слева, казалось, был сделан из набора разных металлических сфер – стальных, свинцовых, бронзовых, золотых – связанных вместе в подобии гуманоидной формы. Он был высотой в полтора дома, но двигался на удивление грациозно. По мере приближения его голова – медного цвета сфера с двумя тёмными дырами на месте глаз – медленно наклонялась вниз.

Тот, что был справа, был совершенно другим: пропорции его тела были стройнее; вполне возможно, он был собран из случайного набора выброшенных устройств. Худой, почти тощий, а на ногах – огромные плоские ступни ног. Но самыми выдающимися деталями его внешности были руки: огромные, длиной как половина его тела, а на них ещё большего размера четырёхпалые ладони.

У Доктора не было сомнений на счёт причин прибытия этих двух машин.

– Говорят, размер – не главное, – вздохнул Доктор, запрокинув голову, когда обе машины остановились в двадцати метрах от них.

– Вы, двое, тоже должны были слышать об этом.

– Стоять! – низким голосом сказала машина из металлических шаров.

– Да, – через секунду сказала другая. – Стоять!

Доктор поднял руки:

– Я не спорю... Ну, обычно не спорю, тем более с такими большими ребятами, как вы... Но позвольте спросить... Почему?

– Что почему? – спросил первый.

– Почему «стоять»? Мы же вроде бы ничего плохого не делаем? Просто ковыряемся в мусоре, ищем никому не нужный старый хлам. Вы когда-нибудь о уомблах слышали? Считайте, что мы уомблы⁶.

– Простите, – сказал первый, – но у нас приказ.

– Да, – согласился второй. – Приказ ест приказ.

– Есть приказ, – поправил первый. – Приказ есть приказ.

Худой повернул свою похожую на разбитый автомобиль голову:

– Вот обязательно нужно было это сделать, да?

– Что? – прогремел первый.

– Поправить меня. Я же тебя не поправляю.

– Потому что я правильно говорю. Я просто помогаю.

– Тогда почему ты это делаешь только в присутствии других?

Первый посмотрел на Доктора и Буни.

– Тоже мне «другие», – пробормотал робот.

⁶ Персонажи британских детских рассказов и мультфильмов. Длинноносые зверьки, живут в норах, собирают и перерабатывают мусор.

– Дело в принципе. Я знаю, почему ты так делаешь.

– О, – насмешливо сказал первый. – Знаешь? И почему же?

– Ты чувствуешь себя неполноценным. Ты только тогда доволен собой, когда унижаешь других.

– Что за ерунда! – фыркнул первый. – С чего бы это мне чувствовать себя неполноценным?

Худой робот взмахнул своими огромными руками, с грохотом задев вершины куч мусора.

– С чего бы мне начать? – спросил он таким тоном, словно это было продолжение очень давнего спора.

Оглядываясь на падающий вокруг них на землю мусор, Доктор кашлянул, пытаясь привлечь их внимание.

– Подождите, – сказал первый, подняв свою мощную ладонь.

– Хорошо, – сказал Доктор, сложив руки. – Продолжайте спорить. А мы постоим, подождём, да?

– Давай обсудим это позже, – сказал своему другу круглый. – Нам велено разобраться с этими двумя, давай сперва закончим? Оставим эту семейную ссору до...

– Это не семейная ссора, – процедил худой сквозь зубы (или сквозь что-то на его огромной металлической голове, что выглядело как зубы). – Ты же всегда так делаешь!

Доктор вздохнул и засунул руки в карманы.

– А как по мне, так семейная ссора, – сказал он.

Обернувшись через плечо, он посмотрел туда, где из норы в куче хлама торчали ступни Мамы. Она двинула ногами, чтобы залезть ещё глубже, и вниз посыпались новые обломки.

– Но мне кажется, что, наверное, важно высказать всё открыто, так что не стесняйтесь – продолжайте. Мы тем временем никуда не денемся.

– Во-первых, – сказал худой, – никакая это не ссора, ясно? А во-вторых... А кто вы вообще такие?

– Я Доктор, это Буня, а вон то... там наверху, вам только её пятки видно, это Мама.

– Механизм?

– Да, – ответил Доктор. – А что?

Худой робот повернулся к своему другу:

– 77141 не говорил, что с ними механизм.

– А, – сказал Доктор, сообразив. – Вас 77141 прислал? И почему же меня это не удивляет? Как вас зовут?

– Не ваше... – начал было первый, но худой его оборвал.

– Да хватит уже, Швырок.

– Вас, значит, зовут Швырок, – встрял Доктор. – А вас?

– Я Плющик, – ответил худой.

– Приятно познакомиться, – широко улыбнулся Доктор. – Итак, вы говорили, что вас прислал 77141, верно?

– Он сказал «проблемы в секторе J», – прогудел Швырок. – Воры.

– Избавиться от них немедленно, – добавил Плющик. – Так он сказал.

– О, – грустно сказал Доктор. – Значит, вы хотите нас убить, да?

Плющик пожал плечами, при этом все металлические части его тела заскрипели и заскрежетали:

– Приказ есть приказ.

– Приказ... – начал было Швырок, но остановился под резким взглядом Плющика.

– Ясно, – сказал Доктор, не желая выслушивать очередной раунд ссоры. – Приказ есть или есть приказ. А в чём именно состоит приказ?

Швырок извиняющимся тоном ответил:

– Боюсь, в том, чтобы убить вас. Уж простите.

Доктор изогнул брови:

– Ну, не могу сказать, что мне это нравится, но что поделаешь. Приказ есть... Пойдите! А 77141 сказал вам, почему нас надо убить?

– Этот ленивый бездельник всегда нам ничего не объясняет, – проворчал Плющик, и Доктор скривился в предвкушении очередной ссоры из-за «всегда-никогда». – Но он же начальник...

– И мы делаем то, что он велит, – закончил вместо него Швырок.

– И правильно делаете, – сказал Доктор. – Позвольте кое-что спросить. Почему у вас такие имена?

– Ну, я Плющик, – сказал худой, – потому что я всё плющу.

Он поднял руки и сжал и разжал свои огромные пальцы, скрипя металлом по металлу и шипя гидравлическими приводами.

– А я Швырок, – добавил тот, что потолще, – потому что швыряю всё на солнце. Ну, не совсем всё, – добавил он, чтобы его не сочли вандалом. – Только никому ненужный мусор.

– На солнце, да? – восхитился Доктор. – Это же надо так уметь!

– Да уж, – согласился Швырок, разминая пальцы. – Все думают, что это просто... Думают, что достаточно грубой силы, преодолел гравитацию – и готово. Но это не так. Нужно всё просчитывать, а иначе оно просто выйдет на орбиту или засорит солнечную систему. Нужно всё правильно сделать.

– Плющить тоже не просто, – добавил Плющик, чувствуя себя забытым.

– Легче, чем швырять, – сказал Швырок.

– Ну, может быть, – неохотно согласился Плющик.

– Дамы, дамы! – перебил их Доктор. – Или господа, господа! Я уверен, что вы оба очень особенные и уникальные, и мы с Буннi весьма впечатлены этим. Значит, 77141 приказал вам прийти сюда и сплющить и вышвырнуть... нас, да?

– Боюсь, что так, – сказал Швырок, в его голосе была нотка сожаления.

Оба робота сделали гигантские шаги вперёд и земля задрожала. Плющик поднял перед собой руки и подвигал пальцами.

– Кто первый? – спросил он.

– Наверное, я, – сказал Доктор. – Но, пока вы не начали плющить и швырять, давайте, я расскажу вам о том, чем мы тут занимаемся, или это всё равно ничего изменит?

– Не изменит, – ответил Швырок.

– Но можете попробовать, – добавил Плющик, стараясь быть благоразумным.

Доктор посмотрел на Буннi, который в течение всего разговора нервно жался в тень.

– Вы когда-нибудь слышали о Культе Сияющей Темноты?

– Об этих психах? – засмеялся Швырок.

– Об анти-машинных психах? – добавил Плющик. – Пару лет назад в механете было полно рассказов о них. Они же вроде бы распались?

– Возглавлявшая их женщина умерла, так ведь? – спросил Швырок.

– Они самые, – согласился Доктор, надеясь, что Швырок не придерётся к словам.

– И какое они имеют к вам отношение? – спросил Швырок. Его голос стал ниже, похожим на рычание, и он наклонился вперёд. – Вы что, одни из них?

– О, нет! – воскликнул Доктор. – Нет, что вы... Наоборот, мы против них. Мы – хорошие, если можно так сказать. Можете у Мамы спросить... если она спустится.

Швырок медленно поднялся, но всё ещё сомневался.

– А вот ваш 77141, – медленно продолжил Доктор, – он – совсем другое дело.

Швырок и Плющик переглянулись.

– Да вы шутите! – сказал Швырок. – 77141?

Доктор нагнулся, провёл пальцем по какому-тохламу в основании ближайшей кучи, и показал измазанный палец роботам:

– Сколько времени в секторе J не убирали?

– Должно быть, пару лет, – сказал Швырок, и Плющик кивнул.

– А это здесь, на Хламе, нормально? – спросил Доктор.

Швырок и Плющик снова переглянулись.

– Ну, – сказал Плющик, – вообще-то это немного странно.

– Обычно у нас ротация в течение одного года, – добавил Швырок. – Вы же знаете, как быстро устаревают технологии. Если в течение года что-то не потребовали назад и не переработали, над ним работаем я и Плющик – плющим его компактно и отправляем в кремационное путешествие.

Доктор многозначительно кивнул:

– То есть, то, что этот хлам так давно не трогали, немного подозрительно, так?

Два робота снова переглянулись.

– Знаете, – медленно сказал Плющик. – Возможно (и я подчёркиваю: возможно) вы в чём-то правы. Давила из сектора Е собирался притащить сюда остатки хаджавенякийской анабиозной камеры, но 77141 заставил его тащить её аж в сектор Т. Ох, и недоволен был Давила, я вам скажу.

– Значит, – сказал Швырок, распрямляясь, – если я вас правильно понял, Доктор, вы утверждаете, что этот ленивый увалень в центральной башне как-то связан с придурками из Культа, и они ему заплатили, чтобы он никого не пускал в этот сектор?

– Ну, либо заплатили, либо он это делает от доброго сердца.

– Заплатили, – сказал Швырок. – У лагактеян нет сердца.

– Боже мой, – добавил Плющик. – И доказательств у вас, по-видимому, нет? – спросил Швырок. – Это же весьма серьёзное обвинение, в конце концов, хоть он и ленивый, жирный, бессердечный увалень.

Доктор вздохнул:

– Боюсь, доказательств нет. За исключением того, что он, очевидно, настолько обеспокоен тем, что мы тут делаем, что послал не только вас двоих, но ещё и вон тех.

Доктор поднял руку и указал вдоль прохода. В холодном свете зависших в воздухе сфер-осветителей к ним тёк поток ползающих, бегающих и прочих машин. Буні вгляделся в темноту: казалось, что земля вздымается волнами и движется к ним.

– По-вашему, это нормально? – спросил Доктор, и Буні понял, что обращается к Швырку и Плющику.

– Что это он затеял? – прошептал Плющик, хотя его шёпот был громче человеческого крика.

– Ваш начальник явно не верит, что вы выполните его задание, – сказал Доктор. – Он вызвал подкрепление.

– Подкрепление? – тихим, серьёзным голосом сказал Плющик.
– Это мы ещё посмотрим. В профсоюзе есть правила на этот счёт.

– Мы не состоим в профсоюзе, – поправил его Швырок.

– А вот и зря, наверное.

Плющик поднял голову и развернул её на 180 градусов, чтобы она смотрела в сторону башни 77141.

– Эй! – как гром, заревел его голос, и вокруг зазвучало далёкое эхо. – Начальник! Что происходит?

Несколько секунд спустя из динамиков башни раздался ответ 77141:

– Я вам, роботам, дал задание, а вы вместо того, чтобы его выполнить, стоите и разговариваете. Не можете выполнить простые указания? И не надо! Пускай тогда их выполняют другие!

Внутри Швырка раздался перемалывающий что-то скрежет, его огромные ладони сжались в кулаки.

– Я же ему говорил, – пробормотал он, жужжа приводами. – Мы не роботы. Мы механизмы. Сколько можно?..

– Успокойся, дружок, – сказал Плющик. – Он это не нарочно.

– Не говори мне, когда успокаиваться, – ворчал Швырок. – И да, он это нарочно. Он хочет сказать, что ему лень обращать внимание на то, что мне не нравится, когда меня обзывают!

Сказав это, Швырок низко нагнулся и взмахнул рукой по земле на пути у десятка торопившихся к ним сервисных роботов, отчего те полетели, стуча друг об друга, словно бильярдные шары.

– Ему это не понравится, – предупредил Плющик, качая головой.

– Плевать, понравится ему это или нет. Дай ему волю и сам не заметишь, как окажешься на свалке – выброшенным – а эти... эти электроприборы, – он сплюнул, – получают нашу работу.

Но маленькие роботы продолжали прибывать, щёлкая ножками и жужжа гусеницами. Буні отступил к Доктору, который в это время с беспокойством поглядывал на ступни ног Мамы, всё ещё торчащие из кучи.

– Надо убираться отсюда, Доктор, – прошептал Буни, надеясь, что слух у Плющика и Швырка не настолько хорош, чтобы расслышать.

Доктор расстроился, как ребёнок, которому в последний момент сказали, что выходного не будет. Ему явно нравилось происходящее.

– Если даже эти сервисные роботы до нас не доберутся, – обеспокоенно продолжал Буни, – то доберутся эти двое. Не стоит так рисковать.

– О, рисковать всегда стоит, Буни, – Доктор внезапно улыбнулся, увидев, что, воодушевившись схваткой Швырка с маленькими роботами, Плющик решил тоже поучаствовать: взмахнул своими неестественно длинными пальцами над землёй и отправил несколько десятков «электроприборов» скакать кувырком.

– В этом вся жизнь. Если не будет риска, то в чём тогда смысл?

Плющик и Швырок, похоже, забыли о них и наслаждались сражением с маленькими машинами. Волна за волной, тарахтя и щёлкая, те семенили вокруг них по земле и кучам хлама, словно механическая саранча. Но, не смотря на это, Швырок и Плющик, работая командой, почти без усилий очищали от них проход.

– Нас за это уволят, – сказал Плющик и посмотрел на Швырка.

– Знаю, – хохоча, ответил Швырок. – Но, ты знаешь, я думаю оно того стоит!

С этими словами Швырок набрал пригоршню извивающихся и вырывающихся машинок и с ужасающей точностью швырнул их в направлении наблюдательной башни 77141. У Буни на мгновение перехватило дыхание – издалека донёсся звук металлических ударов. Огни на башне задрожали и начали смещаться, медленно описывая дугу в направлении земли.

– В яблочко! – крикнул Швырок, взметнув кулак вверх.

С оглушительным грохотом башня ударилась об землю, и, ко всеобщему удивлению, раздались одобрительные крики. Не от одного механизма, а от десятков, со всех сторон.

– Похоже, вы стали героями, – прокомментировал Доктор.

– 77141 всегда был толстым бесполезным куском жира! – засмеялся Плющик, сжимая пригоршню сервисных машин так, что из них шестерни посыпались.

Неподвижные останки он отбросил в сторону, на одну из куч.

– А теперь... – Плющик стряхнул с ладоней остатки сломанных машин и нагнулся к Доктору и Буни. – Что будем делать с маленькими хлюпиками?

– Хлюпиками? – спросил Доктор.

– Простите, – извинился Плющик. – Так мы называем вас, организмов. Не обижайтесь.

– Никаких обид, Плющик, – ответил Доктор. – А вы не можете заглянуть в записи последних коммуникаций между планетой и кораблями?

Плющик посмотрел (нерешительно, как показалось Буни) на Швырка, который всё ещё был занят метанием в воздух последней волны роботов.

– Нет, нам это нельзя делать.

– Ладно, но можете ли вы в принципе в них заглянуть? Чисто гипотетически?

– Да-а-а, – напряжённо протянул Плющик.

– И, – продолжал Доктор, скривившись и пнув ногой камешек, – вы можете проверить, не связывался ли некий находящийся сейчас на орбите корабль с 77141...

– Продолжайте.

– Не шла ли в одном из этих сообщений речь о том, чтобы 77141 не допустил, чтобы мы добрались до...

– Он прав! – внезапно вскрикнул Швырок. – Я нашёл это сообщение!

– Жирный интриган, мешок с... – Швырок запнулся, увидев Маму, которая вылезла из кучи хлама, держа в руках что-то большое и круглое.

Спускаясь, отчего вниз сыпался град обломков, она держала этот предмет одной рукой, словно он почти ничего не весил.

– Плющик, Швырок, познакомьтесь с Мамой. Если у вас есть сомнения в нашей репутации, спросите у неё – она вам расскажет, – Доктор посмотрел на часы. – Но вам придётся поторопиться: они придут с минуты на минуту.

Он жестом указал Маме положить прибор на землю.

– А что это? – спросил Плющик, топча последние сопротивляющиеся электроприборы.

– Вот это мы и хотим узнать, – весело сказал Доктор, нагнувшись над сегментом.

В тусклом свете парящей сферы даже Буни было видно, что устройство было весьма потрёпанным. Похожий на колесо кожух был покрыт вмятинами и царапинами. Что было неудивительно, учитывая, какая груда хлама была насыпана на него сверху.

– Он повреждён? – обеспокоенно спросил Буни.

– Ну, дайте мне осмотреть его, и я расскажу, – закатил глаза Доктор. – Слушайте, если вам нечем заняться, сходите проверьте, как там 77141. На меня он произвёл впечатление крепкого старикашки, он вполне мог выжить во время падения башни. А если он выжил, то уже может рассказывать Культуре обо всём случившемся. Возможно, они собираются спуститься на планету с подкреплением. Возьмите с собой Маму, она может понадобиться.

Буні не знав що йому робити: він не хотів залишати Доктора з знайденим пристроєм, але в той же час не хотів, щоб його схопив Культ.

— Ідіть, — підганяв його Доктор. — Кыш! Ідіть!

— А що ви будете робити?

— Подивлюся не пошкодився ли він... і зможу ли я зрозуміти в його призначенні.

— Ви ж не станете його порити?

Доктор нахмурился:

— Порити? Чому мені це?

— Щоб зупинити Культ.

— А, в цьому сенсі. Ні. Знаєте, вам вдалося задіяти моє цікавість, Буні. Мені майже так же, як і вам, хочеться дізнатися про його призначенні. І ви праві, якщо вони цю частину не отримують, то можуть знову залезти на дно. А, як би мені не подобалося в вашій галактиці, я не можу тут околичуватися вічно, допомагаючи вам їх відслідкувати. А тепер йдіть!

Кивком голови Буні покликав Маму, і вони пішли в бік спостережної вежі.

— Ви впевнені, що вам не потрібна наша допомога? — запитав Плющик.

— Ви були чудові, — посміхнувся машині Доктор. — Вами можуть пишатися всі механізми.

— Слышал? — гордо сказав Швырок.

— Мы рады, что могли помочь, — добавил Плющик.

— Смогли помочь, — поправил его Швырок.

— Ты опять за своё, — вздохнул Плющик и покачал головой.

— Милая пара, — посміхаючись, сказав собі Доктор, дивлячись як вони йдуть, продовжуючи сперечатися.

– А теперь ты, моя красавица, – радостно сказал он, присаживаясь рядом с сегментом. – Посмотрим, из чего ты сделана.

Вынув звуковую отвёртку, он убедился, что она по-прежнему излучает помехи, на которые он её настроил, и задействовал запасную схему. Он начал увлечённо водить голубым огоньком по поверхности сегмента...

– Доктор!

Он обернулся, пытаясь понять, откуда раздался голос.

– Буні?

– Нет, Доктор.

Он осторожно выпрямился, не выпуская из руки отвёртку. Никого не было – ни Буні, ни Мамы. Никого.

А затем он увидел его. Скрытый под сброшенными Мамой кусками техники и обломками электроприборов, оставшимися после Плющика и Швырка, он стал замечен лишь тогда, когда пошевелился. Это был робот размером с крупного ребёнка. Верхняя часть его тела представляла собой поцарапанный голубой куб, а нижняя – перевёрнутую пирамиду, из которой торчали две сегментированные ноги с плоскими круглыми ступнями. Из боков куба торчали две похожие на ноги гибкие руки. Ближе к верху, на передней части туловища был небольшой экран, мерцавший белым и голубым. Ничего похожего на голову не было.

– Кажется, мы не знакомы, – доброжелательно сказал Доктор, протягивая руку.

Но робот остался на месте, в десяти метрах от него.

– Я использую этот аппарат в качестве канала общения с вами, – сказал голос.

Голос был поразительно живым, но Доктор не мог понять, настоящий ли это голос того, кто говорит посредством робота, или же фальшивый.

– Кто вы?

– Вам это знать не нужно.

– О... Ясно. А что мне нужно знать?

– Вам нужно знать, что если вы попытаетесь что-нибудь сделать с устройством, которое лежит у ваших ног, то больше вы Донну Ноубл живой никогда не увидите.

Доктор стиснул зубы.

– Я не люблю угрозы, – мрачно заметил он. – А особенно угрозы моим друзьям.

– В таком случае, не считайте это угрозой, Доктор, – сказал голос, задор которого не соответствовал сказанному. – Считайте, что это обещание. Сделаете что-то с сегментом – и Донна умрёт.

– Какие у меня гарантии, что вы сдержите своё слово? – спросил Доктор.

– Никаких. Но если вы хоть что-нибудь сделаете с сегментом – можете в нас не сомневаться. Это не ваша война, Доктор.

Доктор вздохнул, засунул руки в карманы, и пнул ногой кусок мусора.

– Знаете, угрожать сделать что-то с Донной – лучший способ сделать эту войну моей. Об этом вы, конечно же, не подумали, да? А если бы вы вернули мне Донну, то всё могло бы быть иначе, – он печально покачал головой. – Но вам обязательно надо было изобразить из себя крутого парня, да? Если вы, конечно, крутой парень, а не крутая девушка. Их таких тоже хватает. Это заурядно и совсем не умно.

Доктор замолк, заметив в одном из боковых проходов вспышку света.

– Что там, ваш отряд телепортировался? Надеюсь, что Донна тоже с ними. Прежде, чем что-то обещать, я хочу убедиться, что с ней всё в порядке.

И в подтверждение своих слов он шагнул на сегмент и начал прыгать на нём.

– Здравствуйте! – радостно сказал он, когда из темноты вышли две фигуры: мрачный мускулистый мужчина со злым выражением лица и робот, похожий на худую блондинку.

Доктор огляделся с напускным удивлением:

– А где Донна?

Словно в ответ на его слова, снова вспыхнул свет, и в нескольких метрах от новоприбывших материализовалась задумавшаяся Донна. Вскрикнув, она несколько мгновений

оглядывалась, пытаясь понять, где она, и наконец, увидела Доктора.

– Доктор!

– Давно не виделись! – не вынимая руки из карманов, усмехнулся он, всё ещё прыгая на сегменте, словно гиперактивный ребёнок. – Нам нужно перестать так встречаться. А то люди начнут судачить. Тем более, ты ведь теперь богиня! Будут говорить, что ты для меня слишком хороша.

– Пусть только посмеют, – засмеялась Донна.

Донна сделала шаг в направлении Доктора, но мужчина рукой сделал знак, чтобы она остановилась. Донна скорчила извиняющуюся мину.

– Похоже, гулять меня сегодня не выпустят, – сказала она.

Мужчина указал, чтобы Донна оставалась на месте, а робот-блондинка подошёл к Доктору и стал рядом.

– Вы излучаете какую-то помеху, так ведь? – спросил маленький квадратный робот.

Доктор улыбнулся и вынул звуковую отвёртку, кончик которой светился голубым.

– Выключите её и отойдите от сегмента.

Не сводя взгляда с Донны, Доктор прыгнул на землю. Мужчина и робот подошли и встали рядом с побитым артефактом.

– Помехи, Доктор, – напомнил маленький робот.

– Ах, да! – Доктор несколько секунд настраивал отвёртку.

– Вот так, – сказал робот. – Спасибо. До свидания, Доктор. Надеюсь, наши пути какое-то время не будут пересекаться. Мне бы не хотелось быть тем, кто сообщит вам о смерти Донны. Никогда не знаешь, какого цвета цветы присылать, правда?

– Что? – вскрикнула Донна, не понимая, о чём говорит робот.

– Донна! – позвал Доктор и шагнул в сторону от сегмента, почувствовав, как на руке встают дыбом волосы.

– Что?

– Лови!

Он щёлкнул переключателем на звуковой отвёртке и швырнул её Донне. Тот час же он помахал ей рукой... и прыгнул обратно к сегменту, и как раз в этот момент белоснежное свечение телепорта поглотило сегмент, мускулистого мужчину, и робота-блондинку. И Доктора.

Инстинктивно Донна поймала отвёртку, и обнаружила, что Доктор и остальные исчезли.

– О, – удивился маленький голубой робот, – а это было неожиданно.

– Что случилось? – раздался чей-то голос.

К ней бежал молодой паренёк, а за ним следом грохотал огромный робот.

– Доктор... он пропал, – сказала Донна, всё ещё не понимая происходящее.

– Пропал? – спросил парень. – Куда?

– На корабль Гарамана. Они его телепортировали.

Внезапно раздался грохот – маленький робот упал, раскинув руки и ноги.

– Гарамана? – не обращая внимания на робота, спросил паренёк. – Гарамана Хавати?

– Вы его знаете? – спросила Донна.

Она не понимала что происходит. События происходили так быстро, что она за ними не успевала. Но парень не ответил. Он коснулся чего-то у себя на воротнике и скривился:

– Келлика говорит, что какое-то помеховое поле не даёт нам телепортироваться.

Донна показала звуковую отвёртку:

– Это?

– Это прибор Доктора? Значит, это он. Выключите его быстро, пока они не улетели. Нам нужно срочно телепортироваться!

Растерянная и запутавшаяся, немного недоверчивая, Донна щёлкнула переключателем на отвёртке, и огонёк погас. Паренёк снова коснулся своего воротника.

– А как же этот? – спросила Донна, указывая на робота, который разговаривал с Доктором. – Он вроде спорил о чём-то с Доктором. Наверное, это их робот.

Он лежал неподвижно, неотличимый от остального мусора, разбросанного вокруг.

– Ладно, – сказал парень. – Давайте...

Он посмотрел на возвышающегося над ним робота.

– Мама, ты не могла бы... – и он указал на маленького робота.

Не сказав ни слова, огромный робот подошёл и взял малыша рукой. Тот был похож на куклу. Робот с парнем стали по бокам от Донны, и парень снова дотронулся до воротника.

– Знаете что? – со вздохом сказала Донна, почувствовав знакомое покалывание телепорта. – Мне уже...

– А он что тут делает? – крикнул мускулистый мужик, как только у него прошла дезориентация после телепортирования. Доктор уже отошёл от сегмента и разглядывал пурпурную каюту корабля.

– Вы бы поделились с Бунни координатами своего декоратора, – сказал он. – Вот так шик!

– Взять его!

Понимая, что сопротивление бесполезно, Доктор позволил роботу-блондинке схватить его за запястья.

– Ай! – вскрикнул он. – Да вы не знаете свою силу! У вас что, проблемы с рецепторами обратной связи?

Мужчина ничего на это не сказал, однако заметил, что у Доктора выпирает карман. Не спрашивая разрешения, он засунул туда руку и вынул содержимое.

– Что это у вас?

В руке у него была блестящая красная сфера размером с мандарин.

– О... – сказал Доктор безразличным голосом. – Это. Вам это не нужно. Поверьте мне. Верните его мне, и забудем об этом.

– Даже и не думайте читать мне лекции о том, что мне нужно, а что нет.

Он осмотрел сферу, повертел её в руках, пытаясь что-нибудь понять в чёрных значках на её поверхности.

– Что это?

– Я думаю, это что-то нехорошее, – ответил Доктор, надеясь, что Огмуни не станет пытаться раскрыть её.

У него ничего бы не вышло – Доктор сам пытался это сделать, пока не понял что это.

– Ведь вряд ли это ёлочная игрушка, правда?

Огмуни повёл бровью и спрятал сферу в свой карман.

– Потом рассмотрю, – театрально вздохнул он. – Так вы, значит, Доктор, да? – спросил он, оглядывая Доктора с явной неприязнью. – Друг Донны.

– А вы кто?

– Огмуни, – ответил мужчина.

Он огляделся по сторонам, внезапно поняв, что чего-то не хватает.

– А где Донна?

– А, – застенчиво сказал Доктор. – Это моя вина. Я одолжил ей свою звуковую отвёртку. Надеюсь, она за ней присмотрит. И не будет ей зубы чистить или ещё что-нибудь в таком роде. Там есть три положения для...

Дверь с шипением раскрылась, и зашёл серьёзного вида невысокий мужчина со светлыми кудрями. Увидев Доктора, он раскрыл рот. Он подошёл поближе, осмотрел Доктора с ног до головы, словно собирался его съесть... или пристрелить.

– Это Доктор, – сказал Огмуни.

– Почему он у нас на борту?

– Я решил, что не честно, что всё самое лучшее достаётся Донне, – сказал Доктор, извиваясь в руках робота. – Вот и решил, так сказать, обменяться жёнами. Должен сказать, корабль у вас гораздо круче... Только не думайте, что я соглашусь в нём уборкой заниматься. Ненавижу уборку. А вот с глажкой неплохо справляюсь.

Коротышка прищурился:

– Так вы приятель этого бестолкового дилетанта Буни?

– О, не надо недооценивать Буни, – предупредил Доктор. – Хотя он немного и дилетант, хотя его корабль и развалюха, но он намного умнее, чем вы о нём отзываетесь. И он очень предан своему делу. А один грамм преданности стоит очень большого опыта. Кстати, а вас как зовут?

– Не ваше это дело, но я Гараман. Гараман Хавати, – он подозрительно посмотрел на Доктора. – Слышали обо мне?

Доктор на мгновение задумался. Некто по имени Хавати упоминался в тех записях, которые ему показала Лайен. Он скривился и покачал головой:

– Нет, не доводилось. А что, должен был?

Доктор видел, что Гараман был недоволен, что Буні не упоминал его имя... Впрочем, а почему Буні должен был упоминать его? По словам Лайен, они не знали, кто из Культа находится на борту корабля. За исключением...

– Кстати, как поживает Мезант?

У Гарамана расширились глаза. А затем снова сузились – он понял, что, не смотря на то, что Мезант был для Доктора достаточно важен, чтобы запомнить его имя, он, Гараман, достаточно важным для этого не был.

– Вы его знаете?

– Доводилось слышать.

Гараман сжал губы:

– Скоро вы с ним познакомитесь, – он посмотрел на Огмуни и робота. – Отведите его в командный отсек. Я хочу узнать, что известно Буні и его друзьям.

Опасаясь того, что его руки вывернут из суставов, Доктор позволил вывести себя из каюты.

Это уже просто смешно, – думала Донна. Такое впечатление, что они с Доктором работают в разные смены и видятся только во время завтрака. А что ещё хуже, корабль у Буні был паршивый.

– Сожалею, что мы потеряли Доктора, – сказал Буні. – Похоже, он воспользовался этим устройством, чтобы защитить вас от телепорта Культа, но сам оказался за пределами его влияния. По крайней мере, вы теперь в безопасности.

– Ой ли? – Донну убедить было не так просто.

Она бросила взгляд на стоявшую рядом с ней массивную серебристую машину, называемую «Мамой». Если блондинки-

супермодели на борту корабля Гарамана были немного страшными, то это просто вселяло ужас.

– А что значит «телепорт Культа»? Если вы хорошие, то почему Доктор постарался сбежать от вас?

– Посмотрите на это с другой стороны... – сказала Лайен, пожилая женщина, которая несколько выделялась на фоне этой компании. – Если бы он считал нас плохими, то не сделал бы так, что вы оказались у нас, верно?

Донне пришлось признать, что это логично.

– А кто такие «Культ»? Вы так называете Гарамана и Мезанта? Лайен посмотрела на Буни.

– А они не рассказали вам о Культе Сияющей Темноты? – спросила она у Донны.

– А должны были? – усмехнулся Буни. – Зачем им признаваться в том, что они последователи Культа?

– А почему бы и нет? – сказала Лайен. – Они ведь этого не стесняются, верно?

Донна подняла руки, чтобы остановить их.

– Послушайте, – твёрдым голосом сказала она. – Я только что прибыла с корабля, на котором всё было загадочнее, чем в «Мисс Марпл». Не хватало мне теперь в «Эркюля Пуаро» вляпаться! Объясните мне, что, чёрт возьми, происходит!

Она сверкнула глазами в сторону Буни, затем в сторону Лайен. На лёгкий вой со стороны нависшего над ней роботы она внимания не обращала. Тот же смотрел на неё со странным выражением... насколько вообще можно говорить о выражении применительно к лицу, похожему на деталь реактивного двигателя.

– Гараман и Мезант – руководители того, что осталось от... – Буни остановился, услышав с середины каюты механический скрежет.

Обернувшись, все увидели, что маленький робот, которого забрали с Хлама, размахивал своими гибкими руками и ногами пытаясь встать. Через несколько секунд он уже сидел на ржавом полу, а экран на передней панели его голубого прямоугольного туловища начал мерцать.

– Ох-ох-онюшки, – сказал он бодрым голосом, вздрогнул, и повернулся к ним.

На его экране появилось маленькое нарисованное человеческое личико. Рот изобразил преувеличенное удивление, а штришки-брови поползли вверх.

– Ох-ох-онюшки...

– Мама... – сказал Бунни, указывая на робота, который вращал телом, чтобы осмотреться.

В считанные секунды (и, поразительно, почти без громоподобного топота, которого Донна ожидала от такой громадины) Мама подошла к роботу и посмотрела на него сверху вниз. Тот запрокинул корпус, чтобы посмотреть вверх. Вид Мама, – подумала Донна, – должно быть, напугал его до смерти.

– Ох... – снова начал он.

– Да, да, – прервала его Лайен. – Это мы уже поняли. Ты в шоке. Почему ты ругался с Доктором?

– Что?

Лицо на роботе выглядело искренне удивлённым. Впрочем, – подумала Донна, – та чёртова скрепка, которая выскакивала на компьютере каждый раз, когда нужно было набрать письмо, тоже, казалось, искренне хотела помочь.

– С кем? – добавил робот, вновь, жужжа, осматриваясь вокруг.

Он попытался встать, но твёрдая металлическая лапа Мама опустилась на него и прижала к полу.

– С Доктором, – мрачно сказала Донна. – С человеком, которому ты рассказывал о моей смерти и о том, какие цветы пришлешь на мои похороны.

– С кем? Что? – робот размахивал руками, безрезультатно шлепая ими по ладони Мамы. – Ох-ох-онюшки, всё это так неожиданно.

– Ох, солнышко, – сказала Донна, присев так, чтобы её глаза были на одном уровне с экраном робота. – Ты даже не представляешь, сколько всего неожиданного мы можем придумать, если ты не начнешь говорить правду.

Нарисованное личико изобразило изумление.

– Конечно же, не представляю, иначе оно бы не называлось неожиданным! А впрочем, конечно, – лицо стало задумчивым, – события могут быть одновременно и неожиданными, и не совсем неизвестными, поскольку слово «ожидаемые» может относиться не только к их сути, но к времени их наступления, так?

– Что? – спросила Донна.

– Я сказал...

– Я слышала, что ты сказал. Слушай, или ты начнешь нам рассказывать о тех, на кого работаешь, или... или... – Донна запнулась, не зная чем пригрозить роботу. – Или я скажу Маме, чтобы она скомкала тебя в такой маленький комочек, что ты не сможешь устроиться работать даже подпоркой двери.

У неё за спиной кто-то изумлённо охнул. Это была Лайен. Её рука прикрывала рот в почти комическом жесте удивления.

– Это всего лишь робот, – сказала Донна, закатив глаза. Если надо, можно разобрать его, на микросхемы... – Донна остановилась, увидев откровенный ужас на лицах Бун и Лайен.

Она резко обернулась, услышав, что даже Мама издала глубокий электронный стон.

– Варварка, – прошептал Буни.

– Что вы сказали? – Донна всё ещё ничего не понимала.

– Поверить не могу, – мрачно сказал Буни, – что Доктор так хорошо о вас отзывался. Как вы смеее на борту моего корабля угрожать людям?! Да что же это за цивилизация, в которой вы выросли?

– Людям угрожать? – повторила Донна. – Я не угрожаю людям, упаси бог.

Она указала на робота, у нарисованного лица которого глаза и рот были широко раскрыты от удивления:

– Это. Всего лишь. Робот.

Донна села на корточки. Как ей объяснить это ещё понятнее? Да что вообще с ними такое?

– Вы что, не хотите узнать, на кого он работает?

– Как тебя зовут? – спросил Буни у робота, проигнорировав Донну.

– Уейоу, – ответил тот.

– Хорошо, Уейоу. Донна утверждает, что ты угрожал Доктору. Это правда?

– Я? Кому угрожал?

Робот вертел корпусом по сторонам, ничего не понимая.

– Минуточку, – сказал он и крепко сомкнул свои нарисованные глазки.

На долю секунды его лицо на экране потемнело.

– Что он делает? – недоверчиво спросила Донна.

– Подключается к механету. Восстанавливает синхронизацию часов.

Уейоу потрянул лицом, словно освобождаясь от паутины.

– Ох-ох-онюшки, – сказал он, широко раскрыв глаза. – Меня взломали! Я пропустил восемь минут и тридцать семь секунд.

– Хочешь сказать, что не помнишь, что с тобой было? – у Донны были сомнения в правдивости его слов. – А что такое механет? Что-то вроде интернета для роботов?

Уейоу кивнул:

– Я пропустил восемь минут и тридцать-семь секунд, – повторил он, словно это было что-то абсолютно невероятное.

– Уейоу, – тихо сказала Лайен. – Пойдём со мной. Я проведу диагностику – посмотрим, что с тобой случилось.

Донна недовольно посмотрела на неё: она общалась с роботом так, словно это был потерявший ясность ума престарелый родственник. Нет, чтобы взяться за отвёртку и гаечный ключ! Она ничего не могла поделать: для них явно было гораздо важнее не расстраивать эту штуку, чем выбить из неё правду.

– А тем временем, – сказал Буни, когда Мама помогла роботу встать на ноги, – нужно догонять корабль Культа. Келлика говорит, что благодаря изменениям Доктора наши сенсоры всё ещё способны отследить их.

Он насмешливо посмотрел на Донну.

– Вам лучше пройти за мной, – сказал он, отвернулся, и пошёл к двери. – Доктор явно что-то в вас нашёл, но только богу известно, что именно.

И не успела Донна ответить, как он вышел.

– Ну, Доктор, – прошептала про себя Донна. – Надеюсь, тебе сейчас так же весело, как и мне...

В командный отсек корабля Гарамана принесли стул, привинтили его к полу, и привязали к нему Доктора. Рядом молча стоял робот-блондинка.

– Зачем вы телепортировались к нам на корабль, Доктор? – спросил Гараман, уперев руки в боки.

– Ну, понимаете... смена обстановки и всё такое. Кроме того, я уже столько всего слышал о вас – о вас и о вашем культе – что решил, что нам пора познакомиться лично.

При упоминании слова «культ» брови Гарамана поползли вверх, и он посмотрел на дверь, которая как раз в этот момент с шипением открылась.

– Это Доктор, – сказал Гараман кому-то, кого не было видно, – друг Донны.

– Гараман, – со вздохом ответили ему мелодичным голосом, – ты начинаешь меня удивлять всерьёз. Зачем было нужно привязывать его вот так? Ты так и не вынес урок из того, как обращался с Донной?

В поле зрения Доктора, грустно качая головой, зашла трёхногая и трёхрукая ящерица.

– Я Мезант, – сказало существо, глядя на Доктора широкими немигающими глазами. Они были серого цвета, с ромбическими зрачками.

– А-а! Печально известный Мезант! – ответил Доктор, радостно улыбаясь.

– Печально? – встревоженно переспросил Мезант.

– Ну, вы же знаете, что Оскар Уальд сказал насчёт известности...

– Нет, – ответил Мезант. Что он сказал?

– Что лучше быть известным, чем неизвестным. Приятно с вами познакомиться. Пожал бы вам руку, но сами видите... – он указал глазами на свои запястья и пошевелил пальцами.

– О, бога ради, Гараман, развяжи его! – воскликнул Мезант. – Какая от этого польза? Что ты ему пообещал отрезать? Может быть, голову?

Доктор сразу напрягся. Он очень любил свою голову, и был уверен, что если её отрубить, то новая не вырастет. Впрочем, если бы выросла, то вдруг она была бы рыжая, как ему всегда хотелось? Он бы тогда лучше смотрелся рядом со своей подругой, Рыжей Богиней.

– Тогда сам с ним разбирайся! – отмахнулся от него Гараман. – Мы уже подлетаем к Сентилли. Не хочу отвлекаться.

Грустно качая головой, Гараман пошёл к креслу капитана. Мезант двумя трёхпалыми руками начал отвязывать Доктора.

– А-а! – воскликнул Доктор, потирая запястья. – Спасибо!

– Приношу извинения, – скромно сказал Мезант, отсылая рукой прочь робота-блондинку; тот отошёл и тихо стал у двери. – Гараман всё время перегибает палку.

– О, не будьте к нему слишком строги. Я люблю энтузиастов. И я уверен, что у него и так полно дел: собирать все эти сегменты, завершать план Хну... Что?

Выражение лица Мезанта было неопишимо, его пальцы извивались, словно всполошённые змеи.

– Откуда вы... – начал Мезант. – Откуда вы знаете про Хну?

– Так в записях всё есть, – ответил Доктор. – Ну, не всё. Вот в чём загвоздка: там не говорится о том, что именно она затеяла. Вот поэтому я и решил, что не плохо бы подняться на борт и поболтать с людьми, которые это делают; воплощают, так сказать, мечту.

Он потянулся и посмотрел на ящерицу.

– Итак... – улыбнулся Доктор. – С чего начнём?

Донна начинала жалеть, что не осталась с Гараманом и Мезантом: Гараман хоть и грозился сломать ей мизинец, но там, по крайней мере, к ней не испытывали такую откровенную неприязнь, как здесь. И всего лишь потому, что она хотела выжать информацию из Уейюу. Хотя её и не заперли, похоже, они поручили Маме – здоровому стальному роботу – присматривать за ней. Что было почти то же самое.

– Так почему тебя называют Мамой? – спросила она, сидя в каюте, которую они в шутку называли «кафетерием». – Ой, прости, я забыла – ты ведь не разговариваешь.

Это было обидно: за какие-то секунды до того, чтобы снова быть с Доктором, их снова разъединили, и теперь ей нужно знакомиться с новым набором странных личностей. Судя по тому, как они отзывались о Докторе, он с ними ладил, но она подозревала, что какую бы благосклонность Доктор ни заработал, на неё это не распространялось. Она не могла это понять: их отношение к роботам было просто чокнутое.

Она ела что-то, напоминающее вкусом сандвич (и выглядевшее как рыбный пирог), а Мама безмолвно стояла рядом и смотрела на неё сверху.

– Тебе обязательно смотреть, как я ем?

Мама немного склонила голову. Она словно пыталась понять Донну, как будто никогда раньше не видела людей. Может ли робот быть «она»? Как это вообще определяется?

– И как же Доктор меня описывал? – спросила она, отодвигая остатки обеда. – Превосходная? Остроумная? Одевающаяся стильно, но при этом практично?

Мама только смотрела... но вдруг, когда единственный другой член команды вышел, робот почти по-человечески огляделся и опустился на колени у противоположного края стола. Донна подумала, уж не собирается ли Мама достать обручальное кольцо и сделать предложение? Внезапно на груди у Мамы появилось пятно розового света, и между ними в воздухе появился мерцающий прямоугольник.

>ДОННА. РЫЖАЯ БОГИНЯ.

Красные, как глаза Мамы, слова рисовались прямо перед ней.

– Откуда ты знаешь о... А! – она улыбнулась. – Тебе Доктор рассказал.

>Я БЫЛА ТАМ.

– Правда? Где?

Внезапно она поняла:

– Так это ты столкнула камень, да?

>ДА.

– Спасибо, – сказала Донна. – Если бы не ты, нас бы, наверное, сожгли бы живьём. По крайней мере, Мезанта и Огмуни.

>ПОЖАЛУЙСТА.

Поверх слов Донна увидела изображение... себя! На изображении она подошла к камере, снимавшей видео, пошевелила губами, обернулась через плечо, и с кем-то спорила. Картинка замерла и повторилась, снова и снова.

– Откуда это? – спросила она.

>ТЫ ПЫТАЛАСЬ ПОМОЧЬ МЕХАНИЗМУ ZB2230/3 НА КАРРИС.

– О! – она вспомнила. – Бимбот. Ясно.

>ПОЧЕМУ?

Донна на секунду нахмурилась.

– Ну, это же больно было.

>ЕГО РЕЙТИНГ ПО ЛИПАНОВУ БЫЛ 23. ОН НЕ БЫЛ РАЗУМНЫМ. НО ТЫ ОТНОСИЛАСЬ К НЕМУ КАК К РАЗУМНОМУ.

– Его что?

>РЕЙТИНГ ПО ЛИПАНОВУ – СТЕПЕНЬ РАЗУМНОСТИ МЕХАНИЗМОВ. РАЗУМНЫМИ ПРИНЯТО СЧИТАТЬ МЕХАНИЗМЫ С РЕЙТИНГОМ ПО ЛИПАНОВУ 40 И ВЫШЕ. ТЕ, У КОГО МЕНЬШЕ, РАЗУМНЫМИ НЕ СЧИТАЮТСЯ.

Слова бежали по экрану быстрее, чем Донна успевала прочесть их.

– Ух! – сказала она. – Повтори, пожалуйста, солнышко.

Слова Мамы снова побежали по экрану, в этот раз медленнее.

– И какой у тебя... этот... по Липанову?

>80.

– О! – Донна постаралась показать, что её это впечатлило. – Просто ума палата!

>РЕЙТИНГ НЕ ПОКАЗЫВАЕТ УМ. ТОЛЬКО РАЗУМ, СТЕПЕНЬ САМОСОЗНАНИЯ.

– Ясно, – осторожно сказала Донна, не вполне уверенная, что поняла разницу.

>У УЕЙОУ РЕЙТИНГ 68, НО ТЫ ОТНОСИШЬСЯ К НЕМУ КАК МЕНЕЕ РАЗУМНОМУ, ЧЕМ ZB2230/3. ЭТО ИЗ-ЗА ЕГО ВНЕШНОСТИ?

– Хм? – Донна не поняла вопрос.

>ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ОН МЕНЬШЕ ПОХОЖ НА ЧЕЛОВЕКА, – объяснила Мама, – ТЫ СЧИТАЕШЬ ЕГО МЕНЕЕ РАЗУМНЫМ. ЭТО ТАК?

– Что?

>ТЫ СУДИШЬ О НЁМ ПО ЕГО ВНЕШНОСТИ.

У Донны челюсть чуть не выпала. Она вспомнила разговор с Мезантом о разнице между бимботом и дверью.

– Ты что хочешь сказать? – потребовала она. – Я тебя правильно поняла? – она почувствовала, как её лицо краснеет. – Ты меня расисткой называешь?

>ЭТО ЕСЛИ БЫ ТЫ СУДИЛА ПО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К РАСЕ. А ТЫ СУДИШЬ ПО ВНЕШНОСТИ. ЭТО НЕ ОДНО И ТО ЖЕ.

Донна крепко сжала губы. Потом снова открыла рот, чтобы опровергнуть слова Мамы чем-то остроумным. Но сказать было нечего. Мама обвинила её в том, что она судит о роботах по их

внешности, а не по тому, насколько они разумны: чем это отличается от расизма? И, если она не могла ничего возразить против первого, то, положив руку на сердце, как она могла спорить со вторым?

Она не расистка. Она была уверена в этом. Но с какой бы стороны она на это мысленно ни посмотрела – Мама в это время молча наблюдала за ней – вывод, сделанный роботом, казался ужасно неизбежным.

– Там, откуда я прилетела, – осторожно начала Донна, покусывая губу и отводя взгляд от Мамы, – всё иначе.

Она набралась храбрости и посмотрела в суровое лицо Мамы.

– У нас нет... – она кивнула в стороны машины. – Роботов. Таких, как ты. И таких, как Уейоу.

Она снова запнулась, подбирая слова.

– Вы – все андромеды – вы такие... такие... странные. Не обижайся, – спешно добавила она. – Не совсем странные. Просто необычные. Другие. Дома, в Чизвике, самое похожее на разговор с машиной, что у меня было, так это когда я кричала на копировальный аппарат.

Она снова покачала головой:

– Разве это не естественно: видя, что что-то выглядит непохоже на человека и ведёт себя не так, как люди, предположить, что и думает оно не так, как люди?

>ЭТО МОЖНО ПОНЯТЬ, – согласилась Мама.

Наступила долгая пауза.

– Но это ведь не даёт это предположение верным, – тихо сказала Донна. – Ведь не делает?

>НЕТ. НО МЫ НЕВЕЖЕСТВЕННЫ ЛИШЬ НАСТОЛЬКО, НАСКОЛЬКО САМИ ТОГО ХОТИМ.

Донна грустно рассмеялась. Сама над собой.

– То есть, это мне решать, сколько я знаю о других? Ты это просто из вежливости сказала.

>ПОДРАЗУМЕВАТЬ, ЧТО ТЫ НЕВЕЖЕСТВЕННА, ВЕЖЛИВО?

– Поверь мне, это не худший вариант того, как ты могла меня назвать. Я бы попросила прощения, но этого в таком случае недостаточно, так ведь? Тут извинений мало.

>НА НАС ВСЕХ ПОВЛИЯЛО НАШЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ, НАШЕ ОБРАЗОВАНИЕ, – сказала Мама. >НО САМОЕ ГЛАВНОЕ ТО, КАК МЫ ВЫХОДИМ ЗА ПРЕДЕЛЫ ЭТОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ. МЕНЯ СОЗДАЛИ БОЕВОЙ МАШИНОЙ. Я ИЗМЕНИЛАСЬ. МЫ ВСЕ МОЖЕМ ИЗМЕНИТЬСЯ.

Покусывая ноготь, Донна вспомнила о Мезанте и Гарамане, и об их абсолютной уверенности в своей правоте. Как, будучи правы, люди могут так ошибаться?

– Но роботы ведь не чувствуют, верно? Я не пытаюсь унижить, но... – она с трудом подбирала слова, – Но роботы ведь просто предметы, разве не так? Их же изготавливают, делают из металла, микросхем, и прочего. Они не живые. Не по-настоящему.

>ТЫ ХОТЯ И НЕ СДЕЛАНА ИЗ МЕТАЛЛА, НО ВСЁ РАВНО «ИЗ ЧЕГО-ТО СДЕЛАНА». КАКАЯ РАЗНИЦА, КАКОЙ МАТЕРИАЛ ПОЛОЖЕН В ОСНОВУ?

– Но Мезант утверждает, что роботы только имитируют мышление и чувства.

>А ПОЧЕМУ ТЫ СЧИТАЕШЬ, ЧТО ТЫ НЕ ИМИТИРУЕШЬ МЫШЛЕНИЕ И ЧУВСТВА?

– Потому что я не имитирую, – Донна постучала пальцем по виску. – Это всё здесь. Я знаю, что я чувствую.

Мама подняла свою стальную руку и повторила тот же жест – постучала по виску.

>Я ТОЖЕ.

После разговора с Мамой Донне было о чём подумать, но ей не суждено было побыть наедине и разобраться со своими мыслями. Бунни вызвал их в командный отсек, где Уейоу мотался туда-сюда, как перевозбуждённый ребёнок, разговаривал с другими роботами (даже с маленькими серво-роботами, которые, по заверениям Мамы, имели такой низкий рейтинг по шкале Липанова, что их и за кухонные принадлежности едва считали).

— Он не виновен, — сказала Лайен. — Кто-то — кто-то очень хорошо разбирающийся в робототехнике и коммуникационных системах — подключился к нему, и использовал его в качестве мегафона. Я проверила всю его память — там у него просто пустое место.

— Гараман? — предположила Донна, чувствуя себя из-за этого немного предателем, несмотря на разговор с Мамой.

— А кто же ещё? — сердито сказал Бунни.

Уейоу пересёкся взглядом с Донной и подошёл к ней. Его нарисованное лицо было расстроенным.

— Простите, — сказал он.

— Ничего страшного, — сказала Донна, похлопав его легонько, надеясь, что это не будет воспринято как снисходительное отношение. — Это не твоя вина. Прости, что я вела себя так грубо. Просто я переживаю о Докторе.

— Ничего страшного, — сказал Уейоу.

— А всё-таки, — добавил он, развернувшись и указав весь командный отсек и присутствующих, — здорово! — его глаза расширились. — Вы даже не представляете, как это всё интересно, не представляете. Летать по всему космосу, гоняться за плохими, и всё такое... Для вас это, наверное, рутина. А я всю свою жизнь провёл на Хламе. Каталогизировал, сортировал, организовывал, — он подвигал пальцами так, словно набирал что-то на клавиатуре. —

А это жизнь, о которой многие из нас могут только мечтать. Что дальше? Куда мы теперь полетим?

Донна не смогла не улыбнуться – он был похож на щенка. И неважно, прав ли Мезант, и он лишь имитирует свой энтузиазм, или права Мама, и это всё искренне, но Донна не могла не заразиться этим энтузиазмом.

– На гиперпространственной траектории, по которой направился корабль Гарамана, есть две системы, – сказала Келлика, и в командном отсеке в воздухе возник прозрачный голографический дисплей. – Система Сентилли, в центре которой находится чёрная дыра, и Пью, в центре которой двойная звезда. Если они ищут ненаселённую планету, то Пью лучше подходит, впрочем, её шестнадцать планет движутся по очень нерегулярным орбитам. У Сентилли тридцать шесть планет, но из-за природы этого солнца они все безжизненные, – она пожала плечами. – Пока они не выйдут из гиперпространства, мы не будем знать наверняка. Через час появятся новые данные.

– А тем временем, – сказал Буни, повернувшись к Донне, – думаю, нам нужно поговорить.

Донна кивнула:

– Я очень, очень сожалею о том, что я...

– Нет, нет, – прервал её Буни. – Не об этом. Это можно и позже обсудить. Я имел в виду Гарамана и его банду. Нам нужно знать всё, что может помочь нам понять, что они задумали. Может быть, они что-то сказали, пускай даже неважное. Не торопитесь. Посмотрим, что мы сможем понять.

– Я испытывал весьма тёплые чувства к вашей подруге, Донне, – сказал Мезант. – У неё были несколько... странные взгляды, но мне кажется, что в душе она была хорошим человеком.

– Вы не могли бы использовать настоящее время? – сказал Доктор. – Я надеюсь, что она ещё жива. И да, она хороший человек. А что такого она сказала?

– Её опыт общения с механизмами довольно интересный, – сказал Мезант, и Доктор почувствовал, что тот пах рыбой и лавандой.

Не самый обычный запах, но и не самый неприятный из тех, с которыми доводилось сталкиваться Доктору.

– Рассказала вам о роботах Санта-Клаусах, да?

Мезант кивнул.

– С её слов, у меня сложилось впечатление, что в вашей галактике меньше механических цивилизаций, чем в нашей.

– Пожалуй, да, – согласился Доктор. – Но ведь обе галактики такие огромные, что было бы неверно делать выводы на основании тех небольших их кусочков, которые мне довелось увидеть. Не хочу, чтобы вышло, будто я обобщаю. Обобщения до добра не доводят, – пошутил он, подмигивая, но Мезант, похоже, не понял шутку.

– Разумеется, – согласился Мезант (с немного излишней решительностью, как показалось Доктору). – Но вы должны согласиться, что всегда были трения между механизмами и организмами.

– Ну, «всегда» – это слишком громко. Всё равно как «каждый», «никогда», или «все они ленивые мерзкие попрошайки, пусть возвращаются на свою планету», верно? – он улыбнулся Мезанту, хотя его взгляд оставался жёстким и серьёзным. – А что мы говорили насчёт обобщений?

– А-а, – сказал Мезант после секундной паузы, – вы про-механик.

– Я? Серьёзно? – Доктора это предположение, похоже, оживило. – Сам я считаю себя про-человечным, какие бы формы человечность не принимала, – он поднял руку, увидев, что Мезант хочет что-то сказать. – И если вы хотите начать убеждать меня в том, что механизмы не по-настоящему живые, то лучше не надо, не тратьте время. Как только начинаешь думать о ком-то как не о таком, как ты, так тут же начинаешь относиться к ним по-другому. И обычно относиться хуже. Такой тип мышления приводит к сегрегации и концентрационным лагерям, не так ли?

– Факты остаются фактами, – сказал Мезант.

– А высокомерная, упрямая чушь остаётся высокомерной упрямой чушью, и у меня нет времени на то, чтобы слушать её. Расскажите мне лучше об этой штуке, части которой вы собираете.

Руки Мезанта снова начали извиваться.

– Мне кажется, – весело продолжал Доктор, – что если вы искренне верите во всю эту ерунду, то вы должны гордиться этой штукой, и гореть желанием часами рассказывать мне о ней. А все эти идеи о превосходстве организмов мне уже поднадоели. «Мы лучше вас, потому что сделаны из вязкой субстанции, а не из металла», и тому подобное. Вы производите впечатление умного создания. Вы действительно верите во всё это, или это у вас просто хобби в свободное от работы время? Как у других реконструкции военных сражений, или напиваться дешёвым сидром? Не можете же вы и вправду верить в это.

– Вы не сталкивались с тем, с чем сталкивались мы, – сказал Мезант. – Наша галактика переполнена представителями машинного разума. При наличии ресурсов они способны

воспроизводиться с гораздо большей скоростью, чем большинство организмов.

– Это так, – согласился Доктор. – Но они ведь так не стали делать, верно? Как давно у вас тут мир? Сколько веков уже организмы и механизмы живут рядом почти без войн и ссор? Какой вклад организмы и механизмы сделали в культуры друг друга?

– Дело в том, – твёрдо сказал Мезант, – что это не может длиться вечно.

– Почему нет? – Доктор подался вперёд, и его лицо оказалось прямо напротив лица Мезанта. – До сих пор всё это работало довольно неплохо, не так ли? Если бы жители моей галактики увидели вашу, они были бы поражены тем, чего вы достигли. Неужели вам не льстит быть лидерами на пути межзвёздного мира, вместо того, чтобы стать ещё одной галактикой драчливых детишек?

– Вам, чужаку, это может показаться очень просто, – сказал Мезант, и Доктор уловил нотку разочарования в его голосе. – Вы не понимаете всех тонкостей.

– О, – возразил Доктор, – а мне кажется, что понимаю. В общем, мне вас не переубедить, а вам не переубедить меня, так давайте вы просто расскажете о том, что вы тут затеяли, в чём был великий план Хну, а затем я вернусь к Донне, а вы тут сами разберётесь?

Он широко улыбался, но в его улыбке было что-то жёсткое. Мезант устало посмотрел на него... и вдруг в интеркоме раздался голос Гарамана.

– Мы входим в систему Сентилли, – сказал он. – Всем членам экипажа занять свои места. Повторяю, всем членам экипажа занять свои места.

– О, – разочарованно сказал Доктор, – а вы уже почти начали рассказывать мне о вашем плане. Ненавижу, когда так происходит!

Поражённый собственной глупостью, Доктор наблюдал за тем, как собранное устройство вращается в пространстве, всего в пятистах метрах от корпуса «Тёмного Света». Когда четыре сегмента были водружены друг на друга, они образовали цилиндр, что теперь казалось очевидным. Пост-фактум всё кажется очевидным.

Сегменты вращались независимо друг от друга, а всё устройство тихо повернулось так, чтобы его конец был направлен на чёрный диск Сентилли.

– Вы хотите вскрыть чёрную дыру! – медленно сказал Доктор и повернулся к Гараману. – Я должен был догадаться.

– Как вы могли догадаться? – спросил Мезант.

Доктор пожал плечами:

– Ну, та часть, которую вы забрали с Уляля, содержала весьма хитроумные обмотки размерностного резонанса; та, что была на Каррисе, судя по тем обрывочным данным, которые мне удалось получить, содержала что-то вроде преобразователя энергии нулевой точки; ну и на той, которая была на Хламе, я заметил признаки того, что это дефазировщик пространства. Если собрать всё это вместе, получим самый большой консервный ключ в галактике.

Он усмехнулся своему уму:

– В других обстоятельствах я бы сказал, что это превосходно. Но у меня такое чувство, что никому кроме вас от этого превосходно не станет.

Гараман сухо рассмеялся:

– Консервный ключ. Мне это нравится. Был момент, когда я подумал, что вы догадаетесь о его предназначении. Но теперь это уже не важно.

– О, я думаю это очень важно, – уныло сказал Доктор, – но я уже вряд ли смогу этому помешать, так?

Гараман лишь улыбнулся.

– Так что же там? Армия органических тварей, которые ждут пробуждения, чтобы отобрать могущество машинных интеллектов вашей галактики? Или это какое-то убежище? Небольшая Шангри-Ла, где вы и ваши друзья из Культа сможете жить, не беспокоясь о своих паранойях? Маленькая Андромеда, так сказать. Рай без механизмов?

Гараман ничего не сказал. Вместо этого он указал на экран. С одной стороны, ближней к «Тёмному Свету», была маленькая ромбовидная фигурка консервного ключа, на поверхности которой мерцали синие молнии. А с другой стороны, вдалеке, был угольно чёрный диск Сентилли – чёрной дыры в сердце этой системы, который был виден лишь потому, что заслонял собой звёзды.

– Активируй, – прошептал Гараман, и Мезант коснулся пальцем панели управления.

Свечение вокруг консервного ключа начало разрастаться, цвет стал ядовито-пурпурным, а затем устройство стало абсолютно чёрным.

– Началось дефазирование, – сказал Мезант, и Доктор уловил на лице Гарамана почти мессианский восторг.

– Смотрите, Доктор, – сказал Гараман. – Вы хотя и были занозой в одном месте, но я всё-таки рад, что есть свидетель этого момента.

Доктор прищурился, и Гараман велел Мезанту увеличить изображение. Изображение приблизилось, увеличив чёрную дыру,

из которой, словно океанский лайнер из тумана, что-то огромное всплывало из глубин темноты. Оно было протяжённым, и сходство с океанским лайнером росло по мере того, как это судно выходило из чёрной дыры и двигалось к ним.

Его основной корпус был обтекаемой формы с заострённым концом, словно зёрнышко бледно-зелёного риса. Множество антенн и штырей торчало перпендикулярно его поверхности, отчего оно казалось колючим. Ближе к задней части плотность штырей сильно возрастала, и Доктор подумал, что оно похоже на гигантский ёршик для унитаза. По мере того, как оно поворачивалось головной частью к ним, маленькие огоньки начали появляться на его поверхности.

– Мы называем это «Светоч», – прошептал Гараман.

Доктор фыркнул:

– Как же вы обожаете метафоры со светом и тьмой! Сияющая темнота, тёмный свет, светоч. Что дальше будет, «Свеча на ветру»? Тем не менее, я впечатлён. У вас, должно быть годы ушли на постройку... тем более, в тайне всё держать.

– Так и было. Годы, годы, и годы. Тяжелее всего было именно удержать всё в тайне, нанимая для постройки (какая ирония!) команды примитивных роботов.

– И затем, после того, как они завершали свою работу, стирая их память.

– Именно. Был бы у них настоящий разум, они могли бы догадаться, что готовят своё собственное уничтожение.

– Свой собственный геноцид, – мрачно поправил Доктор, но Гараман в ответ лишь скупой улыбнулся.

«Светоч», как его называл Гараман, отделился от Сентилли и начал замедляться; на нём загоралось всё больше и больше огней.

– Только что получил сигнал, – неожиданно сказал Огмуни, покосившись на Доктора.

– От?.. – спросил было Гараман, но, видно, сам понял. – О... Благополучно? – спросил он и тоже посмотрел на Доктора.

Что-то эти двое от него скрывали. Огмуни кивнул и улыбнулся.

– Итак! – внезапно сказал Гараман. – Прежде, чем браться за дело, нужно уладить ещё кое-что.

Огмуни стоял у панели управления оружием, и, судя по холодной ухмылке на его лице, он знал, о чём речь.

– Полностью зарядить оружие, – отдал приказ Гараман. – Пора, пожалуй, избавиться от Буни и его любителей роботов.

– Вы что делаете? – возмутился Доктор, глядя как Огмуни отвернулся к панели управления и начал что-то делать.

– Вы же не думаете, что я оставлю этой банде оборванцев шанс помешать мне?

– Они не могут вам помешать, – ровным голосом сказал Доктор, краем глаза следя за Огмуни. – Отпустите их.

– Нет уж, – сказал Гараман. – Не говори «гоп», пока не перескочишь – уж лучше я перестрахуюсь. Игра ещё не окончена.

Доктор встал:

– Вы отдаёте себе отчёт, что если вы их убьёте, у меня не останется причин не сделать всё возможное, что бы остановить вас?

Гараман устало приоткрыл глаза:

– Хотите сказать, что если я оставлю их в живых, то вы позволите мне завершить начатое? Я в этом сильно сомневаюсь. Знаете, я бы предпочёл убить вас прямо сейчас, но Мезант и его совесть могут возражать. А мне его детские припадки ни к чему. Кроме того, мне бы хотелось посмотреть на ваше лицо, когда вы узнаете, что находится на борту «Светоча». Считайте это

профессиональной гордостью. Или желанием произвести впечатление.

Он посмотрел на Огмуни, и тот кивнул.

– Готово, – прорычал он.

– Можете попрощаться с Донной, Доктор, – улыбнулся Гараман и кивнул Огмуни.

– Огонь! – сказал он, и Огмуни нажал кнопку.

Корабль Буні содрогнулся изнутри, Донна услышала разносившийся эхом грохот. Она ухватилась за край кресла Буні, чтобы устоять на задрожавшей под ней палубе.

– Что это было?

– Они по нам выстрелили, – недоверчиво сказала Келлика. – Они по нам стреляют!

Она ещё раз проверила приборы.

– Повреждён двигатель. На третьей и четвёртой палубах много пробоин. Мы теряем воздух.

«Меч Правосудия» снова вздрогнул, и Донну бросило на стену. Мама раскачивалась на ногах, гидравлика её ног шипела, компенсируя качку.

– Мы можем починить пробоины? – перекрикивал Буні вой сирен.

Освещение переключилось на аварийное, и отсек погрузился в кроваво-красный мрак.

– Поздно, – ответила Келлика через несколько секунд. – Из двигателя вытек хладагент... он разъедает корпус корабля. Полное разрушение наступит примерно через одиннадцать минут.

Буні схватился руками за голову.

– Нет! – сказал он сквозь сжатые зубы. – Нет!

– Буни, – сказала Донна, стараясь сохранять спокойствие. – Спасательные шлюпки, спасательные капсулы, или как там у вас это называется... У вас что-нибудь есть?

– Что? – он посмотрел на неё так, словно в её словах не было смысла. – Да, да.

– Хорошо. Усаживайте всех на них. Экипаж, роботов – всех. Если корабль взорвётся, у них будет больше шансов выжить, так ведь?

Буни молча смотрел на неё, парализованный происходящим вокруг. В его глазах Донна видела отчаяние.

– Ох-ох-онюшки, – сказал Уейоу, его глаза были широко раскрыты от потрясения. – Знаете, Донна права. Чур, я первый!

– Заткнись! – оборвал его Буни, проведя рукой по волосам.

Этим жестом он напомнил Донне Доктора – где он сейчас?..

– Келлика, отдайте приказ! – крикнула Донна. – Эвакуируйте всех.

Келлика посмотрела на Буни, ожидая одобрения. На секунду Донне показалось, что он разорвётся на части, но, в конце концов, он кивнул. Келлика схватила микрофон и начала отдавать приказы экипажу, приказывая эвакуироваться на спасательных капсулах.

– Фух! – сказал Уейоу. – Какое облегчение... Так чего мы ждём?

– Мы ничего не ждём, – сказал Буни. – Мы остаёмся тут... Я остаюсь тут.

– Вы же слышали, что она сказала, – закричала Донна, схватившись за его руку, чтобы устоять, когда где-то глубоко в недрах «Меча Правосудия» раздался очередной взрыв.

Она наткнулась на кресло Буни и больно ушибла бедро.

– Корабль взорвётся. Какой смысл оставаться? Это же вам не кино. Не получится гордо стоять на носу, когда корабль тонет, а все думают о том, какой же вы благородный.

Она схватила его за запястья и развернула лицом к себе:

– Вы умрёте.

Буні облизал пересохшие губы, и оттолкнул от себя Донну.

– Но я умру не один, – сказал он.

Он подбежал к Келлике.

– У нас хоть что-то из двигателей осталось?

– Только маневровые, а что?

Буні на секунду задумался, потирая лоб.

– Должно хватить, – сказал он. – Включи их. Раз уж нам конец, то возьмём и их с собой.

– Что?! – крик Донны заглушил сирены.

– Этот корабль, – сказал Буні, ткнув пальцем в экран, на котором было видно огромное колючее чудовище, возникшее из Сентилли. – Это их большое оружие. Это то, над чем они работали все эти годы. Будь я проклят, если позволю этим воспользоваться!

Он посмотрел на Донну и отдал приказ Келлике.

– Тарань его, – сказал он. – Наш корабль – наше единственное оружие, и мы им воспользуемся!

– Прекратите! – проревел Доктор, бросаясь к Огмуни.

По мановению руки Гарамана, блондинко-подобный робот вмешался и обхватил Доктора сзади, обняв его, как тисками. Доктор был бессилен. Была бы у него звуковая отвёртка, он мог бы попытаться успеть деактивировать робота, сжечь его микросхемы.

Хоть что-то. Но отвёртки не было, и его руки оказались прижаты к его бокам.

Внезапно дверь раскрылась, и вбежал Мезант.

– Что происходит? – потребовал он ответа у Гарамана. – Почему ты открыл огонь?

– Наш заклятый вражонок Буни, – сказал Гараман, и Доктор увидел на его лице недовольство прибытием Мезанта. – Пора уже с ним покончить.

– Но нельзя же, – сказал Мезант; его лицо было сама растерянность. – Там же организмы на борту!

– Уже вряд ли, – рявкнул Гараман. – Кроме того, ты же не думал, что наш план может быть реализован без единой потерянной жизни – органической жизни?

Мезант беспомощно развёл руками:

– Нет, но... Ты говорил, что ненужных смертей не будет. Ты говорил, что не нужно будет уничтожать их корабль.

Мезант почти плакал.

– В таком случае, считай, что это первые из печальных, но неизбежных жертв.

– Скажите ему, – прохрипел Доктор, с трудом дыша в хватке робота, – скажите, чтобы отпустил их... Они не могут больше помешать. Вы и так, наверное, уже повредили их корабль. Возможно, они уже мертвы. Отмените атаку. Вы утверждаете, что вам небезразлична жизнь, организмы. Докажите это. Остановите его.

Мезант раскрыл рот и посмотрел на Гарамана.

– После всего потраченного времени, – недовольно говорил Гараман, – после всего этого планирования... Ты хочешь позволить сентиментальности разрушить всё.

– Но... но что, если Доктор прав? Они уже не могут ничем нам помешать.

– Ты хочешь этим рискнуть, Мезант? Серьёзно?

– Гараман, – аккуратно встрял в разговор Огмуни.

– Что?

– Корабль... Корабль Буни. Он движется.

Гараман резко повернулся к главному экрану, и Огмуни вывел на него изображение корабля.

– Они пытаются сбежать, – пробормотал Гараман, и на его ангельских губках заиграла жестокая улыбка.

– Нет, – сказал Огмуни, нахмурившись. – Нет, они не бегут. Они движутся в другую сторону. Они движутся сюда.

Доктор первый понял, что происходит.

– О Боже! – сказал он, вцепившись в робота. – Похоже, они оказались не такими уж и беспомощными!

– Что они делают? – спросил Гараман, медленно подходя к экрану с изображением разгоняющегося «Меча Правосудия».

Слабое мерцание на маневровых двигателях говорило о том, что у корабля почти не осталось движущей силы, но и этого было достаточно.

– Они направляются к «Светочу», – сказал Огмуни, не веря собственным словам.

Мезант издал тревожный напев.

– Они его протаранят, – прошептал он.

– О нет, как бы не так, – сказал Гараман сквозь зубы. – Возьми их снова на мушку. В этот раз мы их прикончим. Навсегда.

– Спасательные капсулы отстыковываются, – сказала Келлика, пересчитывая те из них, которые по спирали улетали в темноту. – Весь экипаж спасён.

Донна не знала, смогут ли спасательные капсулы развезти всех по домам, или же просто будут болтаться в космосе, пока у них не закончатся энергия и воздух. Но это всё равно было лучше, чем оставаться на «Мече Правосудия» и ждать, пока он столкнётся с супер-кораблём Культа.

Уейоу беспомощно размахивал ручками.

– Нам пора улетать, – повторял он снова и снова. – Нам пора улетать. Я на такое не подписывался. Ох-ох-онюшки.

Уейоу замолк, увидев часть дисплея перед Келликой.

– Спасательные шлюпки... их больше нет, – его нарисованное личико сглотнуло.

– Уейоу, – приветливо сказала Донна.

– Да? – посмотрел на неё маленький робот.

– Заткнись.

Она снова повернулась к Келлике:

– Сколько времени до столкновения?

Во рту у неё пересохло, пульс ускорялся. Были все шансы, что они погибнут, но что-то – то ли адреналин, то ли скорость сменяющих друг друга событий – спасало её от паники, которая – она чувствовала – была где-то рядом, на задворках её сознания. «Так поступил бы Доктор», – повторяла она сама себе. «Так поступил бы Доктор».

– Восемь минут, – слегка дрожащим голосом сказала Келлика.

– Восемь минут, – сама себе повторила Донна. – Ясно. Корабль может протаранить эту штуку на автопилоте?

Келлика кивнула.

– Хорошо! Сделайте всё необходимое – заблокируйте управление, всё, что нужно. Нам ещё не конец.

– Но все спасательные капсулы улетели, – возразил Уейоу. – Все. До самой-самой последней...

– Уейоу, – тихо сказала Донна, присев возле робота. – Помнишь, когда ты тут только появился, я грозилась, что Мама тебе кое-что оторвёт? Так вот, если ты не заткнёшься, я это сама сделаю. У нас есть ещё одна спасательная капсула.

– Нет, – возразила Келлика. – Уейоу прав – они все улетели.

– О нет, не все, – с улыбкой сказала Донна. – Идёмте!

Донна задержалась в дверях, пока Келлика настраивала автопилот.

– Надеюсь, вы знаете что делаете, – сердито сказал Бунни, когда Донна показала жестом, чтобы все шли за ней.

– Поверьте мне, – усмехнулась Донна, вцепившись в дверную коробку из-за очередного сотрясения корабля. – Я сама хотя и не доктор, но научилась кое-чему у одного, довольно неплохого.

Почти пять минут они пробирались на корму через безлюдный разбитый корабль. Коридор во многих местах был завален обломками, но Мама с этим справлялась: убирала с дороги перекрученные балки и панели, словно они были сделаны из картона или пенопласта. Уейоу первым проскакивал в проёмы, которые делала Мама, пока Бунни не сказал, что они понятия не имеют о том, что может ждать их за очередным поворотом; после этого Уейоу держался в середине.

– Почти пришли, – сказала Донна, когда они подошли к небольшому трюму корабля.

Только тогда Бунни понял, что она хотела, и на его печальном лице появилась улыбка.

– Если вам когда-нибудь понадобится работа на моём корабле... ну, на моём следующем корабле... – он прервался, увидев выражение лица Донны.

Она смотрела через грязное стекло окна в переборке «Меча Правосудия» в трюм. Переборка была задраена. Переборка, за которой должна была быть ТАРДИС. Идеальная спасательная капсула. Но всё, что Донна видела за толстым стеклом – кусок пола, а дальше ничего. Ничего, кроме открытого космоса: отсек, в котором Бунни оставил ТАРДИС, разорвало во время обстрела, и ТАРДИС, их единственный выхода с разваливающегося корабля, больше нет.

– Ох, и достанется же мне за это, – прошептала она; она потерялась сама и потеряла ТАРДИС. – Не считая того, что мы все умрём, – добавила она.

Очередной взрыв колыхнул корабль, и скрежет металла вдалеке вернул ей стремление действовать. Она повернулась к Келлике.

– Так, – сказала она. – ТАРДИС нет. Вы уверены, что не осталось ни одной спасательной капсулы? Для непредвиденных случаев?..

Донна покачала головой:

– Что я несу? Спасательные шлюпки все рассчитаны на непредвиденный случай... А телепорт точно сломан?

Келлика кивнула.

– А что насчёт восьмой шлюпки? – вдруг спросил Бунни.

– Восьмая уже несколько месяцев не работает, – напомнила ему Келлика.

Донна аж подпрыгнула:

– Не работает? Почему?

– Механизмы фиксации заклинило... Внешние зажимы приварились.

– Так что это значит? Что если их оторвать, то она работает? Вы что, про WD-40 никогда не слышали?

Никто не понял её сарказма.

– Ладно. А нельзя их разболтать? Отрезать?

– Изнутри нельзя, а скафандров больше нет. К тому же, они на четверых рассчитаны, а нас пятеро. А Мама у нас далеко не компактная...

Донна провела рукой по волосам... и её снова бросило на стену из-за того, что корабль дёрнулся под ногами. Думай, – говорила Донна сама себе. – Думай!

А затем она пересеклась взглядом с Мамой. Мама! Блин!

– Вы уверены, что эта капсула спроектирована на четверых человек? – проворчала Донна, втискиваясь сквозь маленький люк в восьмую шлюпку вместе с Бун и Келликой; ей мешали торчащие кругом ноги и локти. – Может быть, на четырёх карликов?

– Эй! – пискнул Уейоу, который тоже плюхнулся на одно из мягких сидений в маленьком аппарате. – А что такого в карликах?!

Келлика покачала головой и пристегнулась.

– Вы уверены, что это сработает? – спросила она у Донны.

– Нет, – резко ответила Донна. – Конечно же, я не уверена в том, что это сработает, но если у вас есть другие идеи, сейчас самое время ими поделиться. Мама! – Донна повернула голову, чтобы увидеть Маму, всё ещё стоявшую за люком шлюпки. – Ты готова?

Мама молча кивнула... и с глухим стуком люк захлопнулся.

– Ну, что же, – сказала Донна, откинувшись на спинку и улыбнувшись. – А тут довольно неплохо. Уютненько. Сколько это займёт у неё времени, как вы думаете?

В этот момент их сотрясло ещё одним, более сильным и более близким взрывом на «Мече Правосудия».

– Теперь, когда все мы на борту, – сказал Бун, сверяясь с часами, – Мама сможет открыть переборку и выйти наружу. Получится это у неё или нет – мы скоро узнаем. Так или иначе.

Донна глубоко вдохнула. Она надеялась, что не обрекла их на смерть в спасательной капсуле. Когда Донна слышала, что если

они даже и сумеют отстыковать спасательную капсулу, то места для Мама внутри не хватит, её сразу осенило, что Мама не нужен воздух. Уейоу он, вообще-то, тоже не был нужен, но у Уейоу не было такой грубой силы, как у Мама.

План, во всей его простоте, был очевиден. Может быть, даже чересчур очевиден, из-за чего Донна сомневалась в нём: трое людей и Уейоу могут забраться в капсулу, Мама может вылезти из корабля, освободить стыковочные зажимы, и лететь, вцепившись в капсулу снаружи.

Келлика убедилась в работоспособности двигателей капсулы – без проблем можно направить её к космической станции, возникшей из Сентилли. Разумеется, нельзя было предугадать, как их там встретят; но это было лучше, чем оставаться и ждать, пока взорвёшься.

Все четверо вздрогнули, когда снаружи капсулы раздался лязг металла. А затем опять. Как будто какое-то чудовище пыталось ворваться вовнутрь.

– Всё не так плохо, как кажется по звуку, – сказала Келлика, заметив выражения лица Донны. – Поверьте мне. Хотя я и не доктор, – и она грустно улыбнулась.

Послышался снова лязг, а за ним злобный скрежет. В последний раз что-то стукнуло, и долгий скрежет, казалось, длился вечно, но в конце концов прекратился.

– У неё получилось! – крикнула Келлика. – Это оторвались зажимы! Ура!

Капсула неожиданно дёрнулась, и их не разбросало лишь потому, что они все были пристёгнуты. Освещение внезапно переключилось на тусклый красный свет.

– Ну к чему этот красный свет на космических кораблях? – возмущалась Донна. – Будто мы без него не знаем, что происходит! О Боже, я чувствую...

– Гравитация отключилась, – сказала Келлика.

– Я бы ни за что не догадалась, – сказала Донна, пытаясь удержать внутри содержимое желудка.

– Ух-ты! – восторженно закричал Уейоу. – Держитесь все! Полетели!

Если бы кто-нибудь смотрел на всё это снаружи, то сжал бы от волнения кулаки: череда взрывов вырывалась из-под обшивки «Меча Правосудия», разрывая его, скручивая его корпус, направляясь к маленькому пузырю спасательной капсулы номер восемь. А к капсуле прижалась Мама, распластавшись по её вершине. Вспыхнув голубым светом, загорелись двигатели, и оторвали капсулу от корабля, по которому проносились взрывы. Медленно разгоняясь, капсула направилась в холодную черноту космоса – крошечный силуэт на фоне оставляемого позади бушующего ада.

По-прежнему удерживаемый стальными объятиями робота, Доктор, не веря своим глазам, смотрел за тем, как «Меч Правосудия» медленно пролетает сквозь систему Сентилли, целясь в «Светоч». Это была храбрая, но тщетная попытка.

Потоки газа и топлива отмечали путь несчастного разрушенного корабля, превращавшегося в искусственную комету. По всему кораблю гасли огни. Маленькие взрывы вспыхивали по всей его поверхности, отправляя в космос облака обломков. Из-за отсутствия солнца тяжело было рассмотреть детали, но сенсоры

«Тёмного Света» улучшали изображение, показывая агонию корабля во всём её печальном величии.

Донна... Доктору оставалось надеяться лишь на то, что она либо спаслась в спасательной капсуле, или сообразила укрыться в ТАРДИС. Если, конечно, замечательную синюю будочку не выбросило взрывом в космос сразу.

– Оружие наведено, – со смаком сказал Огмуни, посмотрев на Доктора и улыбнувшись ему.

– Добивай его, – устало сказал Гараман. – У нас полно других, более важных дел.

Сбоку на экране появился толстый стержень насыщенно-пурпурного света, он протянулся через космос и проткнул «Меч Правосудия», словно кебаб. Какое-то мгновение ничего не происходило, корабль продолжал свой полёт, а луч разрезал его бок. А затем начался каскад взрывов, сияющие облака газа устремились в темноту, один за одним.

Наконец, маленький корабль больше не мог сопротивляться. Когда пурпурный луч достиг его кормы, его внутренности начали светиться: вначале тёмно красным, а затем всё ярче и ярче, жёлтым, белым, и в конце концов жгуче-синим. Затем экран мигнул белым, и Доктор закрыл глаза.

Донна.

– Это, должно быть, обошлось вам в небольшое состояние, – изумлённо прошептал Доктор, когда они шли по тёмной космической станции.

После уничтожения корабля Буни он был в подавленном настроении. «Светоч», как стало ясно после того, как Гарамант, Мезант, Доктор, и робот-блондинка телепортировались на него, был не просто космическим кораблём.

– В несколько состояний, – гордо сказал Гараман. – И совсем не маленьких. – Вы бы удивились, если бы узнали, сколько филантропов поддерживает нас, хотя открыто это и не признают.

– А что вы пообещали этим филантропам? Что они получают в результате реализации вашего маниакального плана?

– Удовлетворение, Доктор. Удовлетворение от того, что они будут жить в галактике, где органические существа занимают подобающее им место – на вершине.

Они шли словно по громадному складу: вокруг них были огромные открытые пространства, неосвещённые, с гулким эхом. Потолок был так высоко, что терялся в темноте. Воздух был холодный и затхлый. Как в гробнице, которую не открывали несколько веков. Повсюду был запах металла и электричества, стук их шагов по полу отдавался эхом.

– Вы что, хотите, чтобы я угадывал? – спросил Доктор, когда они проходили мимо очередного помещения размером с авиационный ангар.

Несколько ни разу не летавших космических кораблей безмолвно стояли бок о бок в ожидании своего часа. Их корпуса были такого же бледно-зелёного цвета, как и у «Светоча».

– Что? Предназначение всего этого? – Гараман захихикал. – Да, пожалуй, хочу. Извольте. Если вам это поможет, это всё, – он указал рукой вокруг, – на самом деле несколько избыточно. Незадолго до своей смерти Хну всё время боялась, что промеханики её поймают и подадут на неё в суд по каким-то сфабрикованным обвинениям. Она хотела быть уверенной в том, что если когда-нибудь ей придётся скрываться, то у неё будет приличное место для продолжения работы. Чтобы, если понадобится, провести здесь остаток жизни.

– Значит, это она себе тюрьму спроектировала? – Доктора это не впечатляло.

– О, вовсе нет. Вы только подумайте, какой высокотехнологичной должна быть эта станция, чтобы прятаться внутри чёрной дыры без риска быть сжатой в сингулярность! Это шедевр... идеальное убежище. Вовсе не тюрьма.

– То же самое яйцо, – без энтузиазма сказал Доктор, – но в профиль. Тюрьма есть тюрьма, какие в ней шторы не вешай. Впрочем, она же об этом никогда не узнает, верно?

– К сожалению, – сказал Гараман, хотя на лице у него было что угодно, только не сожаление, – уже не узнает.

– Вы хотите сказать, что это вы подстроили её смерть?

– Доктор! – у Гарамана было искренне шокированное лицо. – Конечно же, нет! Я обожествлял эту женщину. Она была гением. Без неё всё это было бы невозможно.

– Хм, – буркнул Доктор. – Но, по крайней мере, вы теперь стали главным, да? А как вы, Мезант? Что вы думаете о вашем новом доме?

– Это не дом, – с важным видом сказал Мезант.

После уничтожения «Меча Правосудия» его словно покинула часть его энергии, с момента их прибытия на «Светоч» он почти всё время молчал.

– Вы всё ещё переживаете из-за погибших, так ведь? – тихо спросил Доктор с едва уловимой жёсткостью в голосе. – Из-за тех, кто погиб по вашей вине. Кто сгорел в открытом космосе. Из-за этих людей.

– Очень жаль, что они погибли, – отводя взгляд, сказал Мезант, – но это было необходимо.

– Правильно, – сказал Доктор. – Именно так и сказал Гараман. Продолжайте убеждать себя в этом. Правдой оно от этого не станет, но вам на душе станет легче. А когда думаете о смертях, необходимых или нет, напоминайте себе о том, что они не были последними.

– Что?

– О, помяните моё слово, будут ещё жертвы. Это неизбежно, когда у власти находятся такие, как Гараман. Что бы вы там вдвоём ни затеяли, какую бы революцию вы ни приготовили для галактики, она приведёт к смертям. Ко многим смертям. К целым вагонам смертей. Органическим и неорганическим, человеческим и машинным. И я не удивлюсь, если в перекрёстном огне нечаянно пострадают несколько энергетических и газовых существ.

Его губы напряглись:

– Война – это плохо. После войны никто не остаётся невредимым, – он на секунду замолчал. – Поверьте мне.

– Не разбив яйца, – сказал Гараман, – омлет не приготовишь.

– О, – закатив глаза, ответил Доктор. – Точно. А я-то думал, что человек вашего ума придумает оправдание получше.

– Мне не нужно перед вами оправдываться.

– Тогда зачем вы оправдываетесь? Чувство вины? Или боитесь, что Мезант может отказаться от избранного пути? А какая у вас роль в этом, Мезант? Вы тут просто за компанию? Откуда вы, кстати? Я ничего не знаю о вашем виде.

– Я лотапарянин, с Лоты.

– Ну, не знаю, что об этом думают лотапаряне, а я удивлён, что у вас нашлось что-то общее с Гараманом. Ну, не считая вашей общей ненависти к машинам. Отличная штука – ненависть. Близкая родственница страха. И ведь именно в этом всё дело, не так ли? Страх. Страх различий, боязнь иного, страх перед тем, что не понимаешь. Страх перед теми, кто не похож на вас.

– Я не боюсь машин, – спокойно ответил Мезант, когда они заходили в клетку лифта, который повёз их в глубины космической станции. – Просто я хочу, чтобы органическая жизнь – истинная жизнь – заняла в галактике должное место. Я не имею ничего против машин.

– Разумеется, – слегка поддразнил Доктор. – Они должны быть в каждом доме. Они отлично строят и поднимают тяжести, просто должны знать своё место, верно? Лишь бы больше никуда не лезли. Но чем это всё продолжится? Вначале машины, а что потом?

Доктор посмотрел на Гарамана:

– Может быть, вы высоких людей недолюбливаете, Гараман?

Доктор изобразил на лице пренебрежение:

– Избавимся от них, да? О, ещё есть худые люди – мы же не любим тощих, правда? Выслать их всех на остров, пускай среди себе подобных живут. И рептилий. Как вы относитесь к рептилиям, Гараман? – он осмотрел Мезанта с ног до головы. – Какие-то они изворотливые. Любят когда жарко и сухо, в отличие от нас, людей. Мне кажется, им нельзя доверять. Давайте и от них избавимся?

На мгновение у Мезанта расширились глаза.

– И глазом не успеете моргнуть, – завершил Доктор, сложив руки на груди, – как осталась лишь вселенная Гараманов. Маленьких, напуганных, помешанных на власти Гараманов. Все одинаковые, все раздражительные, все винят друг друга в том, что случилось.

Он подался вперёд и посмотрел на Гарамана:

– И когда после всего этого вы посмотрите по сторонам и увидите, что вселенная лучше не стала, что вы сделаете?

– У вас не получится, – процедил сквозь зубы Гараман. – Не удастся настроить Мезанта против меня. Мы с ним работали вместе достаточно долго, чтобы знать, что мы думаем и во что верим. Ваши умные слова это не изменят.

– Не изменят? – вздохнул Доктор. – Ну, что же, не буду тогда и пытаться.

Он опустил руки в карманы и молча уставился в потолок. Лифт опустился к центру управления «Светоча». Когда он проходил сквозь потолок центра управления, Доктор думал о том, сколько сил – машинных сил – было положено на строительство этой станции. Она была размером с небольшой город, построить что-то таких размеров не вызвав ни у кого никаких подозрений было невероятным достижением. Но, как и со многими достижениями, его суть определится тем, для чего оно будет использовано, и на этот счёт он надежд не питал.

Он ещё ничего не сказал Гараману и Мезанту, но штыри в кормовой части станции были подозрительно похожи на конвертеры Бишопа, предназначенные для извлечения энергии из чёрных дыр. Для чего им понадобилось столько энергии?

Они вышли из лифта, и вокруг них загорелись осветители. Они были на широкой круглой платформе, края которой были скрыты в темноте. Кругом были изогнутые панели с приборами, каждая из

них была освещена индивидуально. Было ощущение, что это музей, а не центр управления.

– Мило, не находите? – спросил Гараман.

– Ну, как для куска металла... только не обижайтесь, – добавил он, повернувшись к роботу-супермодели, стоявшему рядом с ним, – тут очень мило. Но зачем всё это?

– Освобождение! – драматически произнёс Гараман. – Считайте, что это – жемчужина в раковине станции.

– Вы отказались от метафор про свет и тьму? Могу вас понять – они уже набили оскомину. Итак, теперь мы, значит, перешли на морепродукты? Ладно уже вам, Гараман, расскажите нам, зачем это? В чём же важность этой станции?

Гараман притворно вздохнул.

– Ну, ладно, – сказал он. – Раз уж вы так настаиваете...

– Да-да, настаиваю, – подгонял его Доктор. – Рассказывайте.

– А вы не хотите угадать? Ну же, Доктор, у вас должны быть какие-то мысли. Вы же умный человек.

Доктор удивился:

– То есть вся эта станция это не просто место, где вы спрячетесь? Милая крыша над головой, где вы спрячетесь, пока галактика катится в тартарары?

– Вы же не думаете, что я настолько терпеливый?

– Ну, – рассуждал Доктор, – учитывая, что вы её прятали столько лет в чёрной дыре, у вас должны быть неплохие гравитационные и темпоральные экраны. Вы могли бы собрать всех ваших сторонничков и засесть внутри Сентилли, ждать пока галактика начнёт воевать, машины окажутся побеждены, а затем вы выходите... и – надо же, едва месяц прошёл!

– Это запасной вариант, – признал Гараман. – Но нет. Я не настолько терпелив, Доктор. Тем более, я не уверен, что в случае войны между организмами и неорганизмами победят организмы.

Доктору секунду подумал, потом пожал плечами:

– Нет, других идей у меня нет. Давайте, выкладывайте. Для чего эта станция?

– Вы меня разочаровали Доктор, очень разочаровали.

– Хватит уже злорадствовать, – отрезал Доктор. – Это некрасиво. Неудачный день у всех бывает.

Гараман на секунду задумался, а затем кивнул и подозвал робота-супермодель. Тот молча подошёл.

– Доступ «Гараман АС001», – сказал Гараман роботу.

Робот поднял правую руку ладонью вверх и закатил рукав безупречно сшитого пиджака. На руке раскрылась длинная тонкая панель. Зашипев сжатым воздухом, оттуда поднялся тонкий полосатый жёлто-чёрный цилиндр. Гараман взял его, панель закрылась, и робот опустил руку.

– Это, – сказал Гараман, передавая цилиндр Мезанту, который прикоснулся к нему трясущимися пальцами, – активатор.

Доктор проворно вынул из внутреннего кармана пиджака очки и надел их. Нацепив их на нос, он поправил их пальцем и посмотрел на устройство.

– Активатор?

Гараман улыбнулся словно кот, который только что поймал самую большую и сочную мышь. И обнаружил, что внутри у неё сметана. Он повернулся к Мезанту и отдал ему цилиндр.

– Сколько это займёт? – спросил Гараман.

– Около получаса, – ответил Мезант, распевая от волнения.

Похоже, он уже забыл о всех погибших. Доктору внезапно стало очень грустно.

– Значит, полно времени, чтобы рассказать вам подробности, – радостно сообщил Гараман Доктору.

Он повернулся к Мезанту, державшему активатор всё ещё дрожащими пальцами:

– Иди, я подойду позже.

Бросив последний взгляд на Доктора, Мезант пошёл вверх по широкой спиральной лестнице в дальнем конце платформы. Доктор посмотрел туда, где лестница поднималась к верхней площадке, но темнота не позволяла ничего рассмотреть.

– И куда он пошёл? В более уютное место?

– Пошёл устанавливать и калибровать активатор, – Гараману было так весело, что он чуть в ладоши не хлопал. – Ах, да! Я же собирался рассказать вам, что делает активатор!

– Ну, наконец-то, – закатил глаза Доктор. – Ваш супер-план.

– Да, – раздался из темноты знакомый голос. – Расскажите нам о вашем супер-плане, Гараман. Нам всем интересно.

Из окружающей платформу тени вышла Донна, а за ней Буни, Келлика, Мама, и маленький робот с Хлама, угрожавший там Доктору.

– Донна!

– Доктор! – засмеялась Донна.

– Рад тебя видеть, – широко улыбаясь, сказал Доктор, – хотя могла бы и поторопиться. От тебя, Рыжей Богини, я ожидал большего.

– Хватит уже об этом, – сказала она. – И вообще, я всегда вовремя.

Тем временем Буни вынул из кобуры пистолет и навёл его на Гарамана.

– Но Гараман ведь только что собирался рассказать мне о своём плане покорения всего мира, так ведь? – Доктор повернулся к

Гараману, который в ответ лишь сверкнул глазами, явно не зная, как действовать дальше.

– Механизм! – внезапно скомандовал Гараман. – Защищай меня!

Двигаясь с почти неуловимой для глаза скоростью, робот-супермодель встал между Буни и Гараманом, поднял руки, и пошёл на Буни. Но до того, как вмешалась Мама, он успел пройти только один шаг и выбить из руки Буни куда-то в окружающую их темноту пистолет. Почти с такой же скоростью, как и супермодель, Мама сделала несколько огромных шагов вперёд и отвесила роботу оплеуху. С жутким грохотом и снопом искр голова робота-блондинки отделилась от тела и покатилась в темноту; остальное тело, также получившее часть импульса от могучего удара, отлетело на другой край платформы и завалилось набок, дёргая руками.

Маленький прямоугольный робот закрыл глаза руками.

– О, боже, – пробормотал он. – Я ненавижу насилие. Это совсем не так, как по телевизору, правда? По крайней мере, масло не текло – это было бы слишком!

Гараман шагнул назад, понимая, что сила и численность не на его стороне. Он посмотрел вверх, в темноту, явно пытаясь разглядеть место, куда ушёл Мезант.

– Знаете, – сказал Доктор, – мне вас обоих даже жалко. Столько лет планировали, столько сил потратили. И ради чего? Ради того, чтобы быть побеждённым одним из механизмов? Осталось разобраться с Мезантом, и можно отправляться по домам. Мисс Ноубл, не хотите обняться?

– А мне тоже можно? – раздался ещё один голос, и из темноты вышла Лайен.

Её лицо и синее платье были в грязи и масле. Рукав у неё был разорван; она выглядела так, словно прошла войну.

– Лайен! – крикнула Донна. – Мы думали, что вы погибли!

– Как ты выбралась с корабля? – недоверчиво спросил Буни.

– О, я думаю, что она телепортировалась, – весело сказал Доктор. – Как только узнала, что лезвие «Меча Правосудия» собираются затупить. Может быть, сами расскажете, Лайен? – прищурившись, он сложил руки. – Расскажите о том, что на самом деле вы член Культа Сияющей Темноты.

– Что? – нахмурилась Донна, глядя то на Доктора, то на Лайен.

– О, тут столько разных секретов, правда? – сказал Доктор, глядя на Буни.

Лайен усмехнулась, выхватила из кармана пистолет, схватила Донну за руку и притянула к себе. Приставив дуло к виску Донны, Лайен оттащила её к краю платформы, откуда ей было всех видно, и никто не мог незаметно подкрасться к ней.

– Ха! – воскликнул Гараман, триумфально хлопнув в ладоши. – Молодец, Лайен!

Лайен презрительно на него посмотрела.

– А ты заткнись! – сказала она и выстрелила ему прямо между глаз.

Только ей показалось, что она всё поняла, как снова всё запуталось. Путь с «Меча Правосудия» на космическую станцию был ужасен, даже не смотря на то, что управляла Келлика. Они не знали, не повредила ли Мама капсулу, когда освобождала её. На всём протяжении полёта Донна думала, что вот-вот капсула выйдет из-под контроля, или разгерметизируется, или взорвётся. И они понятия не имели, смогла ли Мама удержаться на капсуле или же её распавшиеся на атомы останки смешались с остатками «Меча».

Маленький видео-экран показывал им приближение к станции, когда Келлика умелыми руками разворачивала капсулу и стыковала её со шлюзом станции. К счастью, заметила Донна, тот, кто проектировал эти корабли и капсулы, додумался снабдить их адаптивными «универсальными» причалами, чего так недоставало её камерам, телефону, mp3-плееру и компьютеру. Вот вернётся она домой, и напишет производителям пару ласковых...

Волнения были напрасны: к тому времени, когда капсула пристыковалась и открылся шлюз, Мама была уже на станции и встречала их, словно огромный металлический вышибала. Донна подумала, что сейчас робот поднимет руку и скажет: «Если вас нет в списке, я вас не пущу».

Центр управления они нашли быстро (Уейоу получил информацию в главном компьютере станции), и оказались по пояс в интригах и загадках. Снова. Правда, – думала Донна, – можно было дать этому жуткому малышу Гараману несколько секунд, чтобы он рассказал их план; но ведь «куй железо, пока горячо». Если пистолет у её виска выстрелит, то горячим будет не только железо. Так держать, Ноубл, – думала она, – так держать.

Только вот пистолет у её головы держала уже Лайен, а Гараман лежал мёртвый на полу. Может ли эта галактика вывернуться наизнанку ещё сильнее?

– Хоть волос на её голове тронь, – сказал Доктор, пряча в карман очки и глядя на Лайен, – и во всей галактике Андромеда не найдётся места, где ты сможешь от меня спрятаться.

– Что происходит? – причитал Уейоу. – Ой боже, это не к добру.

– Для тебя так точно не к добру, – сказала Лайен.

– Донна на нашей стороне, – протестовал Бунни, всё ещё не веря, что Лайен – одна из Культа.

– Она на вашей стороне, – поправила Лайен. – А теперь заткнитесь, а не то я в её голове сделаю такую же дырку, как и у Гарамана.

Поражённый, Бунни замолчал. Донна заметила, что Мама переносит вес с ноги на ногу. Это заметила не только она.

– Если Мама шевельнётся, – предупредила Лайен, – Донна умрёт. Имейте в виду.

– Что, чёрт возьми, происходит, Лайен? – потребовал Бунни. – Мы же на твоей стороне.

– Боюсь, вы никогда не были с ней на одной стороне, верно, Лайен? – спросил Доктор, сложив руки.

– Тогда на чьей она стороне? – спросила Келлика, глядя на тело Гарамана.

– Думаю, у Лайен есть свои личные планы, не так ли? Раньше вы работали с Гараманом, так ведь? Внедрились к противникам Культа, чтобы приглядывать за ними, узнать, что им известно... Сделать так, чтобы они не приблизились к разгадке слишком близко, но в то же самое время считали, что находятся на верном пути.

Лайен лишь улыбнулась.

– Это вы перехватили контроль над нашим маленьким другом, – Доктор кивнул в направлении Уейоу, на котором снова нарисовалось удивлённое лицо. – Вы же и сама эксперт в робототехнике. Когда вы показывали мне записи об истории Хну, вы хорошо поработали над тем, чтобы вычеркнуть из них своё имя. Я мог бы ничего и не заметить.

– И что же её выдавало? – спросил Бунни, всё ещё в замешательстве.

– Вы вырезали все текстовые упоминания о себе, но пропустили один из фотоснимков. Очень удачный снимок, на котором вы и Хну вместе улыбаетесь на кибернетической конференции на Сите. Чудесный снимок. И, как для противника Культа, вы излишне восхищались, когда говорили о её достижениях, а также слишком много знали о сегментах и консервном ключе.

Доктор увидел удивление на лице Донны.

– О той штуке, которая открыла чёрную дыру и выпустила наружу эту станцию.

– Очень хорошо, Доктор, – сказала Лайен. – Очень умно. Однако... слишком поздно.

– Но зачем убивать Гарамана? – спросила Келлика.

– Затем, что он был идиот, – сказала Лайен. – И затем, что он недооценивал потенциал того, что у нас есть. В отличие от Хну.

– О, да, – сказал Доктор. – Кстати, об этом. А что вообще это такое? Гараман собирался нам это объяснить, но вы в его речи поставили жирную точку.

Лайен развернула Донну так, чтобы никто не смог незаметно подойти.

– Вы что-нибудь знаете о механете? – спросила Лайен.

– О! – сказал Уейоу, подняв руку. – Я знаю! Я знаю!

– Ну, давай, – сказал Доктор, пытаюсь не рассмеяться с робота.

– Расскажи нам о нём. Как тебя зовут?

– Я Уейоу, – сказал робот, – а механет это...

– Это как интернет, только для роботов, – решительно оборвала его Донна, к голове которой был приставлен пистолет.

– Эй! – крикнул Уейоу. – Это я должен был сказать!

На мгновение на его экране появилась недовольная рожица.

– Это как интернет, только для роботов. Ну, – добавил Уейоу. – Для некоторых роботов. Мы, благоразумные, держимся от него подальше, за исключением тех случаев, когда нужно синхронизировать часы или загрузить обновления программного обеспечения.

Он снова скривился:

– Обычно там только тупицы и неудачники, которые ноют о том, что машинный род уже не тот, или распространяют слухи об «органике на повестке дня» и прочую ерунду.

– И чем же он вас интересуется? – спросил Доктор у Лайен.

– Наш малыш-электроприбор несколько принижает значение механета, – сказала она, – но в чём-то он прав. Его главная функция в том, что почти любой механизм в галактике, за исключением простейших приборов, подключается к нему хотя бы раз в неделю. Они все, как и Уейоу, утверждают, что выше этого, но не могут устоять перед тем, чтобы не запустить транскосмическое соединение, и не заглянуть туда ненадолго.

У нарисованного лица Уейоу отвисла челюсть.

– И не выдумывай, что к тебе это не относится, Уейоу, – сказала Лайен. – Коммуникации роботов – моя профессия. Когда я делала вид, что диагностирую тебя, я в твоей памяти хорошо

порылась. Знали бы люди кое-что из того, что ты «изучал» в механете, ох и удивились бы они.

К удивлению Донны, щёки нарисованного личика покраснели.

– Хватит уже его смущать, – вступился за Уейоу Доктор. – Так значит, этот механет... – он замолк, поняв, в чём состоит план Лайен. – А-а... Теперь я вас обогнал.

– Лишь немного, – сухо сказала Лайен.

Она вела Донну вокруг платформы к лестнице, по которой поднялся Мезант.

– Этот ваш активатор, – продолжал Доктор, засунув руки в карманы, – даст вам возможность проникнуть в голову к каждому роботу галактики и отключить его, верно? – он скривился. – Конвертеры Бишопа – вот зачем они вам. Для одновременной трансляции на всю галактику пяти вольтовой батареей может не хватить. Геноцид по щелчку тумблера.

– Это было бы слишком просто, – сказала Лайен, захохотав. – Это он так хотел сделать, – быстрым движением руки с пистолетом она указала на тело Гарамана. – Их идеалы были правильными, но они не были способны сделать ещё один шаг, который следовало сделать.

Доктор не сводил глаз с Лайен.

– Ещё один шаг... А-а... Вы хотите не просто отключить механизмы, так? – он прищурился. – Вы хотите управлять ими.

В его голосе было почти восхищение.

– Наконец-то! – засмеялась Лайен. – Да! Почему бы не воспользоваться такой возможностью? Роботы, механизмы, машинные интеллекты... они повсюду, по всей галактике. Если их просто выключить, появится кто-то, кто создаст новых, с иммунитетом к активатору. Или они найдут способ сами себя перепрограммировать или отключить сигналы механета. Нет, я не

могу этого допустить. Как только я получу контроль, Доктор, я должна буду его сохранить. Мне нужно гарантировать, что машины никогда не смогут победить. А ещё ведь есть расы роботов, которые вообще не связаны с механетом – мне понадобятся войска, чтобы воевать с ними.

– Вы берёте под контроль галактику, используя неорганизмы в качестве армии, полиции, и всё это ради того, чтобы обеспечить торжество вашего извращённого взгляда на то, что такое хорошо и что такое плохо? – он задумчиво почесал затылок. – Да, в дерзости плана вам не откажешь.

– Из ваших уст, Доктор, это комплимент.

– Это не комплимент, – его голос стал жёстче. – Вы хоть представляете, сколько страдания и смертей случится после того, как вы включите активатор, не говоря уже о тех страданиях и смертях, которые будут результатом строительства вами вашей стальной империи? По всей галактике роботы техобслуживания, машины в здравоохранении, космические корабли, воздушные корабли... автомобили... как только вы перехватите их контроль, они прекратят работать, вот так, – он щёлкнул пальцами. – Люди будут умирать миллионами, Лайен. И это будет лишь началом того, что случится, если вы это сделаете.

Лайен лишь пожала плечами. Донна стиснув зубы пошевелилась, но Лайен снова прижала ей дуло к виску. Медленно и осторожно Лайен вместе с Донной отходила к лестнице.

– Не пытайся ничего делать, – прошептала она.

А затем, громче, чтобы услышали все, добавила:

– Вы, наверное, сейчас оцениваете, стоит ли рискнуть жизнью Донны ради спасения тех, кто, по-вашему, умрёт. Я бы, конечно, поспорила с вашими оценками, но подозреваю, что моё время

заканчивается. Мезант уже должен был закончить инсталляцию, и, разумеется, я хотела бы стать той, кто нажмёт на кнопку.

– Он неплохой, Мезант ваш, – сказал Доктор. – Немного свихнувшийся на этих ваших бреднях об организмах против неорганизмов, но мне кажется, что когда он узнает, в чём ваш план, сколько смерти он принесёт – и организмам и неорганизмам, он может и передумать.

– Ему это всё слышать необязательно. К тому времени, когда я решу рассказать ему об этом – если вообще решу – всё уже будет сделано.

Лайен затащила Донну ещё на несколько ступеней вверх, оборачивая их обеих так, чтобы они были лицом к Доктору и остальным, следивших за ними.

– Вы же понимаете, – крикнул Доктор, – что я не могу вам это позволить. Независимо от судьбы Донны, я не могу позволить вам воспользоваться этим активатором.

– Да, понимаю, – ответила Лайен, поднимаясь на очередную ступень. – И понимаю, что как только я отвернусь, вы побежите за мной. Поэтому, мне кажется, что сейчас самый подходящий момент для небольшого отвлекающего манёвра... и демонстрации того, каким будет будущее.

Донна почувствовала, как Лайен у неё за спиной сместилась.

– Свет! – крикнула Лайен в темноту, и внезапно вся площадка оказалась залита ярким светом.

Донна прикрыла глаза рукой. Она увидела, что её друзья на платформе всё ещё непонимающе оглядываются. Но Донне сверху было лучше видно: вокруг платформы концентрическими кругами стояли роботы. Десятки, десятки, десятки роботов-блондинок. Их ряды простирались до дальних стен помещения, все они были

одинаково одеты, с одинаковым идеальным узлом светлых волос на затылке, и с холодными бесчувственными глазами.

– Мои, – тихо сказала Лайен, чтобы её слышала только Донна.
– Все мои. Можете попрощаться со своими друзьями, Донна.

Они дошли по площадки на вершине лестницы, Лайен вдавила пистолет Донне в затылок, а сама обернулась на дверь.

– Механизмы! – крикнула Лайен вниз. – Отключить аудио и беспроводную связь. Найти пятеро посторонних на платформе. Убить их.

Последнее, что увидела Донна перед тем, как дверь закрылась, был смотрящий ей вслед Доктор и сдвинувшиеся с места роботы.

– Ох-ох-онюшки, – сказал Уейоу, прячась у Мама между ног, словно это могло защитить его от сотен и сотен окружавших их роботов.

– Да уж, ох-ох-онюшки, – согласился Доктор. – А звуковая отвёртка у Донны...

Ступая ногами со зловещей синхронностью, роботы приближались – первые были уже на ступенях, ведущих на платформу. Холодные голубые глаза смотрели вперёд абсолютно без злобы или сострадания. Они просто выполняли полученный приказ. Это напомнило Доктору джэфти на Каррисе... только в этот раз он был в центре происходящего, и не было Рыжей Богини, способной защитить его.

– Назад! – крикнул Доктор, указывая рукой на спиральную лестницу, по которой Лайен увела Донну. – Это единственный выход. Быстро!

Доктор увидел, что Мама вертит головой туда-сюда, явно пытаясь определить, сможет ли она их защитить, отбиваясь от роботов. Но Доктор понимал, что это невозможно. И он знал, что Мама знает, что это невозможно. Они наступали со всех сторон, и против их численного преимущества размер Мама не поможет.

– Уейоу! – сказал Доктор, повернувшись к маленькому роботу, который уже поднимался по лестнице. – Ты ведь умеешь находить общий язык с приборами? С технологиями, машинами, – он сделал паузу. – С роботами?

– Хм... – осторожно ответил Уейоу, повернув верхнюю часть тела к Доктору. – Возможно.

Позади раздался грохот. Мельком обернувшись, Доктор увидел, что один из роботов летел, размахивая конечностями. В

этот момент Мама отвесила оплеуху ещё одному, отчего тот отлетел на своих товарищей.

– Что ты можешь сказать об этих роботах?

Нарисованное личико Уейоу скорчилось, изображая усилия.

– Я могу прочесть их идентификационные метки, но та ужасная женщина отключила все входы, как и сказала.

– И?..

Сзади снова загремели роботы.

– Это человекообразные сервисные роботы Мита-Коррин, модель DF181B. Рейтинг по Липанову 23. Вот и всё. И куча сведений об их программном обеспечении.

При этих словах Уейоу со стороны Мамы раздалось низкое гудение.

– Что? – спросил Доктор, обернувшись к громадине.

Она перестала бить роботов, и те подошли ближе. Буни и Келлика с растерянными лицами стояли на несколько ступеней выше.

– Мита-Коррин, – сказал Буни. – Это фирма, где изготовили Маму. Оттуда мы её спасли.

Доктор обернулся на Маму: она наклонила голову, словно увидела роботов в новом свете. Внезапно перед ней – Доктору было едва видно – загорелся розовый экран, словно разогревающийся старый ламповый телевизор. Мама включила свой проектор.

>НА НИХ ЗАПУЩЕНО ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ, В КОТОРОМ ЕСТЬ ВЗЯТАЯ ИЗ МЕНЯ ЭВРИСТИКА.

Доктору потребовалась секунда, чтобы понять смысл этих слов.

– Это твои дети?

>СЛОВО «ВНУКИ» ПОДХОДИТ ЛУЧШЕ.

У Доктора расширились глаза: он понял, что это откровение делает ситуацию ещё более опасной, Мама была единственной

преградой между ними и роботами, и вдруг она обнаружила, что это её внуки.

– Ты, должно быть, очень рада, – сухо сказал он, видя, что Мама отступила от приближающейся орды блондинок в элегантных костюмах. – А ты не можешь... не знаю... сказать им, что им пора спать? Знаешь, иногда внуки слушаются.

>ЛАЙЕН ПРЕДУМОТРЕЛА ЭТО.

Роботы подходили всё ближе.

>ЕСЛИ БЫ ОНА НЕ ОТКЛЮЧИЛА ОСНОВНЫЕ И ЗВУКОВЫЕ ВХОДЫ, Я МОГЛА БЫ ПОЛУЧИТЬ ДОСТУП К УПРАВЛЕНИЮ.

Роботы уже шли по платформе, их шаги по-прежнему были синхронны, глаза холодны и мертвы. Мама шагнула вперёд и смахнула ещё троих роботов с платформы на их товарищей. Остальные переступили упавших и продолжали наступать.

– Мама, – тихо сказал Доктор, положив руку на её стальное плечо. – Ты не обязана это делать. После того, как мы узнали, что...

>Я ЗНАЮ, – слова мерцали на протяжении секунды. >ЕСЛИ Я НЕ БУДУ НАС ЗАЩИЩАТЬ, ОНИ НАС УБЬЮТ.

– Они твои внуки, – напомнил ей Доктор, махнув рукой Буни, Келлике, и Уейоу, чтобы они продолжали подниматься по лестнице.

>А ЕЩЁ ОНИ МЕХАНИЗМЫ, ЛИШЁННЫЕ РАЗУМА. ОНИ НЕ СПОСОБНЫ ЧУВСТВОВАТЬ БОЛЬ, РАССТРАИВАТЬСЯ, ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ПРЕДАННЫМИ.

– Я знаю, – тихо сказал Доктор. – Но ты ведь способна.

Ещё один робот приблизился к Маме, и она с жуткой небрежностью ударом наотмашь отправила его в полёт; он врезался в тех, кто шёл за ним, разбросав их, как кегли. Те молча встали и пошли дальше.

Похоже, Мама приняла решение.

>ИДИТЕ, – загорелись слова. ОСТАНОВИТЕ ЛАЙЕН.

– Я тебя не оставлю. Должен быть... – он резко замолк, поняв кое-что.

Понял что-то, что теперь, казалось, мог не заметить только слепой. Какая ирония...

– Мама! – сказал он, запинаясь. – Доступ к управлению... как ты его можешь получить? В смысле... что это, последовательность букв и цифр?

>НУЖНО ПЕРЕДАТЬ ИМ СТРОКУ ИЗ 256 СИМВОЛОВ.

– Ха! – почти триумфально воскликнул Доктор.

– Что ещё за «Ха»? – нахмурился на лестнице Буни. – Они не воспринимают команды, потому что глухие, как... – Буни замолчал – он понял мысль Доктора.

Он широко улыбнулся.

– Но они не слепые!

– Да, они не слепые. Это информационный канал, который Лайен не могла отключить, иначе они бы на стены натыкались. Мама! Ты не можешь поговорить со своими внуками – показать им код доступа?

– Доктор! – крикнул с лестницы Буни. – Вы понимаете, что это их не просто усыпит?

– Что?

– Если Мама введёт в них этот код, они выключатся... насовсем.

– О, – Доктор провёл рукой по волосам и посмотрел на Маму. – Тебе решать, – прошептал он. – Мы поймём, если ты не захочешь.

>ВЫ ВОСПРИНИМАЕТЕ ЭТО КАК УБИЙСТВО?

Доктор не знал, что ответить.

>СЧИТАЙТЕ, ЧТО ОНИ – ГАЗОНОКОСИЛКИ.

– Ну, – Доктор сомневался, – если так, то...

Отбросив ещё пару роботов-блондинок, Мама удовлетворённо загудела, и внезапно по её голографическому экрану побежала

длинная строка букв и цифр, быстрее, чем глаз успевал рассмотреть.

– Не волнуйтесь, – крикнул Доктор остальным, – они владеют скорочтением.

Код продолжал пробегать по экрану, символы сливались, а Мама, стоя у основания лестницы, поворачивалась по сторонам, чтобы все роботы смогли рассмотреть. Волна за волной роботы останавливались. Без единого протеста, не издавая ни звука, они просто останавливались. Вначале самые первые, которым лучше всех было видно. Затем Мама показывала экран другим. Быстро и беззвучно код Мамы проникал в процессоры роботов и выключал их. Наступила тишина.

– Мне жаль, что тебе пришлось это сделать, – сказал Доктор, глядя на Маму, – но спасибо. Кто, если не бабушка, знает какую кнопку нажать, чтобы уговорить внуков?

Уейоу выглянул из-за спины Келлики:

– О, да! – и он взметнул в воздух кулак.

– Знаете, вот что действительно обидно, – говорила Донна, когда Лайен заталкивала её сквозь дверь в комнату, – так это то, что я купилась на это.

– Не упрекайте себя, – с холодной улыбкой сказала Лайен, движением пистолета велев Донне двигаться.

Они были в ярко освещённой комнате, больше похожей на операционную, в отличие от остальной станции, производившей впечатление грязного предприятия. Комната была сбоку от коридора, находившегося в верхней части лестницы.

Донна слышала доносящиеся снизу топание и грохот роботов. Пока что она не слышала криков или других звуков, говорящих о том, что кого-то ранили, во всяком случае, кого-нибудь органического. Но при таком количестве супермоделей это было лишь вопросом времени.

– А что ещё хуже, – добавила она, холодно посмотрев в удивлённые глаза Мезанта, – так это то, что Доктор тоже купился.

– Что лишь доказывает мою точку зрения, – сказала Лайен. – Если так просто заставить вас считать, что я верю в сознание механизмов, то почему вы не хотите верить в то, что механизмы обманывают вас? Я одурачила вас; они дурачат всех. Ну, – добавила она с самодовольной ухмылкой, – не совсем всех. Мезант, как твои успехи?

Ящерица стоял у сложного вида пульта, все три его лапы что-то делали. Но пульте перед ним Донна увидела полосатый цилиндр-активатор, похожий на гибрид осы и колбасы.

– Я не доволен, – сказал Мезант; его обычно оживлённый голос был сдержанным и сухим.

– Тебе не нужно быть довольным, – сказала Лайен, небрежно жестикулируя рукой с пистолетом. – Тебе нужно дело делать.

– Нет, Мезант, не нужно, – вмешалась Донна. – Не нужно делать всё, что эта бешеная корова скажет. Ну же, подумай! Подумай о тех, кто погибнет...

Раздалось резкое, высокое жужжание, и кусок стены рядом с Донной взорвался мелкими искрами, наполнив воздух едким запахом и дымом.

– Заткнись! – сказала Лайен, взмахнув пистолетом. – Мезант, может быть, и не решится тебя убить, но я не Мезант.

Донна перевела взгляд с Лайен на Мезанта, взглядом умоляя его не продолжать.

– А где Гараман? – спросил Мезант, обведя взглядом окна лаборатории.

– Ему стало страшно, – сказала Лайен, с угрозой глядя на Донну.

– Страшно? Чего?

– Теперь уже не важно – без него обойдёмся. Кстати, наш план... изменился.

– Как? – голос Мезанта стал выше.

Донна видела, что он снова на грани истерики. Его руки на пульте дрожали.

– Мы не просто выключим механизмов, – сказала она, глядя ему в глаза. – Мы перехватим управление над ними.

– Что? Почему? Чем плох изначальный план Хну? – голос Мезанта повысился на пол октавы.

– Ох, и дурак же ты, Мезант, – вздохнула Лайен. – Это и есть её изначальный план.

– Что? – голос Мезанта подскочил ещё на пол октавы.

– Вернее, наш с ней план. Она всё продумала: выключи механизмы, и глазом не успеешь моргнуть, как кто-то придумает, как это исправить. Пройдёт несколько дней или недель, и у нас появится куча механизмов, защищённых от активатора. Мы вернёмся к тому, с чего начинали. Хну знала, что это был единственный шанс захватить контроль... и удержать его.

– Но мы смогли бы что-то сделать, – печально сказал он. – Что-нибудь придумать... – он замолк, не зная, что сказать.

– Ты начинаешь рассуждать как про-механик, – устало сказала Лайен. – Сам не заметишь, как начнёшь сомневаться в собственных убеждениях. Такие у них методы, Мезант, – она постучала дулом пистолета по собственному виску. – Проникают сюда, и заставляют тебя сомневаться в том, во что ты веришь.

Она махнула пистолетом в сторону пульта и активатора.

– Заканчивай уже, Мезант, и мы сможем улететь... вернуться в галактику с высоко поднятыми головами. Как освободители.

Донна приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, надеясь, что те угольки хорошего, которые она видела в Мезанте, можно раздуть в пламя; но Лайен заметила это и направила пистолет ей в голову.

– Хоть слово вякни, – сказала она.

Доктор махнул рукой, чтобы Келлика, Бунни, и Уейоу шли по лестнице вперёд.

– Я сожалею, – сказал он Маме, оглядываясь на наполненную упавшими и замершими роботами камеру. – Если был другой способ...

>НЕ СТОИТ ИЗВИНЯТЬСЯ, – высветила Мама. У НИХ НЕ БЫЛО СОЗНАНИЯ, А НА КОНУ СТОЯТ БОЛЕЕ СЕРЬЁЗНЫЕ ВЕЩИ, ЧЕМ МОИ ЧУВСТВА.

Доктор покачал головой и почесал затылок.

– Знаешь, – сказал он, – мне кажется, я никогда не смогу понять машин.

>Я ПОНИМАЮ, – ответила Мама. МЫ ГОРАЗДО СЛОЖНЕЕ ВАС, ОРГАНИЗМОВ.

Доктор прищурился.

– У тебя очень странное чувство юмора, ты знаешь об этом?

Он высоко потянулся рукой и хлопнул Маму по плечу:

– Пойдём... надо разобраться с Лайен пока она не погрузила вашу галактику в не такую уж и сияющую темноту!

Остальные уже ждали их наверху. Мама решила, что ей проще лезть снаружи лестницы, чем сгибаться внутри. Но коридор

оказался достаточно высоким, чтобы она могла стоять выпрямившись.

Они без проблем нашли Лайен, Донну, и Мезанта: те были в ярко освещённой комнате, лаборатории с огромными окнами, выходившими в коридор. Увидев их, Лайен дёрнулась, её глаза загорелись гневом.

– Маме не понравилось, что её внуки бесятся, – крикнул Доктор в интерком в двери. – Она их выругала. Теперь они спят.

– Доктор! – крикнула Донна, помахав рукой.

– Судьба, похоже, не хочет, чтобы мы были вместе, – сказал Доктор. – Мы как Ромео и Джульетта.

Донна неубедительно улыбнулась.

– Не нарывайся, – сказала она.

– Не буду. В общем, Лайен, я так понимаю, что вы держите Донну на мушке, и собираетесь пригрозить, что пристрелите её, если мы не уйдём и не оставим вас. Я ничего не пропустил?

– В общих чертах верно, – согласилась Лайен, демонстрируя Доктору пистолет.

В нескольких метрах от неё Мезант возился с активатором, нервно оглядываясь на них через плечо. Было видно, что он дрожит.

– Вы не должны это делать... – начал говорить Доктор.

– Это мы уже проходили, – оборвала его Донна. – Уже пробовала. Меня отшили.

– А на случай, если вы подумываете о том, что Мама может сюда вломиться, – крикнула Лайен, – замечу, что эта комната очень крепкая. Чтобы сюда зайти, потребуется как минимум бомба. Да, а... примерно через десять минут активатор будет уже готов, и будет слишком поздно.

Она улыбнулась, почти с грустью.

Доктор засунул руки глубоко в карманы и пожал плечами:

– В таком случае очень хорошо, что у нас есть при себе бомба, верно?

– У нас есть бомба? – спросил Уейоу, который всё время подпрыгивал, чтобы видеть, что происходит в комнате. – Где?

Доктор посмотрел на Буни:

– Вы сами им расскажете, или лучше я?

– Что? – глаза у Буни забегали. – Какая бомба?

– Бомба? – эхом отозвалась Келлика.

– И не просто бомба, – сказал Доктор. – А бомба из антивещества. Такая бомба разнесёт всю эту станцию, – он запнулся, глаза у него расширились. – Это большая бомба.

– Вы блефуете, – засмеялась Лайен. – И у вас плохо получается.

– *Бомба?* – с ударением повторила Келлика.

– Расскажите ей, Буни, – сказал Доктор.

Буни посмотрел на Доктора, затем на Келлику, а потом перевёл взгляд на Маму.

– Я не понимаю, о чём вы, – сказал он.

– О, а я думаю, что понимаете, – возразил Доктор. – Я думаю, что вы прекрасно меня понимаете. Ну же, Буни, расскажите нам о бомбе. О той, которую вы спрятали внутри Мамы.

Наступила тишина. Все в шоке смотрели то на Буни, то Маму.

– Что? Я не понимаю о чём он. Он с ума сошёл.

Но в его голосе была дрожь, неуверенность, и все повернулись нему.

– Да рассказывайте уже, Буни, – сказал Доктор. – Через несколько минут Лайен собирается включить эту штуку, и миллионы и миллиарды машин, защите которых вы посвятили последние несколько лет своей жизни, погибнут. Это может быть единственным шансом её остановить, разве не так? Вы же для этого

её там и спрятали, в конце концов. Нечего строить из себя невесту, передумавшую в день свадьбы, — он посмотрел сквозь окно на Донну и скривился. — Неудачное сравнение, но всё-таки...

Буни обвёл всех взглядом, плечи его опустились.

— Я хотел тебе рассказать, — начал он робко, глядя на Маму.

— Что? — зашебетал Уейоу, вертясь туда-сюда, пытаясь что-нибудь понять. — Кому что рассказать?

— Хотели? — спросил Доктор у Буни. — А когда вы собирались найти подходящее время, чтобы рассказать Маме о спрятанной в ней бомбе? Это ведь не из тех сообщений, которые можно небрежно упомянуть между делом, а? «Ой, смотри какая туманность красивая... кстати, у тебя внутри спрятано несколько грамм антивещества, которое ждёт моего приказа». Так же можно и испортить свидание, правда?

— Как вы узнали? — спросил Буни, подозрительно прищурившись.

— Когда я был на борту вашего корабля, мы с Мамой немного поболтали... и я случайно заметил бомбу.

Буни был поражён.

— Прости меня, — сказал Буни Маме, запинаясь. — Я не думал, что когда-нибудь придётся её... использовать.

>В ЭТО СЛОЖНО ПОВЕРИТЬ, — вспыхнули красные буквы. ТЫ НЕ МОГ НЕ РАССМАТРИВАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ТОГО, ЧТО ОНА ПОНАДОБИТСЯ.

— Всё не так, — Буни в отчаянии схватился за голову. — Это была просто подстраховка. Я не знал, что именно затеял Культ... Я не знал, что может случиться. Мне нужно было... — он покачал головой, осознав, как слабо звучит его аргумент. — Мне нужен был способ остановить их.

>МЫ БЫЛИ ДРУЗЬЯМИ.

— И мы друзья... Друзья... — Буни качал головой, не в силах смотреть Маме в глаза.

>ДРУЗЬЯ НЕ ДЕЛАЮТ ДРУГ ИЗ ДРУГА БОМБЫ.

– Если бы я мог, я бы спрятал её в себе.

>ЭТО, ВОЗМОЖНО, ПРАВДА. НО СКАЗАТЬ ОБ ЭТОМ МНЕ ТЫ МОГ.

– Я боялся, что ты не согласишься, – сказал Бун.

Он поморгал, и утёр рукой слёзы и нос.

>В ЭТОМ РИСК ЧЕСТНОСТИ. НО ЧЕСТНОСТЬ ВСЕГДА ЛУЧШЕ ЛЖИ. МНЕ НЕПРИЯТНО ДУМАТЬ, ЧТО ТЫ ХОТЕЛ МЕНЯ УБИТЬ, ПУСКАЙ ДАЖЕ С ЦЕЛЮ ПОБЕДЫ НАД КУЛЬТОМ. БЫТЬ МОЖЕТ, ТЫ БЛИЖЕ К КУЛЬТУ СИЯЮЩЕЙ ТЕМНОТЫ, ЧЕМ САМ ДУМАЕШЬ.

– Нет, нет. Я совсем не такой.

>А ТЫ С ТАКОЙ ЖЕ ГОТОВНОСТЬЮ СПРЯТАЛ БЫ ЭТУ БОМБУ В КОМ-ТО ОРГАНИЧЕСКОМ? МОЯ МАШИННАЯ ПРИРОДА ДЕЛАЕТ МЕНЯ НЕ ТАКОЙ. МНОЙ МОЖНО ПОЖЕРТВОВАТЬ?

– Дело не в этом, – умолял Бун. – Если бы я и решился ею воспользоваться, то я был бы рядом с тобой, до самого конца. Я не мог спрятать её внутри себя – это было бы видно на любом сканере. А внутри тебя никто не смог бы догадаться, что это не часть тебя.

– Что происходит? – спросила Лайен, и Доктор понял, что ей не было видно слов на экране Мама; она могла только слышать по интеркому то, что говорил Бун.

– Ничего, просто беседуем между собой, – беспечным тоном сказал Доктор. – О бомбах из антивещества, о дружбе, и вообще... Немного разсентиментальничались, если честно, но что уж тут поделаешь? Скоро закончим.

– Я из-за взрывов всегда становлюсь раздражительный, – ворчал Уейоу. – Ведь не будет же взрыва, я надеюсь?

>ЭТО ТЕПЕРЬ БУНИ РЕШАТЬ, – сказала Мама. У НЕГО ЕСТЬ КОД АКТИВИРОВАНИЯ БОМБЫ. ЕСЛИ ОН РЕШИТ ИМ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ, Я НЕ СМОГУ ЕМУ ПОМЕШАТЬ.

Бун перевёл взгляд с Мама на Доктора.

– Что же нам делать? – спросил он почти шёпотом.

Его лицо, покрытое следами слёз в грязи, оставшейся с их побега с «Меча Правосудия», ничего не выражало.

– Не знаю, – будничным тоном ответил Доктор, почёсывая затылок. – Это у вас код активации.

Он постучал по окну:

– Мезант, простите, что беспокою, но сколько времени осталось до включения вашей армагеддономатики?

– Пять минут, – ответил Мезант; лицо у него было несчастное.

Лайен сердито на него посмотрела.

– Доктор! – позвала Донна. – Я уверена, что у тебя там всё под контролем, но эти разговоры о бомбах делают меня чу-уточку раздражительной.

– Это всё блеф, – сказала Лайен. – Я знаю такой тип людей.

– И у вас это хорошо получается, да? – иронично ответил Доктор. – Разбираться в типах. Такое у вас мировоззрение, да? Забыть о личностях, забыть о людях, все для вас просто тип.

Доктор заметил на лице Лайен озабоченность. Держа Донну на мушке, она подошла к Мезанту и что-то ему прошептала.

– Правду не нашёптывают, – съязвил Доктор.

Лайен проигнорировала его.

– Если верить моим часам, – сказал Доктор, посмотрев на запястье, – осталось примерно четыре с половиной минуты до того момента, когда наша безумная Мэри щёлкнет тумблером. Как долго длится обратный отсчёт у бомбы?

Бунни оторвал взгляд от пола.

– Одна минута.

– Хорошо, – сказал Доктор. – Значит, у нас осталось три с половиной минуты на то, чтобы поругаться, высказать друг другу всё, и принять решение.

Он набрал в грудь воздуха:

– Отлично... Полно времени... Начинаем! Ссорьтесь!

Он сложил руки и облокотился на стену. Все молча на него смотрели.

– Уходите, – внезапно сказал Бунни. – Все уходите, найдите шаттл... останемся Мама и я.

У Доктора опустились плечи:

– Что, героическое самопожертвование? – устало сказал он. – А более оригинальных идей нет?

– Просто уходите, – повторил Бунни. – Мы покончим с этой станцией, да, Мама? – он посмотрел на неё, и Доктор увидел, что на глазах у него снова были слёзы.

>ДА, – сказала она, немного подумав. >МНЕ НЕПРИЯТНО, ЧТО ТЫ МЕНЯ ОБМАНУЛ, НО ДА, МЫ ТАК И СДЕЛАЕМ. ЭТО ВАЖНЕЕ ЛЮБОГО ИЗ НАС.

– Вы все, – торопливо сказал Бунни, – уходите.

Доктор глубоко вздохнул:

– Что же, очень любезно с вашей стороны взорваться, но мы ведь тут все вместе, правда?

– Вместе? – беспокойно пропищал Уейоу.

– Вместе, – твёрдо сказал Доктор.

Он посмотрел сквозь окно на Донну.

– Донна, ты готова спасти мир в галактике, разорвавшись на кусочки?

– О, да, – небрежным тоном ответила она. – Всегда готова. Прямо как повторение Помпей, да?

– Ну, так давайте, – вновь улыбнувшись, сказала Лайен. – Если не слабо.

– Вы слышали, Бунни? Мама? Лайен считает, что вам слабо! Вы же это так не оставите?

Бунни посмотрел на Маму, а затем на всех, кто был рядом с ним в коридоре. Его взгляд пересёкся со взглядом Доктора.

– Код активации, – дрожащим голосом сказал Бун, – «Сияющая Темнота 111».

Мигнул виртуальный экран Мамы:

>КОД ПРИНЯТ. ПОДТВЕРЖДАЕТЕ?

На мгновение Бун запнулся и Доктор засомневался, что он доведёт до конца.

– Подтверждаю, – сказал тот.

Внезапно экран Мамы снова замерцал и стал кроваво-красным. На нём появились большие белые цифры «60», затем они сменились на «59».

Мама повернулась так, чтобы Лайен было видно экран.

– Это блеф, – сказала та, но Доктор увидел, что она уже не так уверена.

– Теперь вам решать, – сказал Доктор. – Пятьдесят секунд на то, чтобы решить, блеф это или нет. Может быть, вы и правы – мы всё это придумали, – он осмотрел свои ногти, – а может, и нет.

Лайен наклонилась к Мезанту и что-то ему сказала, но слов Доктор не разобрал. Он увидел, что Донна ловит удобный момент, чтобы выхватить у Лайен пистолет, но когда она поймала его взгляд, он покачал головой.

– Вы правы, – внезапно сказала Лайен, переходя к другому пульта. – Может быть, это блеф, а может, и нет. И как только я сдамся, вы отмените обратный отсчёт.

– Его нельзя отменить, – угрюмо сказал Бун.

– Что? – взвыл Уейоу. – Я думал, что план именно такой! Ох-ох-онюшки!

– Серьёзно? – с расширившимися глазами спросил Доктор.

– Серьёзно, – сказал Бун.

У Келлики глаза тоже расширились.

– Мы все погибнем, – вскрикнула она и схватилась за ногу Мамы, чтобы не упасть. – А спасательные шаттлы?

– Сожалею, – сказал Доктор, – но не думаю, что... – он сверился с часами, – за восемнадцать секунд можно до них добежать.

В комнате была суеда. Лайен и Мезант что-то отключали от пульта и собирали это всё, включая похожий на осу цилиндрический активатор.

– Наверное, нельзя, – мрачно согласилась Лайен. – Но ещё можно телепортироваться обратно на корабль. Вместе с этим, – она подняла активатор, ударила по пульта, и заговорила в его сторону. – Возвращай нас! – сказала она, триумфально сверкая глазами.

– Ну вот! – попытался изобразить энтузиазм Доктор. – А вечеринка только началась! – он сердито сложил руки на груди. – Ну, идите, идите. Бросайте на нас уборку мусора и чистку пепельниц.

– Я по-прежнему считаю, что вы блефуете, Доктор, – сказала Лайен, проверив, что ничего не забыла. – Но если в течение нескольких секунд станция не взорвётся, мы вернёмся. А если взорвётся... – она пожала плечами. – Придётся потратить ещё несколько недель или месяцев на то, чтобы подключить активатор к другому мощному передатчику, но мы справимся. Мы слишком далеко зашли, чтобы останавливаться.

Её и Мезанта охватило белое мерцающее свечение.

– А когда мы закончим в нашей галактике, – крикнула она, перекрикивая треск электричества, – то навестим вашу...

Свечение достигло максимума и резко погасло. Лайен и Мезанта не было. Все повернулись к Маме и её обратному отсчёту.

>5, – говорилось там.

– Остановите! – крикнул Уейоу. – Остановите! Ну же... вы же так планировали. Я знаю, что так!

Но Доктор посмотрел на маленького робота и покачал головой:

– Прости, Уейоу, но Бунни был прав. Я не могу остановить.

>4

>3

>2

Донна подбежала к двери и начала стучать по кнопкам, чтобы
открыть её.

>1

>0

– Что случилось? – спросил Огмуни, когда материализовались Мезант и Лайен.

– Включи экран, – рявкнула Лайен. – Покажи мне станцию!

Огмуни насмешливо скривился, но экран всё-таки включил.

– О, – сказал он, неожиданно вспомнив что-то. – Эта штука, которую я забрал у Доктора, – он взял с пульта блестящую красную сферу размером с мандарин. – Я не смог её открыть. Она только что начала мигать. Не знаете, что это...

В вакууме космоса корабли взрываются беззвучно: в отсутствии воздуха колебаниям не в чем распространяться. Но если бы кто-то смотрел на «Тёмный Свет», они бы и без звука поняли, что только что были высвобождены огромные запасы энергии.

Внутри красной сферы удерживающее магнитное поле выключилось, и нескольким миллиардам атомов вещества наконец-то позволили смешаться с несколькими миллиардами атомов антивещества. Как будто давно не видевшиеся друзья собрались на вечеринке. На очень шумной вечеринке. На одной из тех вечеринок, когда соседи стучат в стену.

Из передней части корабля вырвался фонтан бело-голубого света, расширяясь, как звезда, всё дальше и дальше, поглотив остальную часть судна меньше, чем за секунду, разбрасывая остатки далеко-далеко в космос, пока они, словно угасающие искры, мерцая, не потухли.

Даже не глядя на экран Мамы, не желая знать точный момент окончания своей жизни, а лишь желая, чтобы это случилось быстро

и безболезненно, Донна прижалась к Доктору так, что чуть не сбила его с ног. Она уткнулась лицом ему в грудь и затаила дыхание в ожидании конца. Ожидая, она почувствовала лёгкое похлопывание по плечу, подняла глаза и увидела лицо Доктора. На его губах была лёгкая улыбка.

– Вот мерзавец! – сказала она через секунду, оттолкнула его, и стукнула в грудь. – Это всё-таки блеф был? – она смотрела на него с открытым ртом. – Какой же ты мерзавец!

– Нет, – сказал он, и его улыбка пропала. – Это не был блеф. И да, наверное, я мерзавец, – он лихо ухмыльнулся, – немного мерзавец.

Донна посмотрела на Маму. Её экран исчез. Она осмотрелась. Все были либо шокированы, либо озадачены. А больше всех был озадачен Буни.

– Как ты?.. – спросил он у Мамы.

– Это не она, – ответил Доктор, надел очки, и прошёл мимо всех в комнату, в которой Лайен и Мезант работали с активатором.

Все зашли за ним следом.

– Так мы что, все умерли, и это... последняя закачка? – прошептал Уейоу.

Он посмотрел на Доктора и вдруг, как по волшебству, на его нарисованном лице возникла пара таких же очков. Уейоу потянулся к стене, словно ожидая, что его пальцы пройдут сквозь неё.

– Ох-ох-онюшки.

– Если это и оно, – сказал Доктор, что-то делая на пульте, – то что-то не очень у них с фантазией, не находишь? Смотрите!

Он указал на экран на пульте. На экране была чернота космоса, усеянная холодными сияющими звёздами.

– И что там? – спросил Уейоу.

– Это то, что осталось от Культа Сияющей Темноты. Ирония, да?

– А? – Уейоу запрокинул корпус, чтобы посмотреть на Доктора.

– Они улетели? – спросила Келлика. – Куда?

– Туда, куда мы все рано или поздно отправимся, – в голосе Доктора были нотки сожаления.

– Они погибли? – спросила Донна.

Доктор лишь плотнее сомкнул губы.

– Бомба, – сказал Бун. – Мамина бомба. Она что, была на их корабле?

– Я говорил Огмуни, что это ему совсем, совсем не нужно, – сказал Доктор без намёка на юмор в голосе. – Но некоторым сколько ни говори...

– Как? – Бун качал головой. – То есть, когда?..

– Когда я её обнаружил внутри Мама. Ей там было не место. Не просто физически, а просто это было неправильно по отношению к Маме. Вот я и... – он скривил смущённое лицо. – стырил её. Мама не замечала бомбу внутри себя, а когда бомбы не стало, она тем более не заметила. А затем у меня её забрал Огмуни.

У Донны расширились глаза.

– Позволь заметить, – сказала она, – что если тебе когда-нибудь доведётся осматривать меня, и вздумается вынуть один из моих органов, ты у меня получишь! – и в её глазах блеснул озорной огонёк. – Запомни это, Доктор.

– Вот одна из особенностей органических форм жизни: они не любят, когда из них что-то вынимают. – Доктор глубоко вздохнул. – Тем не менее... Кто к нам с мечом придёт...

В полной тишине они смотрели на экран. Внезапно Доктор нагнулся к нему, прищурился, и его пальцы забегали по клавишам.

Изображение резко приблизилось: посреди темноты болтался знакомый предмет.

– Слава богу! – вздохнула Донна, глядя на кувыркающуюся синюю будку. – Я боялась признаться, что потеряла ТАРДИС.

– Её тяжело потерять... подберём её при помощи одного из шаттлов станции. И лучше поторопиться. Мы же не хотим, чтобы она на Сентилли свалилась?

Донна взяла Доктора под руку:

– Нет, не хотим. Полетели домой, а?

– Домой, – согласился Доктор. – Дай мне несколько минут, чтобы запустить двигатели – отправим эту станцию обратно в Сентилли с отключёнными защитными экранами. Исчезнет, и глазом не моргнёте. А после того, как заберём ТАРДИС и быстро развезём друзей по домам, мне кажется, старина Млечный Путь манит нас, не находишь? А вас куда отвезти, дамы и господа? Уляля? Даллендаф? Или...

– Паскуит! – неожиданно вскрикнул Уейоу. – Слетаем на Паскуит! Можно? Можно?

– А что там, на Паскуите? – спросил Доктор.

У Уейоу за его нарисованными очками закатились глаза.

– Что там?! – сказал он. – Всего лишь самый лучший луна-парк для машин во всей галактике. У них есть симулятор, который даёт почувствовать, каково быть организмом... со всеми этими хлюпиковыми штуками. Настоящая жесть: с кровью, внутренностями, рвотой, и...

Доктор поднял руку, чтобы остановить его:

– Звучит заманчиво! Ну что же, Паскуит так Паскуит, – усмехнулся он.

– Так им теперь конец, этому... Культуре Сияющей Темноты?

Донна и Доктор стояли возле ТАРДИС и наблюдали, как причудливая группа, во главе которой прыгал и пищал Уейоу (который так привязался к своим новым очкам, что Донна заподозрила, что это навсегда) уходила вдаль. В долине под ними был самый большой луна-парк из всех, которые ей доводилось видеть. Издалека до них доносились радостные крики тысяч механизмов, которым всем не терпелось узнать каково это – быть хлюпиком.

– Не думаю, – ответил Доктор. – Это скорее состояние ума, чем организация. Есть миллионы таких же, как они. У которых в голове те же злые, узколобые мысли. Боятся всех, кто не такой, всего, что они не понимают. Такие всегда будут, готовые обвинять других в том, как устроена вселенная.

Донна вздохнула и взяла его под руку. Он посмотрел на неё.

– Ты в порядке?

Глядя в долину, Донна скривилась.

– Вот так живёшь, знаешь, – сказала она, – считаешь себя хорошим человеком. Ну, может, и не всегда хорошим. Иногда просто не плохим человеком. Встаёшь по утрам, ходишь на работу, или в колледж, или ещё что-то там. Смотришь телек, едешь в отпуск. Всё такое. И просто веришь в то, что всё так и есть. Веришь тому, что сказали родители, что видишь в новостях, о чём читаешь в газетах. Ты не подвергаешь ничего сомнению, если речь, конечно, не идёт о новом наряде Пош, или о жизни Королевской Семьи, или ещё о чём-то там... Просто впитываешь это всё и думаешь, что все, кто считает иначе, не правы.

– Ну-у, – медленно сказал Доктор. – Они ведь обычно действительно неправы. Особенно если ты – Рыжая Богиня.

Донна уткнулась головой ему в плечо.

– Не-е, – не согласилась она. – Дело не в божественности.

Она вдохнула чужой воздух Паскуита, в котором было так много чужого, что было почти больно.

– Путешествия с тобой... – Донна запнулась. – Путешествуя с тобой, видя всё это, рискуя жизнью и здоровьем... Знаешь, мне это до чёртиков страшно.

Доктор предостерегающим тоном ответил:

– Ну, никогда не поздно вернуться домой. Обратно в Чизвик, работа на пол ставки, отпуск в Египте (кстати, я рекомендую Мексику), обратно к нормальному...

Донна улыбнулась и покачала головой.

– После знакомства со всеми этими роботами... с этими машинами, инопланетянами... Да что вообще после этого «нормально»?

Доктор указал на маленькую группу в нескольких сотнях метрах от них: две похожие на вертикально стоящие шезлонги машины шли, прогуливаясь. У них на плечах сидели два ребёнка – ребёнка-хлюпика. Дети смеялись и пищали, когда шезлонги раскачивались туда-сюда, делая вид, что вот-вот их уронят.

– Вот это нормально, – сказал он. – Просто люди, ведущие себя по-человечески.

Они какое-то время постояли молча, наблюдая, как жёлтое солнце Паскуита опускается к горизонту, слушая звуки, вдыхая запахи еды, цветов, машинного масла.

– Люди, – повторила Донна. – Просто люди.

Благодарности

Как всегда, спасибо моим верным корректорам: Стюарту Дагласу, Саймону Форварду, Майклу Робинсону, Полу Дэйлу Смиту, и Нику Уоллейсу. Джастину Ричардсу за то, что позволил ещё раз отведать этот плод. Всем, кому понравились мои другие повести о Докторе. Марку Моррису и Саймону Мессингэму – с возвращением! Стиву Трайбу за его орлиный глаз.

И Расселу Т. Дэвису и его команде за то, что предоставили нам чудесную возможность порезвиться.

Ох-ох-онюшки!